Дивнариум

Кира Измайлова
Эрл Грей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эльфы, дивный народ, порой бывают такими дивными, что хоть стой, хоть падай!

Стеб, угар, шизофрения и рейтинговые сцены в наличии.

- Измайлова Кира
  - 01
  - 02
  - 03
  - 04
  - 05
  - 06
  - 07
  - 08
  - 09
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

Измайлова Кира
Эрл Грей
Дивнариум

01
Саурон Xxxxl

Барад-Дур сиял огнями факелов — весь, от подножия до верхних шпилей. Дежурный орк надраивал Око, поплевывая на фланелевую тряпочку, кажется, бывшее гондорское знамя. В цитадели ожидалось великое событие. Кольцо Всевластия вернулось к хозяину, и он готовился к Торжественному Надеванию Кольца.

По его замыслу это торжественное событие должно было собрать всех его подданных и стать началом конца старого мира и еще чего-то там.

Для полного торжества на событии присутствовали пока еще живые пленники.

Все было готово к появлению Повелителя. Он появился как бы ниоткуда, весь в черном с серебром, с длинным мечом у пояса, закрыв лицо железным забралом, и занял свое место. Кольцо блистало, притягивая взоры.

Рукой в черной латной перчатке он взял Кольцо и торжественно надел на палец.

Нет, не надел. Попытался надеть. Кольцо не налезало. И со второй попытки тоже. С третьей оно застряло, и Повелитель еле-еле стащил его. Тогда он снял перчатку и попробовал снова. Кольцо не налезало. Ни на средний палец, ни на безымянный, ни на указательный, да что там, оно даже на мизинец не налезало. "Зачем я так много ел?" — с печалью подумал Саурон и мельком посмотрел на себя в зеркало, висевшее в центре залы. (И сам себе ответил: "От нервов".) Зеркало честно сказало, что хотя латы, конечно, стройнят, особенно черные, но все же нужно брать свой размер. Саурон вздохнул, делая вид, что все идет по плану, и примерил Кольцо на другую руку. С тем же результатом. Саурон нервно улыбнулся.

Орки отступили назад. Круг свободного места вокруг Повелителя стал шире.

Повелитель задумался. Носить Кольцо на цепочке — это модно, но бесполезно, бижутерии у него и без того хватало. Но тут его взгляд упал на босые лапы хоббита. Тот шевелил пальцами — мерз, наверное. А может, дразнился. И Саурона осенило.

Он подозвал Ангмарца и приказал снять с себя сапог и размотать портянку. Тот исполнил приказ и аккуратно поставил портянку за трон.

После этого Повелитель закинул ногу на ногу, оттолкнув порывавшегося помочь назгула, и блаженно пошевелил освобожденными пальцами. Последний раз он снимал портянки лет пятьсот назад. Эффектным жестом он насадил Кольцо Всевластия на мизинец и…

Кольцо не налезало.

Точнее, оно застряло на давно не стриженном когте Повелителя, которым было так удобно цепляться за неровности почвы. Саурон поднатужился и снял таки Кольцо с пальца. При этом своенравная драгоценность вырвалась из его рук и, звеня и подпрыгивая на неровных каменных плитах, покатилась куда-то в пространство. Аккурат туда, где протек узенький ручеек лавы от вездесущего Ородруина. ("Давно надо было навести порядок, — мелькнуло в голове у Саурона. — А то стыдно пленных привести".)

И канула в лаву.

Саурон тупо смотрел на свое Кольцо. Назгулы смотрели на Кольцо. Орки смотрели на Кольцо. Пленники смотрели на Кольцо. На глазах у всех оно булькнуло в лаву, на мгновение задержалось на огненной поверхности и медленно начало тонуть.

Арагорн широко ухмыльнулся и положил ладонь на рукоять меча…

02
Страдания одного эльфа

Матушка моя — эльфийка из Лихолесья, а вот кем был мой отец, неизвестно. Она уверяла, будто он эльф из Предгорий, только затруднялась ответить, где именно расположены эти самые Предгорья. Но где бы они ни были, это сильно испортило породу.

На карте Средиземья я отыскал с десяток местностей с таким названием, но они находились, прямо скажем, далековато от Лихолесья, и если даже предположить, что матушка прежде любила путешествия… Я сомневался, что в тех местах вообще живут эльфы.

Зеркало, однако, уверяло меня, что я настоящий эльф, и уж подавно не сомневалась в этом матушка. И воспитывала меня соответственно.

К сожалению, до образцово чистопородного экземпляра я не дотягивал. Взять хотя бы тот факт, что сложением я больше напоминал человека (крупного человека), и, пускай по деревьям я передвигался не хуже сверстников, тонкие сучья меня просто не выдерживали. А еще… Такую стыдную подробность непросто доверить даже личному дневнику, тем более что я уверен, мама его читает, да, мама? Ну я же говорю!..

Так вот, у меня не стоит.

У меня не стоит левое ухо.

Позор! Я, конечно, закрепляю его заколками, как могу, но… В общем, я стараюсь, чтобы волосы не растрепывались. Меня ставят в пример за мою всегда аккуратную прическу, но я-то знаю, ради чего все это!

Признаться, я надеялся, что хотя бы к двухсотому дню рождения ухо встанет, как ему полагается (у большинства они уже в полсотни лет торчали, как… как… торчали, словом), но нет. Стоило мне взглянуть на свое отражение, как меня обуревала жесточайшая печаль. Нет, я подбадривал себя мыслями о том, что оба мои уха могли бы висеть, а тут только левое, только наполовину…

Но я все равно не рискую близко знакомиться с девушками. Стоит представить, как я… с ней… она нежно проводит рукой по моим волосам, а там… И ухо падает!

А ведь на меня заглядывается не одна моя сверстница!

Все изменилось, когда я свел относительно близкое знакомство с гномами. Когда я увидел их работы, все

переменилось!

Да, о Эру, это было больно, но это стоило того! Теперь я слыву неформалом и попирателем традиций, но… Стоило продырявить проклятое ухо и намертво приклепать его к черепу, чтобы стать не позором семьи, а модником!

Хотя и позором семьи тоже.

Будь я королевским сыном, я мог бы ухо прикрепить к венцу или там диадеме, но, увы, я далеко не королевский сын… Зато теперь я не хуже других! И даже свел близкое знакомство с одной девушкой. Она тоже лучница, и ей наплевать, что я дружу с гномами. Она даже говорит, что я проложил связь между двумя племенами, и мое имя не забудут. Да, не забудут, поскольку меня уже прозвали Железноухим. Довольно лестно, хотя…

Хотя заклепка на днях выпала — вот и хвали гномскую работу! Слава Эру, я был один, когда это случилось. Придется делать штифты по всему уху, хоть один да выдержит. А если навешать на них всяких побрякушек, можно говорить, что это такая мода. И еще не забыть пустить слух о том, что в правом ухе серьги носят только… гм… эльфы, забывшие о своем естестве.

Я вот не забыл, но та девушка… в последнее время она как-то засматривается на гномов, вот, пошла меня провожать, как я ни отбивался.

Я решил прикрыть макушку венком, пока добираюсь до гномов. Мне идет, хотя кое-кто отпускает двусмысленные шуточки на сей счет. Но когда я добрался до гномов, они меня не поняли.

Сказали, что ухо не нуждается в поддержке, а когда я стал возражать, подвели к роскошному, отлично отполированному серебряному зеркалу, — такого нет даже у короля Лихолесья. И в этом зеркале я увидел себя… С двумя стоячими ушами… Я не поверил своим глазам! Ухо — левое! — стояло! Само, без поддержки. И рядом с ухом довольно лыбились гномы. Как раз макушкой мне по ухо.

Чудовищное подозрение закралось в мое сердце.

"Это ведь волшебное зеркало Еиналеж?" — спросил я.

"Не-а, — ответил гном и довольно хрюкнул. — Волшебные зеркала — это по вашей части, эльф".

"Но как?!" — я пощупал ухо. Оно действительно стояло.

В мое сердце вкралось второе подозрение, еще чудовищнее первого.

"Ну… — гном перестал хрюкать и теперь изучал потолок. — Известно, когда у мужчины стоит. Ухо".

Я помнил только, что сытое ухо к ученью глухо, но поскольку уже пообедал, решил, что это из другой области. Еще я слыхал,

что женщины любят ушами. Об этом жутком извращении мне не смог ничего поведать никто из старших товарищей, увы! И потом, я же не женщина! И я не любил ухом! Могу поклясться!

Однако проклятое ухо стояло. Нет, я очень нравился себе в зеркале — породистый молодой эльф, с приличным экстерьером и отличной стойкой. Но я же не могу остаться у гномов, чтобы демонстрировать свои породистые уши! Мне придется возвращаться… А что если в лесу ухо вновь обвиснет? Слыхал я, что где-то очень далеко есть вислоухие эльфы, но это, думаю, сказки.

Кто-то еще травил байки о суровых эльфах, которые вообще купируют уши, чтобы те не цеплялись за ветки, но это, думаю, вообще фантастика. Эльф без ушей — это ж орк!

Пока я раздумывал, как бы мне выяснить причину стояния уха, в помещение проскользнула моя подруга. Ухо нервно задрожало, звеня всеми серьгами.

Кажется, серьги перевешивали. Но она не обратила на меня особого внимания, а подошла к молодому гному, который возился у мехов, положила руку ему на плечо и нежно принялась что-то шептать.

У меня внутри все упало. И снаружи тоже. В том числе ухо. Я придержал его руками.

Получилось так, словно я заткнул уши, не желая подслушивать чужой разговор. Как она может, думал я, вот стоит перед нею молодой красивый эльф, ну, пусть чуточку не совсем породистый, бракованный немного (проклятое ухо!), но все же эльф! А не гном! Который носом достает ей ровно до… гм… выреза на груди.

Что она нашла в этом коротышке, думал я с возмущением, он ведь волосатый! В смысле, эльфы тоже волосатые, но у нас нет бород! (Хотя косички у него очень забавные, интересно, он их каждый день переплетает или как?)

И на дереве с ним не посидишь, только под деревом. И плавать… как он в этом железе плавает, интересно? Снимает, поди, и куртку тоже, и штаны, и сапоги, вон они тяжелые какие, гвоздями подбиты. И пояс, само собой. И в таком виде лезет в воду…

А всю амуницию тащит с собой? То есть, может, складывает на плотик или на голову даже, поднимает руки, мускулистые такие ручищи, у него бицепсы — как мои бедра, хотя я не слабак! И плывет, мощно загребая ногами… И борода стелется по воде, как водоросли.

Да и вообще фигура соразмерная. Не эльф, конечно, но все же. Тут я почувствовал, что подлое ухо встало. Звеня всеми

серьгами.

Хорошо, на меня не обратили внимания в том углу. Я обрадовался. Значит, средство найдено: стоит мне хорошенько представить себе гнома, как ухо встает и стоит себе, не падает. Все, спасен! Стоит только при разговоре хоть с королем, хоть с девушкой представить гнома — и все, порода видна! Стоп…

Я осторожно попытался представить короля нашего Трандуила в виде гнома. Ладно, лиственная корона неплохо заменилась золотой. Шевелюры и у гномов буйные. Вместо кафтана пусть будет кольчуга. Отлично, отлично, дело пошло…

Ан нет, ухо снова упало. Я не мог вообразить короля с бородой. Вернее, мог, но в этот момент у меня началась истерика, потому что я представил ухоженную белокурую бороду, украшенную драгоценными подвесками, ниспадающую ниже колен, стелящуюся по полу шлейфом… (Ухо дрогнуло и зашевелилось.)

А потом в сердце мое закралось уже третье по счету чудовищное подозрение. В каких это Предгорьях, интересно, матушка повстречала моего неведомого отца?! И не наследственное ли это у меня нестояние ушей?!

И, страшно сказать, не гном ли тому виной? Ой. Хотя у самих гномов их гномские лопухи, кажется, не висели, но на то они и лопухи, чтобы в них был какой никакой тургор.

Решив по прибытию домой расспросить матушку с пристрастием, я стиснул зубы и попытался вообразить свою спутницу гномкой. Это было сложно, я никогда не видел гномьих женщин и как-то сомневался, что у них растет борода. Ну разве только чуть-чуть. Бакенбардики такие… Везде. От смеха начавшее было вставать ухо снова упало и больно ударило меня по щеке своими металлическими заклепками.

Я понял, что надо быть осторожнее в своих фантазиях и тренировать силу воли. А то так вот представлю королевского сына в виде гномки, и еще неизвестно, чем это может закончиться!

Ничем хорошим, понял я и обратил взор на молодого гнома. У него еще даже не росла борода, и вообще он был немного похож на эльфа. Во всяком случае, улыбка у него была вполне эльфийской. Он приветливо улыбнулся мне, и ухо подпрыгнуло и встало по стойке смирно!

"Что это ты на мою сестру пялишься? — мрачно спросил мастер, вбивавший очередную заклепку в мое многострадальное ухо. — Нечего! Ходют тут всякие…"

"Сестру?!" — вскрикнул я. Ухо хотело было увянуть, но холодное железо намертво притянуло его к моему черепу.

"Сестру, — с нажимом повторил гном и тюкнул молоточком так, что в голове у меня зазвенело. Я подумал, что проще было бы отрезать это ухо и сказать — его отгрыз мне свирепый варг, чем так мучиться.

"Говорю, ходют тут всякие, а у нас потом Аркенстоны пропадают".

"Кто такой Аркенстон?" — насторожился я.

"Не знаешь — и не надо, — отрубил мастер, но посмотрел на меня с большей приязнью. — Значит, Фрея тебе понравилась?.."

"Я нечаянно, — заверил я. — Так… загляделся на свою подругу, взгляд случайно упал на… вашу сестру… вот".

"Ну смотри! — великодушно разрешил он. — Все равно ей замуж за гнома идти, а не за эльфа. За погляд мы денег не берем, хе-хе".

Еще бы вы за это деньги брали, мрачно подумал я. Заклепки сожрали всю мою наличность. Хорошо, если у подруги деньги с собой есть, а если нет? В лесу-то мы не пропадем, но тут…

Однако ухо теперь надежно стояло.

"Гарантия — полгода, — предупредил мастер. — Не подвергать воздействию пыли, влаги, магнитов и повышенной температуры, иначе гарантия недействительна".

"Это что же, мне теперь не мыться?!" — поразился я.

"Дак мы не моемся, и живы", — отрезал гном.

Я сглотнул и посмотрел на Фрею другими глазами. Выходит, они не смуглые, это у них… напластования пыли. Стоп, но воздействию пыли и температуры изделия тоже подвергать нельзя, а гномы постоянно у печей и горнов… Я запутался. С другой стороны, они-то уши не заклепывают. Это моя тяжкая доля.

"Надо было золотые ставить, — сказала гномка, подойдя поближе. Ухо мое затрепетало. — Золотые не ржавеют!"

Я только вздохнул. Где же мне столько денег взять! Был бы я богат, как король наш Трандуил, поставил бы сразу мифриловые…

"Чего золотые?" — с интересом спросила моя девушка, вклиниваясь.

"Сережки в ухи", — ответила Фрея с очаровательной непосредственностью. Я покраснел.

"Ой, я тоже хочу! — сказала моя подруга. — Я-то думала, ты кольчугу заклепать решил…"

"Давай в следующий раз, — промямлил я, — а то нам уже пора".

"Верно, нас, наверно, уже ждут, — согласилась она даже слишком охотно. — Да и денег мало… Слушай, а как ты думаешь,

мне пойдут серьги, ну, такие, как у короля подвески на весенней короне? Как сережки ольховые? Только золотые с изумрудами, а?"

"Пойдут", — заверил я, мечтая побыстрее убраться от щекотливой темы. Ну и от гномов, дабы проверить прочность заклепок.

"Мог бы уже запомнить, что у меня синие глаза, а не зеленые, мне сапфиры больше подходят", — обиделась она. Вот пойми этих женщин!

"Зеленые моднее", — машинально ответил я, пробуя рукой ухо. Ухо стояло (спасибо заклепкам!), но оно стояло и само по себе (это я чувствовал).

"Мужчины все глупцы!" — задрала она нос и прошествовала на выход, не забыв, правда, по пути похлопать Фрею по мускулистой заднице. Я искренне надеялся, что она перепутала гномку с ее братом.

Я вежливо поклонился и тоже вышел. Ухо стояло!

Правда, на полпути к дому тонус начал спадать, но заклепки держали надежно. Вот подкоплю, поставлю правда золотые. А может, и мифриловые. Через одну. Не поселиться же мне у гномов!

"Где вас носит! — встретил нас принц, и ухо упало так, что едва не выдрало заклепки. Я постарался представить Леголаса с бородой и, знаете, помогло! Борода принцу шла так, как его папе — бриллиантовое ожерелье. — Набираем отряд в Эребор, там будет заварушка!"

"А гномы?" — спросил я осторожно. Мысленно я еще спросил про пыль и сырость, но только мысленно.

"Много!" — сказал он и сверкнул глазами.

"Я иду!" — ответил я и шевельнул ухом.

"Я тоже!" — выскочила моя девушка.

"И я", — дружелюбно ответил принц и потрепал меня по плечу.

Взгляды наши встретились, и я вдруг заметил серьгу у него в ухе.

Кажется, я нашел единомышленника…

03
О дураках и дорогах

Король наш Трандуил внезапно озаботился состоянием дорог в своих владениях. Неужели ждет сватов к принцу? Или даже к себе самому…

Если учесть, что дорог у нас в принципе никогда не было, то многие высказались нецензурно. Но про себя.

Но все было проще. Король наш Трандуил, как вы помните, неожиданно осознал, что дороги и дураки идут в комплекте. А поскольку дураков у нас в королевстве хватало, и даже с избытком, то всех, кто не успел спрятаться или уйти на войну, припахали к строительству.

Дороги прокладывали по прямой. Ну то есть совсем по прямой, поэтому выглядели они так: пять метров — низина, восемнадцать — кроны деревьев, двадцать пять — веревка над рекой, семь — луг, двенадцать — болото. И так далее.

— Слушай, — сказала моя подруга, когда мы в пятый раз подвязали оборвавшийся канат, — а конные как по веревочному мосту переправляться будут?

— Не наша проблема, — отмахнулся я. — Да и нечего в наших чащобах делать конным. Намек такой, понимаешь?

— Ага. Это политика, — сказала она со знанием дела. Недаром с Леголасом по кустам пряталась! — Дорога есть? Есть. А что вы по ней проехать не можете, это уже не наши проблемы. Кстати, гномы тоже не пройдут, слишком тяжелые…

"А жаль", — кажется, подумали мы одновременно.

— Ну гномы пройдут, — сказал я вслух. — В смысле дорогу грудью проторят. Широкую, ясную.

— Угу, они и по дну могут пройти, — хихикнула она и вдруг помрачнела. Потом зачем-то провела рукой на уровне своего выдающегося бюста. — М-да. Глубоковато им тут будет…

— Ты их доспех видела? — спросил я. — Ну и вот. Там как в банке консервной, не утопнут. Да и не собираются они к нам… Король их не слишком жалует.

— Да-а? — произнесла она с явным намеком.

— Ты что-то знаешь! — уверенно сказал я. — А ну выкладывай! А то без обеда оставлю. Как бригадир.

— Напугал эльфийку похуданием, — фыркнула моя подруга и уселась на бережке. — В общем, я слышала от одного эльфа…

— От Леголаса.

— Тс-с-с! У деревьев есть уши!

Я на всякий случай огляделся. Слово "уши" меня с недавних пор нервировало.

— Так вот, я слышала, что наш повелитель когда-то был очень близко знаком с весьма знатным гномом, но…

— Но?..

— Поссорились, — развела она руками.

— Развод и девичья фамилия? — хихикнул я.

— Фамилию повелитель вроде не менял…

— Так это ж у него отчество.

Я снова огляделся. Тема становилась горячей и опасной.

— Давай лучше про гномов, — предложил я, снова приступая к канату. — Значит, гномов ждем? А у них топоры всегда с собой…

— Так это боевые топоры. На лесоповал они не годятся.

— Скажи это энтам, — иронично ответил я. — Я эти топоры видел — они годятся хоть хлеб на обед резать, хоть бороду брить, хотя гномы не бреются, хоть по кумполам стучать. Но я с ними вроде не в ссоре, так что…

Подруга выразительно посмотрела на мое левое ухо. Я не менее выразительно посмотрел на ее золотые серьги с изумрудами. В форме ольховых сережек, да, как на весенней короне повелителя нашего Трандуила.

Мы синхронно вздохнули. Потому что повода сбегать в гости к гномам не было, да и, поговаривали, соседские гномы закрылись и чужаков в связи с войной пускали неохотно. Особенно эльфов. А жаль… Может, человеками прикинуться? Хотя и с человеками гномы не очень…

— Ну вот придут, поглядим, с кем они в ладах, — буркнул я. Нам предстояло еще прокладывать дорогу через ближайшую рощу — в смысле поверху.

Тут я представил, как гномы в доспехах, цепляясь бородами за ветки и собирая в эти самые бороды птичьи гнезда, ругаясь на своем языке, пробираются по кронам деревьев, и заржал.

Припомнил им, так сказать, выплаченную ни за что (ну почти) наличность…

К вечеру оценить нашу работу явился лично король наш Трандуил с наследником и прочей свитой. Канатная дорога чудесно выглядела в лучах заходящего солнца, напоминая затейливо сплетенную паутину (мы там нечаянно запутались и решили не распутывать, крепче будет). Король, однако, этой красоты не оценил.

— Похоже, вы учились у пауков! — грозно сказал он. — Того гляди, предъявят нам счет за нарушение авторских прав. И почему дорога проходит здесь, а не на пятьдесят метров ниже по

течению, как в плане?

— Там, ваше величество, сплошь ивняк, — выкрутилась моя подруга, — разве можно к нему канаты крепить? А тут вот уже березы и сосны пошли, надежнее все-таки!

— Да, но дорога делает извив! Или изгиб? В общем, идет не по прямой, которая, как известно, является кратчайшим расстоянием между двумя!

Мы с подругой переглянулись и хихикнули.

— Иногда кривая дорога оказывается короче прямой, — пришел на помощь принц. — Посмотри, отец, как красиво выглядит этот воздушный мост! Как золотится канат в вечернем свете!

Леголас вскочил на ветку, другую, пробежал по мосту…

Подруга подавала мне отчаянные знаки, но я ее не понимал. И только когда здоровенная сосна, к которой мы прицепили свое сооружение, вдруг заскрипела и начала медленно крениться, до меня дошло… Мост провис.

— Вот кого без обеда надо оставлять… — пробормотала она.

Леголас застыл на месте. Его отец застыл на месте. Свита застыла на месте. Я тем более. Сосна была сухая и в плане значилась как срубленная. Убейте, не знаю, кто должен был ее срубить и не срубил, но сосны по плану не было. А реально — была. И медленно и верно заваливалась в реку вместе с Леголасом и нашим чудным мостом. Леголас — да Валар с ним! — выкарабкается, а вот мост…

— Держи ее! — завопил я, опомнившись, и вцепился в дерево. Подруга вцепилась в меня. Свита короля вцепилась в нас обоих и сосну.

Король остолбенел.

Зато Леголас пришел в себя. И исполнил свой коронный номер — взлетел буквально по хвоинкам на желтую макушку.

Зря он это сделал. Сосну мы не удержали.

Леголас снова взлетел и грациозно приземлился на соседний дуб. Сосна крякнула, ухнула и проложила надежный и прочный мост через реку. Хоть Глаурунга по нему веди!

— Это новое слово в строительстве дорог, — сказал я, чтобы как-то оправдаться. — Правда, красиво получилось, ваше величество? Эффектно!

Леголас рухнул с дуба от такой моей наглости. Отец его поймал и проверил, цел ли наследник. А что тому сделается? Он вообще прочный. Наверное, питание тому причиной.

Мы вот с подругой по мосту вдвоем бегали, когда проверяли — и хоть бы хны, а его высочество как забрался — и готово. Надо было прихватить еще короля для проверки на прочность…

— Главное же, чтобы не было межнациональных конфликтов, — я заглянул королю в глаза. — А то гномы как примутся опять с бодуна топорами махать…

— Что значит — опять? — нахмурил он свои знаменитые брови. — О чем это ты?

— Я про великие битвы прошлого, — пояснил я туманно. — Эльфов и этих… бородатых.

Король пошевелил бровями, но промолчал. Видимо, решил не развивать скользкую тему.

Я вопросительно посмотрел на него. Примут работу или нет?

У меня нервно дергался кончик уха, намертво прибитого к черепу гномьими заклепками. Подруга трогательно хлопала ресницами и позванивала серьгами гномьей же работы. Король покосился на сына и его мифриловую с сапфирами фибулу опять же гномьей работы. Потом зачем-то потрогал свою корону.

Потом вздохнул и погладил оленя по шее. Олень кивнул.

— Ну… хорошо, — произнес владыка. — условно принимаем. Но больше чтобы никаких отклонений от проекта!

С этими словами он оседлал оленя, кокетливо свесив ноги сбоку, и направился прочь, а мы тяжело вздохнули и переглянулись.

Впереди нас ждали Паучьи овраги и пара скалистых расщелин, где, хоть ты убейся, подходящих сосен не росло. Зато росли пауки.

— Ваше высочество, — сказал я. — Вы как относитесь к арахнидам?

— Как к арахнидам, — сказал он и хихикнул. — Но вы вообще… э-э-э… используйте навыки. Зря вас столько лет учили, что ли! Но не перестарайтесь. Пауки — наша первая линия обороны.

— А от кого мы обороняемся? — удивилась моя подруга. Она пауков любила. Зимой собирала паутину, снимала с нее замерзший клей и вязала кружевные шарфики. Мне один подарила, очень мягкий и теплый, кстати. А клей тоже в хозяйстве лишним не бывает.

— От сил зла! — строго сказал принц.

— От сил зла давайте лучше оборотней заведем! — предложил я.

— Оборотни мягкие и пушистые, — поддержала подруга. Чего-то я о ней все-таки не знаю…

Услышав это, Леголас впал в задумчивость. Видно, мягкость и пушистость он представлял как-то иначе.

— Словом, аккуратнее с ними, — выкрутился он.

Мы переглянулись и вздохнули. Приказ есть приказ… и мы

пошли делать паукам аккуратнее.

Но это уже совсем другая история…

04
Паучье сокровище

В Паучьем овраге мне сразу не понравилось. Хотя бы потому, что было там холодно, сыро (этак тетива попортится!), ну и пауки сновали в количестве, разумеется. Причем такие откормленные, что на ногу наступят — отдавят. Однако дело есть дело. Мы героически волокли за собой канаты, которые должны были стать дорогой. Они цеплялись за все, включая пауков.

Некоторые пауки решили, кажется, что мы пришли поиграть, и стали отнимать у нас канаты. Мы с подругой переглянулись, пожали плечами и стали смотреть, как эти мохнобрюхие споро затаскивают тяжеленные бухты на деревья и ловко перебрасывают туда-сюда канаты и нити своей прочнейшей паутины. Оно, конечно, получился целый воздушный лабиринт, но а) так веселее, б) крепче. И с пауками воевать не надо.

Я даже пожалел, что не привязал к концу каната бантик.

Правда, в самой глубине Паучьего оврага нам стало не до игрищ.

Навстречу нам из логова выполз здоровенный седой паучище, поклацал хелицерами и мрачно спросил:

— Чево надоть?

— Просим прощения за беспокойство, — вежливо сказал я, — у нас задание от короля нашего Трандуила — проложить канатную дорогу. Ваши подданные так нам помогли!

— А как вас зовут, если не секрет? — кокетливо спросила моя подруга. Ну вечно ее тянет на какую-то нечисть!

— Арагог, — шепеляво проклацал паук.

Мы в ужасе переглянулись. Какой негодяй превратил знакомого нашего принца в ***это***?!

Но следовало как-то налаживать контакты, поэтому я как мог приятнее заулыбался старому хрычу Арагогу.

— Давно ль вы виделись с нашим принцем Леголасом? Не правда ли, он очень достойный принц? И как вам живется в этом… м-м-м… облике?

— В облаке? — переспросил старый хрыч. — Нормально, только сыровато.

— Отчего же не переселитесь в места… гм… чуть более отдаленные? — пытался я поддерживать светскую беседу.

— Да чаво, — ответил паук, прижмурив все восемь глаз и почесывая спину третьей левой ногой. — Тыщу лет тут живу, не хватало нору бросать. Вот жду, можа, Шелоб в гости заглянет…

Хотя, слыхал, растолстела баба, запустила себя…

— Это ж надо, как человека меняет одежда! — шепнула мне подруга. Да, шкура изменила несчастного до неузнаваемости. Мои намеки насчет принца он пропустил мимо ушей, зато принялся рассуждать о знакомых растолстевших бабах. Интересно, о ком он это? Может, о Галадриэли?

Тут я на всякий случай перестал думать о бабах, а то мало ли, какими техниками владеет король наш Трандуил. Так вот узнает, о чем я думал, протреплется Галадриэли (сплетничает он больше любой бабы, точно знаю), и буду я всю оставшуюся бессмертную жизнь пауков охранять. Или, хуже того, приручать.

Заодно я перестал думать о короле. А то ассоциативные цепочки — они такие.

— А где ваш знаменитый сломанный меч? — не отставала подруга, норовя заглянуть в паучью нору. Я хотел предостеречь ее, но потом махнул рукой. Если что, это Арагога от нее спасать придется, а не наоборот.

— Меч? А-а, меч! — обрадовался тот и задом сдал в свое логово. Там послышался лязг, грохот, и мы едва успели отскочить — в нас полетела целая груда железа. Вперемешку с костями. — Тута где-то был, поищите, если хочете, а то мне вечно недосуг. А оне брюхо колют, не полежишь спокойно! Вот, хорошо, что зашли, хоть приберусь маленько…

С этими словами Арагог снова скрылся в норе, оттуда раздалось шуршание и скрежет.

Мы переглянулись и посмотрели на гору оружия. Чего тут только не было!

Подруга облизнулась и быстро вытянула из кучи легкий меч голубой эльфийской стали.

— Главное, чтобы это не королевский был, — заметил я.

— Короля Арагогушка жрать не станет, — ответила она. — Не дурак же он!

Я нашел парочку интересных изогнутых клинков неизвестной работы и решил прихватить — попробую разобрать потом, что это на них за руны. Подруга помучилась, подобрала еще гномскую секиру (явно в подарок), три кинжала и непонятную штуковину вроде звездочки с заточенными лучами.

В логове все еще грохотало, наружу летели кости, фрагменты доспехов и прочий хлам.

Поэтому мы очень вежливо распрощались и, не поворачиваясь (мало ли что пауку в голову взбредет) спиной отступили в ежевичник. Ежевики там не было, зато были колючки.

— Знаешь, — сказала мне подруга после нескольких минут

продирания сквозь заградотряд ежевики, — по-моему, мы не туда идем. Мы идем вдоль, а надо — поперек.

Я задумался и прислушался. Паучий овраг был большим и широким, поэтому идти даже поперек было довольно долго. Но вот что меня беспокоило — я не слышал шума ручья. А ведь он протекал по низу, я точно знаю.

— Зачем тебе ручей, он же Черный! — возмутилась подруга, тоже внимательно прислушиваясь.

— Чтобы не вляпаться, — пояснил я. Она меня поняла сразу: спать в компании пауков — не лучшее времяпрепровождение. Можно пополнить коллекцию хрыча Арагога.

— Так, — сказал я, попытавшись сориентироваться по солнцу. Солнца видно не было, тучи, но я эльф или кто?! Нашел мох на северной стороне дерева, только и дел… — Нам туда. Но куда утек этот клятый ручей?

— Может, его кто-то выпил? — спросила подруга.

— Весь? — удивился я. Хотя… Поэтом дальше мы шли на цыпочках, удвоив бдительность. И не зря! Когда деревья вместе с ежевикой поредели, стало видно устье оврага. Там и травка пониже, и видно подальше. И оттуда доносился ритмичный звук, напоминающий слаженный хрип гномовских мехов.

— Ничего себе чавкают… — впечатленно произнесла подруга и насторожила уши. Ну понятно, опять вообразила какую-то нечисть! Ее лембасом не корми, дай потыкать палочкой (или кинжальчиком) во всякую гадость. А потом притащить эту гадость домой и там поселить. — Может, это энты?

— Откуда тут энты?! — ошалел я.

— А может, это их женщины? Решили вернуться, шли, шли, устали, остановились передохнуть… водички попить…

— Угу, нажра… напились и уснули. Да от их храпа листья с дервьев падают! И энтиц давно никто не видел.

— Так потому и не видел, что они тут, в Паучьем овраге, спят! — логично возразила подруга.

Мы подкрались поближе. Увы, это были не энтицы (а я уже навоображал себе, как нас хвалит король и, может, Гэндальф, а еще всякие ништяки, которые полагаются за обнаружение раритетов). Это были орки. Целый взвод.

Подруга снова облизнулась, а я ужаснулся. Нет, такую толпу сонных орков мы вдвоем, конечно, положим, еще и пауки на шум подтянутся. Но что если она решит взять кого-нибудь к себе?! Ну точно, уже присматривается к стройному молодому орчонку с симпатичной татуиро…

О чем я только что подумал?!

— Чур, это мой, — шепнула подруга, разматывая веревку.

Я вздохнул и посмотрел на остальных. Здоровенные зверюги, страшные, как… Нет, Арагог страшнее, конечно, зачем его так обижать.

— Вон, — толкнула она меня локтем. — За корягой.

Я вытянул шею. За корягой дрыхнул молодой орк, а за поясом его торчал кованый кинжал явно харадской работы, дизайн дикий, но симпатичный. Вот на что она глаз положила! У меня отлегло от сердца.

— Тогда я себе возьму пояс, — сказал я решительно.

— Фиг тебе, — нахмурилась она, — сними вон с того татуированную шкуру, и будет с тебя! Я ж видела, как ты на него пялишься!

— Я весь перемажусь, — возразил я шепотом. — что скажет мама?

Что скажет Трандуил, я решил не думать.

Позавидует молча, скорее всего, а потом выманит шкурку. Может, Леголаса подошлет.

— Ну если тебе твоя шкура дороже, то я возьму себе эту, — логично рассудила она.

Я вздохнул и принялся рассматривать орков дальше. Нет, ничего столь ценного у них не было.

— Ну ладно, сказал я, — давай пополам. Мне переднюю половину, тебе заднюю.

— Вредный ты, — надулась она. — Из передней можно прикольный светильничек сделать…

Я подавился. Не знал за ней склонности к хендмейду!

К счастью, пока мы препирались, орки начали просыпаться.

— Ну давай наоборот, — предложил я, вытаскивая стрелу из колчана и проверяя тетиву. Нет, не отсырела.

Подруга же сделала проще. С криком "Мое!" она кинулась на орчонка и принялась стаскивать с него кинжал вместе с поясом, а другой рукой ухватилась за его шкуру.

Орк с перепугу заорал дурниной и сиганул в кусты, унося с собой мою спутницу: она все же была заметно легче.

Я не нашел ничего лучше, чем заржать в голос, поэтому стрела полетела косо и попортила татуировку главному орку. Она и так-то была вся в шрамах, словом, потеря невелика, решил я и наложил на тетиву сразу пять стрел, как орел наш Леголас. Тут расстояние небольшое, хоть одна да попадет в орка…

Но, судя по всему, орки приняли меня за принца (у меня тоже светлые волосы, да еще свет в спину, поди разбери), потому что начали шустро разбегаться, подвывая от ужаса.

Не успел я насладиться своей крутизной, как сзади раздалось знакомое пощелкивание.

— Ну чего, — спросил Арагог. — Как делишки?

Судя по доносящимся из кустов звукам, делишки обстояли… гм…

— Благодарю, недурно, — ответил я, на всякий случай отступая бочком. — А как ваша уборка?

— Да подмел малехо, хоть есть где поспать, — хмыкнул паук. — Выгреб всякой всячины целую гору, глянь, тебе не надо?

— А вы пока покушайте, — предложил я вежливо. — вот тут у нас… холодные закуски.

Арагог довольно потер передние лапы и отправился за теми орками, которых я успел подстрелить. Они были еще вполне теплыми, но это звучало хуже. Да и все равно надо было их как-то утилизировать. Нечего им тут разлагаться!

Я же пошел посмотреть, что вынес на свет паучище. На самом верх кучи лежал симпатичный бронелифчик. В самый раз подарить девушке! Только почистить слегка надо. Почему-то рядом лежали фарфоровые блюдца, общим числом шесть, как будто кто-то ходил в овраг со своим сервизом, старый истертый колчан, костяной гребень явно орочьей работы, словом, всякая ерунда.

Правда, когда из колчана я вытряхнул горсть крупных розовых жемчужин, пару изумрудов и очень недурной сапфир, то задумался и поковырялся в мусоре еще.

Блюдца, кстати, хорошей работы, как бы не вастакской. Можно подарить их королю, он любит диковинки. (Драгоценности, разумеется, я сразу припрятал, потом с подругой поделюсь… по-честному. Бронелифчик, пара жемчужин — очень эротично выйдет!)

Пока я сортировал паучье добро, кусты затрещали и на поляну выскочил орк, не котором висела как хорошая норная собака моя подруга. Насколько я мог заметить. пояс с кинжалом она уже у него отобрала и теперь пыталась на ходу снять шкуру. И я бы не стал делать ставку на то, что у нее не получится.

Они проскакали по куче барахла и вновь нырнули в ежевичник.

Там орк заверещал вовсе уж дурным голосом, и я содрогнулся. Не хочу знать, что с ним там делают.

Я продолжал сортировать паучьи сокровища по принципу: это мне, мне, это снова мне, а это тебе… Арагог кушал, деликатно почавкивая. Сколько ж в него влезает! Я подумал, что человеком он мог, наверное, объесть всю деревню, так что в виде паука получалось как-то даже экономнее.

В ежевичнике трещало и вопило.

— Скоро ты там? — крикнул я подруге. Меня сильно

нервировали крики.

— Так помоги! — ответила она, задыхаясь.

— Не-не, это твоя шкура! — тут же отказался я. Перепутает еще в пылу борьбы…

А мне моя была дорога. К тому же, она не знает про заклепки. А они вполне могли вылететь, если с меня примутся снимать скальп.

— Можа, мне пособить? — спросил Арагог, отвлекшись от очередного орка и аккуратно вытирая лапой хелицеры.

— Право, не стоит, — вздохнул я, услышав особенно протяжный вопль. Причем не понял, чей именно. — А то мало ли… Вы кушайте, кушайте..

— Эт верно, впрок надоть… а то никто тут не ходит, а с вас чего взять? Кожа да кости…

Я отсел подальше. Ну просто на всякий случай.

Тут вопли смолкли, а из кустов выбралась моя подруга, растрепанная, исцарапанная и почему-то в разорванной рубахе.

Я деликатно отвернулся.

— О, как кстати! — заметила она бронелифчик и тут же защелкала застежками.

— Ты его добила, я надеюсь? — спросил я.

— До победного конца! — гордо сказала она. — Гляди, как на меня делали!

Я искоса посмотрел на нее.

— Это тебе от меня, — сказал я искренне.

— От нас, — уточнил Арагог, а я поспешил согласиться.

И мы отправились домой, правда, так и не достроив дорогу, зато выяснив, что в окрестностях появились орки. Кстати, найденный в горе хлама клинок моей подруги явственно светился, а это кое-что да значило! А вот мои трофеи не светились. Только руны на них почему-то сделались багровыми. Красивый цвет, надо будет рубиновую заклепку в ухо поставить…

Явившись домой и доложив по всей форме королю нашему Трандуилу, мы выловили Леголаса и, озираясь, рассказали ему о том, кого встретили в Паучьем овраге. И как сильно он изменился за пару лет.

Принц явственно побелел, быстро схватил походный плащ и колчан с луком и был таков.

Пропал он на неделю. Мы бы заволновались, но было некогда: подруга начищала бронелифчик и думала, как лучше расположить жемчужины, а я прикидывал, как бы нам смыться к гномам и реализовать наилучшим образом сапфир. Неделя в этих раздумьях пролетела незаметно. И вот на седьмой день (когда я совсем уже решил, что сапфир может и полежать у меня дома,

потом на рубин обменяю) я был разбужен радостным криком с улицы: "Леголас приехал!"

Леголас не просто приехал. Папа (в смысле, король наш Трандуил) привез его перекинутым через седло оленя, как харады, я слышал, возят похищенных невест. А я-то думал, куда олень запропал…

Впрочем, сопротивляться принц не мог — он был любовно обмотан паутиной. Я сразу узнал работу Арагога. Подруга тоже — она радостно взвизгнула и бросилась бережно разматывать драгоценную нить.

— Я ему… Арагорн… — бубнил Леголас сквозь паутину. — А он… неблагодарный…

Король посмотрел на нас и сурово сдвинул брови.

Я посочувствовал принцу. Впрочем, я предчувствовал, что сочувствовать придется мне, точнее, нам. И посочувствовал нам тоже.

Для короля я сделал невинно-вопрошающее лицо: за что, мол, караешь. Хотя карать он еще не начинал…

— Дорога где? — спросил он и сделал милое лицо.

— Дорога на месте! — отрапортовал я. — Согласно приложенному плану. Для запутывания вражеских агентов и диверсионных групп.

— Запутывается она отлично! — загремел Трандуил, шевеля бровями. Я представил, как из них вылупляются бабочки, и решил, что такой макияж королю пойдет. Надо подруге сказать, похихикаем. — Я еле оленя выпутал!

"Сам ты олень", — читалось во взгляде напарницы.

— А зачем вы с ним на дерево полезли? — ляпнул я.

— Для спасения своего единственного сына! — грозно сказал король. — Чем вы заманили его в это ужасное место?

Мы переглянулись.

— Так он сам побежал, — сказала напарница, — как только услышал про Арагога.

Пылающий взгляд короля обратился на принца.

— А кто сказал ему про этого… Арагога! — рявкнул он. — И зачем тебе понадобился этот старый хрыч Арагог?!

Леголас что-то промычал и посмотрел на папу умоляюще. Рот ему моя подруга предусмотрительно заткнула мотком паутины.

— Дружишь? — не поверил тот. — С этим старым… оркоедом?

— Может, он его с Арагорном спутал? — предположил кто-то.

— Точно, — добавил другой. — Он ведь так и сказал!

Леголас сделал брови домиком. Получилось не так выразительно, как у папы, но тому хватило. Он сверкнул глазами,

взял недораспутанного сына подмышку и унес во дворец.

Олень остался. Мы тоже. Я поковырял землю носком сапога.

— Какой он все-таки сильный… — мечтательно сказала подруга, глядя вслед королю.

А меня больше интересовало, что связывает Трандуила с Арагогом…

05
Вниз по Андуину

Судя по всему, королю нашему Трандуилу мы надоели хуже торгующихся гномов, потому что именно нам с подругой выпала сомнительная честь отправиться в на берега Андуина с так называемой дипломатической миссией. Письмишко, в общем, передать. Запечатанное и прошнурованное, с сургучными печатями, как полагается. Весточку. Спасибо, не любовную записку. Хотя как знать, как знать…

В общем, король непререкаемым тоном произнес:

— Пойдут Хвандир и Афадель.

Кто-то выдохнул с облегчением, а кто-то застонал от ужаса. Но с королем спорить не принято…

С нами (а лучше вместо нас) рвался Леголас, но папа сказал ему "сидеть, к ноге!" Не такими словами, конечно, но смысл был именно этот.

Афадель поковыряла печать ногтем, присмотрелась к оттиску перстня короля нашего Трандуила и глубоко задумалась. Зная ее, я мог точно сказать, что на второй день путешествия мы уже ознакомимся с содержимым конверта.

Разумеется, пешком мы дошли бы до цели хорошо если к следующему году. Ну и год обратно пилить. Отличная дипломатическая почта! Оленя, однако, нам не доверили. Выдали ладью средней степени потрепанности и выпнули на среднее течение Андуина.

Плыть по великому Андуину — одно удовольствие! А грести — тут нужно другое довольствие. К счастью, нам грести практически не пришлось — течение несло нас куда нужно. Я старался отогнать от себя мысль о возвращении на веслах…

С другой стороны, всегда можно было сказать, что ладья села на мель и мы пробили дно или ее у нас украли, поэтому мы возвращаемся пешком. Я же сказал, видеть нас при дворе явно не желали.

Правда, собственно при дворе мы и не появлялись. В лесу нам было гораздо удобнее. Но тот факт, с какой готовностью нам поручили это важнейшее дело. наводил на размышления. Похоже, король наш Трандуил всерьез нам доверял…

Промелькнули золотые деревья Лориэна. Тут мы все-таки сели на весла и поставили парус, хотя идти пришлось галсами: встречаться с некоторыми нашими сородичами из этих мест откровенно не хотелось. Особенно после того, как Афадель,

перебрав вина, перепутала Халдира с Румилом. Вернее, решила, что у нее двоится в глазах, и полезла целоваться с мэллорном. А это оказалась Владычица. Хорошо, не Владыка. Иначе мы бы так легко не отделались. От Владычицы. Потому что Владычица может и в глаз дать, в отличие от Владыки (чем я и воспользовался, к стыду своему)…

Так что мы отказались от мысли погостить у сородичей и постарались как можно быстрее покинуть Золотой лес. Напоследок из кустов вылетела приветственная стрела и впилась в борт нашей ладьи. Мы налегли на весла.

— Проскочили, — Афадель утерла пот со лба и осушила весла. — Повезло.

"А жаль", — явно прочитали мы друг у друга в глазах.

Мимо проносились берега, заросшие веселенькой зеленью. К счастью, места были малонаселенные, и если кто нас и заметил, тот не успел никуда стукнуть, как мы исчезали вдали вместе с секретным письмом.

— Вниз по Андуину… — мурлыкала Афадель, осторожно распарывая шнуровку на дипломатической весточке. — Вниз по Андуину…

— А дальше? — не выдержал я, сматывая особо прочную дипломатическую бечевку из паутинного шелка. Обратно-то мне зашивать, у Афадэли руки не оттуда растут, она только шарфики вязать умеет.

— А дальше я слова забыла. А ты?

— Я и не знал никогда. Слушай, может, не стоит этого делать?

Главным минусом нашего путешествия было то, что пункт назначения был обозначен как-то туманно. Но я надеялся решить эту проблему на месте.

— Поздно! — ответила Афадель. И действительно, было поздно. Смеркалось. Но не это послужило причиной того, что я не смог прочитать записку (надушенную какими-то духами). Причиной скорее было то, что надпись была сделана нолдорским письмом — так называемыми письменами Феанора. Я читать по-нолдорски не умею, Афадель, как выяснилось, тоже. Мы уныло посмотрели друг на друга.

Оставалось надеяться, что читать их умеет хотя бы адресат.

— Тут вместо подписи сердечко, — добавила подруга. — Так что все понятно. Зашивай.

И я сел зашивать. Нарисованное сердечко больше походило на Аркенстон (я наконец узнал, что это такое).

Сама она устроилась поудобнее и завела уныло:

— Даль степная широка, широка

Рохана равнина.

Повстречаю эльфа я, да эльфа я,

Там за Андуином…

Я поперхнулся, потому что знал продолжение, и выронил письмо. Его подхватил легкий ветерок и унес в реку.

— Эй, куда! — заорал я и плюхнулся следом.

Легкое письмо плыло намного быстрее меня, но я все-таки умудрился нагнать его в прибрежных камышах. Афадель, нет чтобы помочь, звонко хохотала на весь Андуин и обзывала меня водяным, помогая забраться обратно в ладью. Ну подумаешь, тина на ушах (и моих драгоценных заклепках)! Сама бы ловила это письмо…

Тут мы посмотрели на него и переглянулись. Текст исчез. Смыло его! Одно сердечко осталось…

Я посмотрел пергамент на свет. Кажется, что-то видно…

— Скажем, что это такая тайнопись, — предложил я, выжимая мокрую тунику в камышах.

— Да, невидимые чернила, — поддержала Афадель, подглядывая, хотя чего она там не видела. — А адресат должен знать проявитель.

Я встряхнул тунику, повесил на куст и взялся за штаны.

— Не, ну если присмотреться, там еще можно что-то различить. Я так думаю.

— А я нет! — вредно сказала подруга.

— Предлагаешь вернуться обратно? Рассказать королю про письмо7

Мы переглянулись и одновременно решили, что это дурная идея.

— Придумала! — сказала Афадель, помогая мне выжимать штаны. — Давай сами напишем!

— Ты что! — я сделал страшные глаза. — Мы же даже не знаем, кому оно предназначается. Так-то можно было бы попробовать угадать…

На самом деле король точно назвал нам адресата. Я так и услышал его голос: "Письмо отдадите в руки дунадану. Ну такому… Из этих, из следопытов. Ну вы поняли…" Мы понятливо кивали, а теперь вижу — зря! Лучше бы мы прямо спросили, что за дунадан, как его зовут, какие у него особые приметы и пароли-отзывы, но тогда нам было неудобно. И хотелось поскорее смыться.

— Зачем, письмо же секретное! Вот только сердечко — опознавательный знак! — пылала она энтузиазмом, а это дело опасное, энтузиазмом Афадели можно все Лихолесье сжечь дотла.

— Но в тексте-то что будет?!

— Ну… люблю-жду-целую, — выдала она, и я уронил свежевыжатые штаны в тину. — Ну это для маскировки, как ты не понимаешь! Вроде любовная записка, а если приглядеться, там письмена Феанора, но это же еще догадаться надо…

— Я не могу писать тенгваром квенья, — отказался я решительно. — Ты же знаешь.

Она на секунду задумалась и выдала:

— Ну можно же обвести!

Обводить я отказался наотрез. Мы еще долго спорили (в процессе штаны высохли), но все-таки решили оставить как есть. Главное, сердечко на месте.

Мы с аппетитом поужинали — после всех волнений аппетит разыгрался зверский — и залегли у костра. Я смотрел на звезды и любовно сушил письмо на груди.

— А давай гномьми рунами напишем! — не отставала Афадель.

— А ты их знаешь? — удивился я.

— Ну… на "люблю-жду-целую" моих познаний хватит, — смутилась она. М-да, куда катится мир?..

— Лучше не стоит, — строго произнес я. — А то вместо "люблю" получится что-нибудь неприличное, мало ли, какие у них там дополнительные закорючки.

— Ты еще скажи, умляуты.

Я подавился.

— И вообще, — сказал я, отдышавшись, — вряд ли король будет писать гномьими рунами, он их терпеть не может.

— А почему у него на кинжале охотничьем именно ими что-то выгравировано?

— Так может, это подпись мастера! — выкрутился я.

Кинжал король мог и любить и даже заказать у гномов, поскольку гномы знали толк в красивых вещах. Этим его приязнь к ним и ограничивалась.

— Давай спать, — сказал я мрачно. Пергамент прилип ко мне. но сохнуть не торопился.

Наутро мы проспали: я открыл глаза, когда солнышко уже ласково пригревало, а точнее, припекало. Ну немудрено, после таких-то испытаний! Да и куда нам торопиться…

Шипя и ругаясь, я отодрал от себя присохшее скукожившееся как шагреневая кожа письмо (где они взяли такой скверный пергамент?!) и остолбенел. Пропавшие было письмена отпечатались на моей собственной шкуре…

С Афаделью при виде этого случилась истерика.

Когда она разогнулась, то, вытирая обильные слезы и икая от хохота, заявила, что теперь посланием являюсь я и именно меня

она вручит дунадану, если найдет. Вместе с сердечком.

Я был занят тем, что проверял заклепки, и не ответил.

— А если у него не окажется зеркала? — попытался выкрутиться я. — А если я не дойду? А если в пути пропаду?

— Я просто сниму с тебя шкуру, — ответила Афадель. — А вместо зеркала используем гладь речных вод.

— Я всегда знал, что на тебя можно положиться, — ответил я.

И тут же подумал о заклепках: если Афадель снимет с меня шкуру, то найдет и заклепки. Какой позор! Придется сделать все, чтобы этого не случилось! С этими мыслями я столкнул ладью на воду и мы поплыли дальше. Вниз эх да по Андуину…

Впереди уже слышен был грохот Рэроса.

— Придется ладью по берегу тащить, — вздохнула Афадель. Мне, признаться, тоже не хотелось напрягаться.

— Пауков тут не хватает, — сказал я. — Они бы нас живо спустили вниз!

— Надо было захватить парочку, — поддержала подруга и пригорюнилась, но тут же оживилась: — А давай так спрыгнем!

— Ты с ума сошла! Мы только что пергамент высушили! Вдруг еще сердечко смоется, что тогда делать будем?

— А мы из паруса парашют сделаем! А сердечко я тебе и так нарисую.

Я замотал головой. Моя шкура еще была мне дорога. Равно как куртка, штаны, сапоги, кинжал, лук, колчан со стрелами и драгоценные камни в ухе, частично маскирующие заклепки. Я уж молчу про трандуилово послание. В конце концов, мы должны оправдать надежды нашего короля и доставить хотя бы аутентичное сердечко.

— Тогда ладью ты потащишь, — тут же сказала Афадель. Я так и знал! Поэтому подготовился заранее и парировал:

— А ты понесешь все барахло!

И добил:

— И мачту с веслами.

— Я понесу самое ценное, — возразила она. — Письмо!

— Так ты ж сказал, что теперь письмо — это я! Значит, ты понесешь меня, а я понесу ладью!

По взгляду Афадели было понятно, что она мне это еще припомнит. Она не сдалась и охладила мой пыл:

— Я понесу аутентичное письмо. На котором сердечко.

Я пообещал нарисовать себе на пузе хоть два, но безжалостная Афадель вырвала у меня из рук письмо и сунула его в сапог. И выразительно посмотрела на ладью.

Я тяжко вздохнул и, стеная и хватаясь поминутно то за бок, то за поясницу, потащил наше плавсредство на сушу. Вытащив ее

едва на треть, я повалился без сил, с трудом переводя дух.

Афадель зааплодировала.

— Когда мы вернемся, я скажу его величеству, что ты непревзойденный мастер перевоплощения и можешь вытсупать с номерами на домашних концертах.

Я подскочил, будто меня скорпион в задницу ужалил. От подруги и не такой подлянки можно было ожидать, а изображать кого-то в постановках короля нашего Трандуила я категорически не желал! Увольте — учить часовые монологи на квэнья, которые я даже не понимаю!

И почти никто не понимает, но учат, скрипя зубами, и хлопают в нужных местах. (Спасибо Леголасу, он знаки подает из-за дуба, который наше всё — и скалы, и замок, и занавес… упал бы он уже, что ли. На короля. Хотя неизвестно еще, кто окажется крепче.)

И я резво потащил ладью в камыши. Афадель смилостивилась и немножко мне помогла. В принципе, было не так уж тяжело, когда я сделал себе упряжь из веревки и впрягся в нее. Афадель подталкивала сзади. То есть я так думал, что подталкивает. Когда я обернулся, чтобы сказать ей, что нам осталось каких-нибудь восемь миль, то увидел, что она сидит на корме, беспечно болтая ногами.

Я сбросил ярмо и минут пять экспрессивно произносил монолог, из которого следовало, что она, Афадель то есть, никакая не подруга, а змея подколодная, ехидна, негодяйка и вообще желает моей смерти! Если бы король наш Трандуил меня слышал в этот момент, сделал бы почетным членом своей домашней труппы. Хотя нет, лучше не надо.

Если вы думаете, что это смутило мою подругу хоть на минуту. вам лучше передумать.

— Какой ты смешной, — ответила она мне, хихикнув. И добавила с милой непосредственностью: — А когда обед7

Я зарычал тихо, но отчетливо. Услышь меня король наш Трандуил, непременно дал бы мне роль харадского тигра в новой постановке. Или еще какой-нибудь дикой твари из дикого леса.

Но делать было нечего.

— Когда я дотащу ладью, — ответил я сурово. Мне ужасно хотелось есть.

— Нам ее еще суток двое тащить! — возмутилась она.

"Уже нам, — порадовался я, — прогресс!"

Правда, вклад Афадели ограничился тем, что она слезла с кормы и пошла следом, критикуя меня за то, что я выбираю неправильную дорогу.

В плечо мое то и дело тыкалась грустная морда и острые

ветвистые рога оленя, увековеченного в носовой фигуре нашей ладьи.

Но я терпел. Во-первых, вариантов не было. во-вторых, как я упоминал, я очень хотел есть. Точнее жрать. я бы сожрал в одиночку оленя, если бы мне его дали.

— Привал, — скомандовал я.

И выполз из упряжи.

Афадель заботливо обмахнула меня лопушком (который при ближайшем рассмотрении оказался борщевиком, спасибо, она не голыми руками его схватила и не с подорожником перепутала) и принялась разводить костер. А я полежал да и встал. А то если костер разведет она, то готовить придется мне.

Готовить пришлось мне, я приготовил сушеное мясо из заплечного мешка и кипящую андуинскую воду из котелка. Ужинали мы с большим аппетитом. В воде даже попалась пара мальков и какие-то речные водоросли, так что, можно сказать, это была уха. Изысканное харадское блюдо. Но никто не жаловался.

Наутро я без энтузиазма впрягся, и мы потащили.

У меня болели плечи, ноги и, простите, даже задница, которой я в темноте неудачно налетел на оленя, но Афадель снизошла только до того, чтобы понести припасы. Там все равно почти ничего не осталось.

Раза два она выронила письмо, так что ей пришлось возвращаться. Я ничего не сказал, потому что шум водопада все равно перекрывал любые звуки.

Зато и ругаться можно было во весь голос. И запрещенные королем нашим Трандуилом гномские плясовые орать.

Но у меня не было на это сил, поскольку кроме ладьи (и оленя) я тащил на себе мачту, весло (левое, правое согласилась нести Афадель), лук, кинжал и колчан со стрелами. Так что мы шли молча, хотя губы у Афадель двигались, когда я оборачивался. Может быть, она говорила со мной…

Но все когда-то кончается. Пришел момент, когда я наконец споткнулся и упал — точнехонько на островок самой мягкой травы.

— Все, — сказал я. — Пришли. Дальше поплывем, и рулить будешь ты, у меня сил больше нет. Так что давай…

Но сперва мы решили отдохнуть. Конечно, мы были беспечны, но, судя по всему, в окрестностях не было никого крупнее какой-нибудь белки.

Наотдыхавшись всласть, искупавшись и постиравшись, мы двинулись дальше вниз по Андуину.

— Скоро Мордор, — мечтательно произнесла Афадель.

Я чуть не потерял весло.

— И что?..

— Как думаешь, орки на берег вылезут? Ну они ж любят дразниться, жесты всякие показывать, разными… частями тела трясти… Я б посмотрела!

— А я не хочу! Что я, орков не видел?

— А как же экзотика? — удивилась подруга. Очень уж она любит экзотику, это не к добру.

— Тебе того веселья в Паучьем овраге не хватило? — ответил я вопросом на вопрос.

— Ну это когда было! — фыркнула она, нежно погладив трофей — орочий хвост, прицепленный к поясу. Спасибо, не скальп. Красивый, кстати, хвост, густой, черный, с косичками и какими-то побрякушками… — Тем более, это другие орки.

— Спасибо, я не разбираюсь в сортах… э-э-э… отходов. И учиться не хочу! И скажи спасибо, если не вылезет что-то похуже орков!

— Что может быть хуже? — удивилась она. — Ведь его ве…

Я молниеносно заткнул ей рот.

— Тс-с-с… — прошептал я, озираясь. — И у реки есть уши!

— Рыбы, что ли? Так они немые!

— У его ве… ты-знаешь-кого и рыба соловьем запоет! Не болтай лишнего!

К моему удивлению, она замолчала. Оказывается, на том берегу, до которого было подальше, стояла толпа и что-то воодушевленно орала.

К сожалению, это был не мордорский берег.

— Может, это и есть следопыты? — спросил я, приглядываясь. У меня прекрасное эльфийское зрение, но оно мне ничем не помогло. В смысле не помогло опознать в стоящих на берег оборванцах искомого следопыта из дунадан. Я привстал и упустил весло.

— Мать твою Галадриэль трижды через мэллорн Аркенстоном во весь Сильмарилл! — высказалась Афадель и чуть не врезала мне своим веслом. И тоже его уронила.

— Ну у нас остались еще два! — бодро сказал я. — Держи!

Мы обменялись свирепыми взглядами и попробовали грести синхронно. Получалось, если честно, отвратительно. Нас сносило то к Мордору, то к оборванцам.

Правда, Андуин делал свое дело. если бы не он, мы бы так далеко не продвинулись. Скоро он пронес нас мимо оборванцев, мимо горелых стен Моранноне, мимо моргульской долины в пучках белых цветов. Афадель мечтательно вздохнула: ей очень хотелось веночек, но увы. Злая судьба распорядилась иначе.

Ну, в общем, кое-как маневрировать мы могли, руль-то

потерять было сложнее, чем весла, парус тоже имелся, но, признаться, владели мы искусством управления ладьей… не очень хорошо. Мы все-таки лесные эльфы, а не речные!

Но мы все-таки эльфы, поэтому плыли себе и плыли. Вниз эх да по Андуину. Пека сверкала, пена вскипала, ветер ласкал лицо (и спутывал волосы в колтун), словом, все было отлично, кроме одного. Меня вновь одолели сомнения насчет той толпы оборванцев. Как бы не проскочили мы мимо адресата! Но вернуться мы уже не могли.

Да и не выгребли бы мы против такого течения. Мы же все-таки эльфы, а не гномы! Гномы — те и по дну могли бы обратно дойти, а мне и по суше не хотелось: места уж больно неприветливые.

Поэтому оставалось надеяться, что адресат все-таки поджидает нас впереди.

Любуясь проносящимися мимо окрестностями, я задумался над парадоксом: я плыву в ладье посреди Андуина, в котором так много воды, а сам с тех самых пор, как мы читали письмо, ни разу не мылся целиком, не считая мимолетного падения в воду. Но должен сказать, что чернила у нас делают на совесть. И эльфов. И пергамент.

Тут я подумал, что некоторые орки снимают с эльфов кожу, может, с этими же целями. Вряд ли они много пишут, поэтому одной эльфийской шкуры хватает им надолго. Впрочем, я не желал делиться с орками не единым клочком своей шкуры.

— Посмотри, какой простор! — восхищенно сказала Афадель, обводя рукой горизонт.

Никакого простора и в помине не было. нас неспешно несло по узким протокам между заросшими камышами островками — это было устье реки и чувствовалась близость моря.

Несколько раз мы застревали в протоках. Надо было пристать к берегу и купить весла хоть у кого-нибудь. Или позаимствовать.

И зачем я послушался Афадель: поплывем дальше да поплывем дальше, вес равно нас дома никто не ждет. Приплыли.

Из-за острова на стрежень (убейте, не знаю, что это, но слово нравится) выплыла ладья намного больше нашей. И шире. И длиннее. И населеннее.

Под черным-черным флагом.

С черного-черного флага весело-весело скалился белый-белый череп. Мне это не понравилось. Мы, не сговариваясь, взялись за луки, потом подумали и их отложили. И тут мы сели на мель, ну или рулевое весло запуталось в подводных травах — это имело чисто академический интерес.

Нам не оставалось ничего другого, кроме как смотреть на

весело скалящийся череп и понимать, что поручение мы провалили с треском.

Это были кровожадные, ужасные умбарские пираты.

Прощай, мама, прощай, твое величество, прощай, гномий мастер, не судьба мне была правильно распорядиться сапфиром. И ты, Леголас, тоже прощай. Вместе с оленем.

— Эй, на ладье! Клюет? — крикнули с борта.

Издеваются, подумал я, а потом понял, что они приняли наши луки за удочки.

— Нету клева! — крикнула Афадель во всю глотку и встала во весь рост. На борту засвистели.

— Хошь, я клюну? — лихо крикнул какой-то загорелый мужик в черном платке и с золотой серьгой в ухе.

— А хошь — я? — спросила Афадель и натянула лук.

— Погодите, давайте поговорим! — закричал я. — Смотрите, какая погода!

— Хреновая погода! Ветер в рыло, с Мордора гарью несет! — отозвался пират. — Вы чего, застряли там, что ли?

— Ага! — радостно отозвалась Афадель.

— Помочь, что ли?

— Будем очень признательны! — отозвался я и невольно пригнулся, когда в наш борт воткнулись аж две кошки с крепкими канатами.

На пиратской ладье ухнули, крякнули и выдернули нас на чистую воду. Наша ладья против их была все равно что карась супротив щуки.

— Спасибо! — признательно сказал я. — Вы нам очень помогли!

— Так это… — сказал тот, что в черном платке, — позолотить бы надо…

— Ручку, — уточнил второй.

— А у нас ничего нет. — Я аж растерялся. Было письмо, но о нем я решил молчать.

Тем более, что письмом был я.

Пираты плотоядно посмотрели на Афадель. Афадель облизнулась. Пираты как-то помрачнели.

— Мы могли бы подарить вам эльфийское благословение, — сказала она радостно.

— Разумеется! — поддержал я. — Можем даже подлечить немножко.

— Ну, в лечении мы не нуждаемся, — решительно сказал пират в платке и еще раз посмотрел на Афадель, на всякий случай. может, решил, что ему померещилось. Плохо он знал мою подргу! Но ему простительно.

Какой-то молодой умбарец в красном платке послал ей воздушный поцелуй. То есть чмок. Афадель подумала-подумала, да и стала карабкаться к ним на борт.

— До утра не жди! — услышал я. — Умбарцев я еще не пробовала!

До рассвета я скучал один в ладье, потом ко мне спустилась Афадель, довольная, как олень, наевшийся свежей травы.

— Они доплаты требуют, — сказала она.

— За что?! — изумился я, хорошо знавший свою подругу.

— За моральный ущерб, — сконфузилась она.

— Давай тебя отдадим! — предложил я. — Ты ж хотела за границу.

— Я предлагала. Не берут. Говорят, тогда весь Умбар проклянут окрестные владыки.

— И что теперь?

— А вон у тебя такая штучка! — заорал свесившийся с борта пират в черном платке, показывая пальцем куда-то вниз.

Я вздрогнул и прикрылся руками. Вдруг он письмо разглядел? А вдруг не его?

Мне не понравились его намеки. Свою штучку я держу при себе, и так ему и сказал.

Он заржал и ткнул пальцем в нос оленю.

— Это! — проревел пират. — Давайте его, и мы квиты!

— Ничего себе! — возмутилась Афадель, живо смекнув, что к чему, и встала, уперев руки в бока. — Это же олень самого короля Трандуила! Да он стоит столько, сколько тебе и не снилось, смертный! Жаль, позолота с рогов стерлась на этом Андуине…

Пират облизнулся.

— Ну… я доплачу, — сказал он.

— Сколько? — спросила подруга, и начался торг.

Сошлись на том, что нам дадут денег, запасные весла, провианта и еще отбуксируют вверх по Андуину, потому что мы проскочили место, на которое туманно намекал король наш Трандуил. А я думал, он бредит, по обыкновению… ой. Я этого не говорил.

— Зачем вам этот олень? — не выдержал я, когда мы уже сидели на палубе пиратской ладьи и попивали умбарское вино. Очень неплохое, кстати, но некоторые молодые пираты прятались от захмелевшей Афадели на верхушках мачт и в трюме. Бесполезно, я по себе знаю.

— Я фигурки собираю, — поведал капитан. — Пошли, покажу…

Каюта капитана поражала воображение. Стен не было видно под носовыми фигурами с судов самых разных стран. Тут были

орлы, пышногрудые девы, единороги и прочая нечисть…

Я подумал, что за оленя король наш Трандуил нам самим рога поотшибает, и загрустил.

— Я бы отдал, — начал я осторожно, — но король… король нас и повесить может, если мы ему корабль без носовой фигуры вернем.

Насчет повесить я приврал, насчет "вернем корабль" тоже, но чего не сделаешь для спасения своей жизни. Капитан задумался. но не надолго.

— А давай меняться! У меня две одинаковые есть. Вот смотри, — и он показал мне на красивую фигурку морского кота-русалки, судя по внешнему виду. У него правда было две, только разного цвета. Я еще подумал. Фигура была нам по размеру.

— Меняемся! — сказал я решительно.

— Тебе какого, синего или красного? — спросил он. — Синий облезлый маленько…

— Вот его и возьмем, — решил я. — Чтобы видны были следы путешествий, так сказать.

Так у нас на носу угнездился кот-русалка. Афадель прищурилась, потом кивнула:

— Годится. Главное, на оленя похож. Скажем, рога в дороге пообломали.

— Далеко ли путь держите? — вежливо спросил я, когда мы с капитаном вернулись к вину и закускам.

— Вообще Саурон звал, — тот дожевал окорок и вытер рот рукавом. — Но это успеется… Сперва до Рохана дойдем, там у них места бога-а-атые… Вас где оставить-то, сухопутные?

— Да вот как раз в Рохане можно, не доходя до, — быстро сказал я, потому что мне вовсе не улыбалось попасть в разграбляемый пиратами роханский городок на умбарском корабле. — Оттуда нам по суше близе-е-енько.

— Ну добре, — кивнул пират.

Они отцепили нас от свои кошки, когда уже слышался грохот Рэроса и видно было облако водяной пыли, в которую был одет водопад. Мы выбрались на берег и вытащили туда же нашу верную ладью. Пираты деловито переговаривались, собираясь приступать к работе. Мы благоразумно переждали в ивняке, пока они не скрылись из глаз. После этого мы вылезли, и я испустил тяжелый вздох. Ладью-то мы оставим, а вот кота придется тащить с собой. Носовая фигура что-то там символизирует, и ее надо сберечь, тогда нам простят все. Наверное. Я отковырял кота-русалку и пристроил себе на спину.

— Пошли? — сказал я напарнице, и мы пошли.

Обратно нам предстояло топать ого-го сколько. Но спасибо,

что по суше, где невозможно потерять весла. О письме мы договорились молчать.

Я шел, проклятый которусал становился все тяжелее, а Афадель начала хихикать, а потом и хохотать в голос.

— Ты что, ковыля нанюхалась? — мрачно спросил я. Могла бы и помочь.

— Не-ет! Я подумала, что если кто тебя со спины в сумерках увидит с этой фигурой, перепугается насмерть!

— Только не роханцы, — буркнул я.

— Да ладно, что они, не люди! — легкомысленно бросила она.

Я же, вспомнив о роханцах, начал выбирать дорогу осторожнее, стараясь пройти понезаметнее. Эльфы мы или как? Но в степи сложно остаться незаметным до конца. Мы продвигались от рощицы к рощице, от куста к кусту, и вскоре я устал как вьючный мумак.

— Привал! — скомандовал я у мелкого ручейка и сгрузил которусала на землю. И сам упал туда же.

В смысле, мордой в ручеек, пить очень хотелось. Потом я разлегся на траве, сказав Афадели, что я готов питаться травой, как роханские кони, но готовить не стану.

— Слабак! — фыркнула она, но соблаговолила достать из мешка кусочек сушеного мяса и лепешку.

И не забыла украсить все это пучком травы. Надеюсь, белена тут не растет.

Мы с аппетитом употребили наш нехитрый ужин и блаженно развалились на траве, все трое. Третьим был которусал. Кстати, на него удобно было класть голову. Фигура разогрелась на солнышке и приятно пахла старым деревом и соленым морским ветром. Это было даже лучше, чем олень, потому что у которусала не было рогов. о которые можно ободрать себе шкуру.

Мы сладко заснули, убаюканные прохладным роханским ветром. Пробуждение было не из приятных. Я хочу сказать, что не очень приятно засыпать втроем. а просыпаться вчетвером. Причем этот четвертый нагло лапал ладно бы Афадель или меня, а нашего которусала!

— Ты кто? — спросил я хриплым со сна голосом.

— Следопыт, — просто ответил он.

Меня аж подбросило.

— Это который следопыт? А то один из вас нам очень, очень нужен!

— Так я один! — рассмеялся он.

— Дунадан? — строго спросила Афадель, оценивающе приглядываясь к незнакомцу.

— Дунадан, — подтвердил тот.

— У нас для тебя кое-что есть! — выпалила подруга и выпихнула меня вперед. — Возьми его скорее!

Я начал раздеваться.

Выражение лица дунадана было бесценно. Я думаю, даже если я проживу еще лет с тысячу, все равно не забуду глаз этого Следопыта. Сзади его придерживала Афадель, у которой еще никто не вырывался, спереди раздевался я. Такой опыт!

— Но сперва посмотри, можешь ли ты прочесть эти знаки, — спохватилась подруга.

Он развернул протянутое письмо.

Взгляд его упал на сердечко, и дунадан просиял. Потом помрачнел.

— И это все?!

— Нет, — ответил я. — Просто письмо немного смылось. Но напросвет кое-что видно.

Как нарочно, было пасмурно.

— И на мне видно, — расправил я плечи. — Но зеркала у нас нет.

Следопыт крякнул и принялся водить пальцем по моей груди, разбирая знаки. Было ужасно щекотно, поэтому на этот раз Афадель держала меня.

Так вот кто увидит — стыда не оберешься!

Видимо, Следопыт умел читать в зеркальном отображении. я почувствовал к нему невольное уважение: читать феаноровы знаки — та еще работенка, а он, судя по всему, их знает.

— Ну что, все в порядке? — спросил я, когда его палец остановился ниже моего пупка.

— М-м-м… — произнес он и оттянул пояс моих штанов. Видимо, чернила затекли и туда.

— Ответ будет? — спросила Афадель.

— Обязательно, — следопыт нахмурился, — но не на словах.

— Так напишите. Мы это читать не обучены, — пожала она плечами.

— Нечем. И не на чем, — буркнул он. — Вернее, чернила-то сухие есть, разведу, но на чем…

Взгляд его упал на меня. На мне оставалось еще порядочно чистого места, спина, например.

— Ну нет! — быстро сказал я, натягивая тунику. — Я хочу помыться целиком!

И тогда Афадель принесла себя в жертву.

— Пиши, Следопыт! — великодушно сказала она и скинула тунику.

Следопыт попятился. Он вежливо поблагодарил Афадель раза

три подряд, причем глазами блуждал по окрестностям. Видимо, подбирал слова для письма. Или буквы вспоминал. Наконец его взгляд упал на русалокота, и следопыт просиял.

— Очень удачно! Вот на нем я и напишу, а вы отнесете. Где, вы говорите, ладью-то оставили?

— Какую ладью? — удивились мы хором. Видимо, чисто из мелкой мести за все перенесенные тяготы пути. — Мы сухопутные эльфы, так что шли долинами, лесами, равнинами и взгорьями…

Дунадан снова уставился на русалокота и помрачнел. Наверно, письмо задумал длинное.

— А ведь один дождик, одно падение в реку — и смоется ваше послание, — мелодично произнесла Афадель, явно обидевшаяся на невнимание к ее прелестям. И бронелифчику с жемчугами.

Словом, еще три дня следопыт в поте лица вырезал свое послание ножом на твердом как камень дереве, а мы валялись на травке и травили умбарские морские анекдоты. И даже орочью народную спели — в этот момент следопыт нож сломал.

Отвлекался он только на охоту. Эти три дня мы питались очень хорошо, потому что следопыт, чтобы хоть немного отвлечься от письма, охотно не только добывал пропитание, но и готовил. Ох и мудреные буквы придумал этот Феанор, правильно его король наш Трандуил терпеть не может!

Но через три дня счастье кончилось. Следопыт дописал письмо и вручил нам. я покосился русалокоту под хвост. Там темнел свежий смайлик.

— А лодочку мы в кустиках оставили, у Андуина, — медовым голосом сказала Афадель.

Про умбарцев она говорить не стала, чтобы никого не расстраивать.

"Им же наверняка захочется повеселиться", — сказала она мне потом, а я не понял, имела она в виду следопыта или умбарцев. Или всех скопом. Или даже короля нашего Трандуила со свитой. В общем, мы распрощались с дунаданом очень душевно и пошли своей дорогой, неся на спине тяжелого русалокота, от которого пахло пиратами. Следопыт тоже ушел, ну да я думаю, он не пропадет. Такие не пропадают.

Домой мы вернулись месяца через полтора. Да. я знаю, можно было бы и раньше, но мы решили не напрягаться. Да и письмо не скзать чтоб было срочным, судя по смайлику под хвостом.

Нас втречали как героев. Особенно впечатлил рассказ про то, как мы в безвыходной ситуации вступили в неравный бой с пиратами и героически отобрали у них носовую фигуру на память

(про оленя мы решили не упоминать). Ну и ответ на письмо явно озадачил короля. Он перечитал его раза три (я даже подумал, что несколько букв Следопыт-таки подзабыл), потом унес кота с собой, чтобы перечитать на досуге. Ну а что? Его подкрасить — будет как новый.

Я залег в бассейн с душистыми травами и с остервенением смывал с себя остатки королевского послания. И тут ко мне ввалился Леголас. Совсем королевские особы обнаглели! А вдруг бы я не в воде лежал, а еще чем занимался? Чем даже короли занимаются? Нет, не сексом!

— Вы его видели?! — жарко спросил он, наклонившись к ванне. Я попытался отодвинуться, но было некуда, только воду расплескал.

— Вот как вас, ваше высочество, — ответил я. — Нос к носу. Просыпаюсь утром, а на меня эта харя небритая таращится.

Леголас просиял как новый гномский кинжал.

— А дальше? — спросил он.

Пришлось рассказать. Когда я дошел до пупка, Леголас побледнел, покраснел и попытался сделать вид, что ему все равно. Но, кажется. он не отказался бы, чтобы это был его пупок, а не мой. Хм-хм, и этого на бородатых тянет… Неладно что-то в лихолесском королевстве!

Тут я захлопнул рот. Мы же договорились, что о письме ничего не скажем, мол, отдали как договаривались. А так все эти дунаданские пассы руками по мне выглядели довольно-таки… двусмысленно.

— Словом, мы выполнили поручение! — добавил я победоносно. — Служу Лихолесью!

Я попытался отдать честь на харадский манер и нечаянно окатил Леголаса водой. Он в долгу не остался и вылил мне на голову ведро холодной воды. И в этот момент вошла Афадель… Ну она-то ладно, она ко всем без стука входит, я привык.

— Ух ты, — сказала она. — Мальчики, а можно к вам?!

Я не успел сказать ничего, Леголас тоже. Ну не привык он к ней. Скинув на ходу платье, Афадель сиганула в бассейн. После этого мне стало казаться, что мы все еще где-то в андуинских плавнях, все вместе, такие мы были мокрые.

Но единственное, чего я в тот момент боялся, это чтобы не вошло их королевское величество.

Но оно вошло. Слава Эру, без оленя. Но с русалокотом в обнимку. Видимо, Леголаса искало. Это было не так просто сделать: Афадель сшибла его в прыжке, и принц оказался где-то под нами, и мог теперь только булькать.

— О! — сказал Трандуил. И еще раз: — О!

Он неодобрительно оглядел нас, пошевелил бровями и вышел. Леголас все это время не подавал признаков жизни. Как он только не задохнулся под водой! Но нет. Он вынырнул, когда за королем закрылась дверь, огляделся и бодро сказал:

— Спасибо, что не выдали!

И тут Трандуил вошел снова и со словами:

— Играйте, детишки, — швырнул в нас русалокота. И угодил в Леголаса.

Тот вновь ушел под воду и прикрылся носовой фигурой.

— Как письма доставлять не пойми кому не пойми куда, так мы взрослые, а как что — так детишки, — заворчала Афадель, когда король вышел, и сняла бронелифчик.

Я на всякий случай поддержал Леголаса на поверхности. Но ничего, русалокот был достаточно плавуч.

Леголас бурно вынырнул.

— Вот это отец дает! Так и потонуть можно. Пойду-ка я.

— Эй, а русалокот? — крикнул я вслед.

— Оставьте себе, — донесся ответ.

— Ну и ладно, — пожала плечами Афадель и пошевелила пальцами ног. — Очень милый котик! Спаситель королевского рода практически!

Я согласился и попросил ее уйти по предлогом, что мне надо наконец отмыться от письма.

Афадель радостно предложила мне помочь. А то я не везде разгляжу. Загораживает что-то.

Ну и куда мне было деваться?..

06
Королевский олень

Который день Лихолесье гудело от сплетен: почему у оленя короля нашего Трандуила растут рога? Версий было неисчислимое множество, а поскольку у моей подруги богатое воображение, то она лидировала по количеству придуманных баек.

Ну а пострадали мы оба. Нас отправили пасти оленя.

Честно вам скажу: олень — он большой, и даже безрогий — серьезная боевая мощь. Но без рогов как-то несолидно, поэтому нас сплавили на окраину Лихолесья и велели как следует чесать Алексиэлю рога, чтобы росли быстрее. А то король наш Трандуил пешком ходить не любит. Это унижает его королевское достоинство, да и репьи за подол цепляются.

Олень был с нами давно знаком, но за хозяев, разумеется, не признавал, так что попытка Афадели прокатиться верхом провалилась. Зато получилось прокатиться волоком по зарослям молодой лихолесской крапивы, когда оленю вздумалось свернуть к ручейку. Просека получилась замечательная. Намного лучше нашей дороги. Вот бы нам тогда оленя выдали!

Наконец мы выбрали подходящую поляну и решили, что дальше не пойдем, с нас хватит. К сожалению, олень решил, что не пойдет и сюда, и последнюю стометровку мы подталкивали его в корму.

— Ну вот теперь мы официально оленепасы, — сказала Афадель и растянулась на травке, предоставив оленю объедать ее по периметру. Олень был невежлив и пнул ее копытом.

С этого момента у них началась затяжная война. Я что, я водил оленя к водопою, чесал ему рога… часами… палочкой (и уже начал чувствовать себя каким-то извращенцем, хотя куда уж дальше), чистил его, расчесывал, а Афадель в лучшем случае подкидывала хвороста в костер.

Время от времени нам приходилось мигрировать на другую поляну, потому что жрал олень, как не в себя, а отпускать его на вольный выпас нам строго запретили. Но это я помнил о запрете, я вообще дисциплинированный, а Афадели взбрело в голову отпустить Алексиэля побегать на свободе. Он и побежал…

Эльфы бегают быстро, но олени еще быстрее. Ну не стрелять же в него было! Король наш Трандуил не простил бы нам стрелы в филейной части своего любимца, шлейф же цепляться будет. Вдобавок олень мог ответить: рога рогами, но копыта и немалый

вес оставались при нем.

— Может, он самку учуял? — спросила Афадель, без сил упав на берегу какой-то речушки. — Трепетную лань?

— У них гон по осени, — буркнул я.

— А ты откуда знаешь?

— Я перед выпасом ознакомился с литературой по теме, — ответил я. — В отличие от.

— Женщина всегда найдет общий язык с животным!

— То-то оно от тебя сбежало!

— Оно сбежало не от меня, оно просто увидело тебя вблизи, — не осталась она в долгу.

Мы свирепо уставились друг на друга… и заржали.

Олень, однако, исчез. Оставалось идти по следам, потому что пропажи его король наш Трандуил нам бы не простил.

В папоротниках хорошо видна была просека, оставленная оленем, однако следы уводили к Андуину.

— В Рохан подался, не иначе, — озабоченно сказала Афадель, — там кобылы красивые. А без рогов он за жеребца сойдет!

Я застонал. Если роханская кобылица родит рогатого жеребенка — это же будет международный скандал! А что с нами сделает король наш Трандуил, подумать страшно…

Уши мои затрепетали.

— Ну что, пойдем на отлов? — спросил я.

— А может, сам вернется? — с надеждой поинтересовалась Афадель.

Я помотал головой, подумав, что супротив роханской кобылы она все равно что эль против здравура. Кажется, за столько лет знакомства подруга научилась читать мои мысли, потому что нахмурилась и врезала мне локтем в бок. Зная ее любовь ко всякому экстриму, уверен, она не отказалась бы попробовать и с Алексиэлем. Увы, олень был против, возможно, поэтому и сбежал.

— Пошли искать, — хмуро сказал я. — Может, на лембас с солью приманим…

— Пойдет он тебе на лембас с солью, жди, — хихикнула Афадель, — король его не таким кормил!

— А чем? — заинтересовался я, потому что был уже не прочь перекусить.

— Нам такое и не снилось, — уверенно сказала она на бегу.

— Вам, может, и не снилось… — ответил я, хотя снилась мне обычно не еда.

Афадель покосилась на меня с большим интересом.

— Надо к тебе заглянуть, — сказала она.

— Не стоит, — сказал я, — у меня матушка дома.

— Так мы же на вольном выпасе!

— Тогда я не понял, куда ты собралась заглядывать, мы в одном шалаше живем!

— В штаны!

Я сделал вид, что не расслышал, и ускорил шаг. Афадель нравилась мне как напарник, и я предпочитал, чтобы напарником она и оставалась. К тому же я не мог забыть безобразную оргию на судне умбарских пиратов.

— Точно, за Андуин ушел, — сказала Афадель, когда мы остановились на берегу.

— Тогда бы мы его видели.

— В камышах залег! — возразила она.

Так или иначе, поиски следовало продолжать.

— Как будем форсировать Андуин? — деловито спросила Афадель.

— Давай пойдем по этому берегу и покричим его. Нас не погладят по головке, если мы переплывем за Андуин.

— Если олень уйдет от нас к какой-то бабе, нас тем более не погладит нас по головке. Мы переглянулись и вздохнули. Байки о привязанности короля нашего Трандуила к оленю передавались из уст в уста, но исключительно страшным шепотом. Кое-кто, не будем называть их имен, но это подданные владыки Элронда, уверяли, что Леголас — от оленя.

Но за это можно было и огрести, тем более что это действительно олень, а не олениха.

— Слушай! — осенило меня. — Давай поймаем олениху и тогда у нас будет собственная баба для Алексиэля.

— Сам лови! — ответила Афадель. — Тем более король нам этого не простит. Издай крик осеннего марала, может, он прибежит на шум.

— Кто, король?

— Алексиэль!

— Но сейчас же весна, — возразил я, не имея никакого желания надрывать глотку. — Лучше покричи ланью.

За это предложение я снова огреб по шее.

Следы оленя обрывались у самой воды.

Я представил, как он скачет, свободный и гордый, по роханской равнине, путаясь копытами в ковыле, и мне стало завидно. Эх, какой трип ему испортим!

— Я не поплыву за Андуин, — сказал я. — Нас и здесь неплохо кормят.

— Ну ладно тебе, — заныла Афодель, — там прикольно, роханцы мужественные такие…

— Для любителей мужественных у нас есть гномы, —

огрызнулся я. — Ну или Леголас.

— И я, — добавила подруга сурово.

— И ты, — согласился я.

— И кони у них красивые, — развивала мысль Афодель, и я начал бояться.

Мы пошли вдоль берега, время от времени вглядываясь в воду. Там волновались водоросли, шныряли рыбешки. Оленя не было.

— Давай размышлять логически, — сказал я. — Если бы он переплыл реку, мы бы его заметили издали, там же равнина… но мы его не видим.

— И?

— Может, он на огонек сам придет? — намекнул я.

— Думаешь, утонул? — намекнула Афадель.

— Или взлетел, — в тон ей сказал я. — Но мы бы заметили. А труп надо искать ниже по течению. Разворачивайся.

— Думаешь, за труп оленя с нас шкуру не сдерут?

Она послушно развернулась. Кажется, ее больше интересовали гипотетически мужественные роханцы и их мужественные кони, чем теоретическая возможность обменять наши две шкуры на одну оленью.

— Я думаю, эта сволочь безрогая ушла по воде, — изрекла она.

— Скрывалась, что ли? — не понял я.

— Возможно, — туманно ответила Афадель.

Мне это не понравилось. Отвечать за поведение королевского оленя предстояло нам. И если эта безрогая сволочь, как точно подметила подруга, ушла за Андуин с какими-то секретными данными, то крайними будем мы.

— Тогда в погоню! — скомандовал я и задумался, в какую именно сторону идти. Разделяться не хотелось, а то с Афадели станется по-быстрому сплавать за Андуин, дел-то…

И мы пошли в погоню. Особенно мы не торопились, потому что настало время обеда, а я в этот час не слишком активен. Но мы прошли минимум километра три — пока не кончился песочек.

На удобных нагретых солнцем валунах мы расположились со всем возможным комфортом, отобедали, запили из Андуина и прилегли отдохнуть. Далеко олень все равно не уйдет, он же ручной!

— Знаешь, мне кажется, вон то облако похоже на оленя, — сказал я мечтательно, глядя в небо.

— На роханского коня, — поправила Афадель. — Со всадником.

Отчего-то мне вспомнился следопыт. Как он там, вспоминает

ли сердечко и русалокота?

Афадель словно прочитала мои мысли.

— С русалокотом было легче. И к пиратам ближе.

— Знаешь, что… — начал было я, а потом вспомнил неплохое умбарское вино, закуски и анекдоты. А как там развлекалась подруга, дело десятое. — Да, с ним было неплохо. Думаешь, стоило взять его с собой?

— Ну только если бы ты его понес.

— Лучше пусть дома лежит, — быстро сказал я.

— Следопыт? — переспросила Афадель.

— Ты о чем? — нахмурился я, невольно почесав те места, которые трогал следопыт.

— Я о следопыте. Он мужественный, — пояснила Афадель.

— Может, он еще придет, — утешил я ее. — Помнишь, как он взволновался, когда читал письмо? Наверняка он захочет скорее повидаться с автором.

Я многозначительно подмигнул ей.

— Ну если бы мы отнесли ему обратный смайлик или сердечки, тогда да, а так… Может, он думает, что ему тут не рады!

— А откуда ты знаешь, что было в письме? Мы же его не читали, а он не говорил. Вдруг это просто пригласительная открытка была!

Афадель задумалась, а я тем временем развил тему о том, что в честь следопыта наверняка закатят пир, и нам следует там присутствовать, невзирая на оленя.

— А откуда ты знаешь, когда будет пир?

Она прищурилась на небо.

— Через два дня, так что поворачиваем. Пока дойдем, пока переоденемся…

— А олень?! — возопил я.

— Оленя подавать не будут, — отрезала она. — Но на шашлык можешь рассчитывать!

Я облизнулся. Вастакская кухня мне всегда нравилась.

Собственно, в эту минуту мне нравилась любая кухня, за исключением, может быть, орочьей. Да и то не факт. Поэтому мы дружно повернули обратно.

С другой стороны, орочью кухню я никогда не пробовал, вдруг бы мне понравилось? Ну там… печеный король Трандуил под соусом из спаржи или что-то в этом роде.

Я не был уверен, выращивают ли орки спаржу. Вряд ли: для этого нужен интеллект. В мечтах о спарже я обогнал Афадель и первым ступил под полог леса.

На глаза мне попалась стайка поганок и я подумал, что орки

в своих подземельях могут разводить вешенки. Или еще что-нибудь вкусное.

— Не беги так, — недовольно сказала Афадель, — а то напорешься на короля или его свиту. Или на Леголаса.

— Откуда бы им тут взяться? — спросил я, но шаг поумерил. — Еще не пришло время возвращать оленя!

— Мало ли. Почему бы им не гулять в окрестностях? Они ж все время тут крутятся поблизости. Вот как выскочат из-за дуба!

— Тут нет дубов, — нервно оглянулся я.

— Леголас с некоторых пор предпочитает сосну, — утешила Афадель.

Я задумался о Леголасе и едва не прозевал момент, когда мы подошли к дворцу. Там отчего-то толпились эльфы, ржали кони (и не только), такое чувство, словно что-то затевалось.

— Вот они! — крикнул кто-то.

Я спрятался за Афаделью. Она, если что, за словом в карман не полезет, тем более, карманов на тунике не предусмотрено.

Афадель выпятила грудь. Я удивился, но тут же заметил Леголаса, с абсолютно счастливым лицом стоящего в центре небольшой толпы.

Но было поздно — нас уже заметили.

— А вот и вы! — радостно сказал король наш Трандуил и плотоядно потер руки, позванивая подвесками на короне.

Ничего не оставалось, как подойти и поклониться. Я помалкивал, понимая, что сперва нужно разведать обстановку. Афадель тоже это понимала, поэтому так и стреляла глазками направо-налево-кругом, рассчитывая получить какую-то информацию, прежде чем высказываться самой.

Трандуил не стал тянуть с информацией.

— Где доверенный вам олень? — спросил он сурово.

— Он уже должен был вернуться домой! — сказала Афадель с героизмом смертницы. — Он так стремился к вам, ваше величество, что вырвал повод из наших рук и стремглав ринулся в ваши объятия!

Леголас чем-то подавился, но Афадель не заметила, а жаль.

— Мы устремились по его следу и, право, он точно должен быть здесь! Чужих следов мы не заметили, только его, вот и пришли… А в честь чего праздник?

— В честь возвращения оленя!

— Ну вот, все и разъяснилось, — с облегчением заметила она и увидела Алексиэля. — Олень дома…

За ее спиной кто-то прыснул.

Трандуил не торопился менять гнев на милость.

— Его привел Следопыт! Если бы не он… я даже не знаю, чем

бы все кончилось!

— Нечего хватать чужих оленей, — включился я. — Все шло по плану, и вот…

— Да! — тут же подключилась Афадель. — Олень бежал по хорошо известной тропе к своему единственному, горячо любимому хозяину, а тут какой-то… следопыт хватает его, силой вынуждает повиноваться, а виноваты мы?!

Трандуил задумался. Леголас занервничал.

— Да у оленя теперь травма, — заявил я, решив, что хуже не будет. — Этот следопыт испортил ему всю радость возвращения! И рога наверняка не почесал…

Трандуил посмотрел на оленя. Олень скорбно кивнул.

— Он не виноват! — горячо воскликнул принц.

Тут задумался уже я, кого же он имел в виду: меня (с Афаделью), Трандуила, оленя или Следопыта. Или даже Саурона. Но кого бы ни имел, ясно, что намерения у него были самые добрые.

Хотя я не хотел, чтобы меня кто-то имел даже с самыми добрыми намерениями. Ну кроме Афадели, я к ней привык.

Король наш Трандуил снова пошевелил бровями, явно принимая сложное решение, потом посмотрел на оленя, на нас и на Следопыта. И кивнул.

Олень подумал, почесал рога о наш дуб-декорацию, снова подумал и подошел к нам с Афаделью.

— Думаешь, заложит? — шепнула она.

— Да кто его знает… — ответил я и потыкал оленя пальцем в шерстяной бок. Он был теплый, и я почесал оленю за ушами, чутко принюхиваясь. Определенно неподалеку готовили шашлык.

Олень тоже это чуял и явно нервничал.

— Орки поблизости! — сообразил я.

— Нет, это обед, — не согласился Следопыт. Он стоял за спиной Леголаса, готовый отразить и защитить. И даже прочитать письмо на феанорском. И даже со смайликом.

— Нет, орки! — поддержала меня Афадель и выхватила клинок, взятый в паучьей пещере. Он светился голубым, и если бы я не знал наверняка, что она намазала его краской для век, то поверил бы.

— К бою! — скомандовал Леголас и, схватив Следопыта за руку, куда-то убежал, явно на передовые рубежи.

Олень облегченно выдохнул и подошел к хозяину, подставил рога на почесать. Трандуил самозабвенно принялся ласкать питомца.

Афадель сглотнула.

— Ты что? — удивился я.

— Ты посмотри… это так… эротично!

Мы посомотрели. Те, кто придумал сплетню про Деголаса, явно тоже были в курсе.

И поспешили отвернуться. Лучше уж на передний край, чем смотреть на это непотребство!

— Ну обед-то когда? — спросил я нетерпеливо. — Война войной, а обед по расписанию!

— Да, там явно что-то пригорает, — потянула носом подруга. — Ну а раз все ушли на войну, пошли на кухню! Хоть поедим нормально!

И мы пошли. Правда, там без нас хватало народу (там же обнаружились Леголас со Следопытом), но по порции шашлыка мы урвали…

— Гляди, гляди, — шепнула Афадель, кивая на тех двоих.

Следопыт с Леголасом ели шашлык с одного шампура, с разных сторон, медленно сближаясь…

— Не хватило, — пробурчал я. Нам тоже досталось мало, и третью порцию мы ели вдвоем — кто больше обкусает.

Афадель посмотрела на меня с сожалением. Я понял, что она не наелась.

— Ну на, держи, — сказал я, вынув из-за пазухи НЗ — сухарь с куском вяленого мяса.

Афадель взяла со вздохом сухарь и сунула в карман.

— Ты настоящий друг, — сказала она кисло.

— На сеновал не пойду, — сразу сказал я. — Ты меня и так затрахала.

— Сеновал занят, — сообщил голос за спиной, но когда мы дружно обернулись, там уже никого не было…

— Пойдем подглядывать! — тут же загорелась подруга.

— Ну уж нет! — потушил я ее порыв. — Лучше уж потрахаемся…

07
Топазы по вкусу

О том, что весна близко, мы поняли по тому, что король наш Трандуил сменил зимнюю корону из сухих веток на венец из подснежников. На подснежники у короля была аллергия, он зверски чихал, но не сдавался. К счастью, эту корону быстро сжевал олень, когда хозяин зазевался (соскучился по зелени, видать), и Трандуил с облегчением сплел себе венок из мать-и-мачехи, добавив туда немного золотистых топазов по вкусу.

Вообще, плетущий венок король — это то еще зрелище. Особенно если он при этом что-то напевает. Леголас спрятался подальше: просить папу не позорить его было бесполезно. Папа продолжал добавлять топазы по вкусу. Только слегка разбавив их изумрудами. Когда вес украшения достиг примерно пяти килограммов, довольный король водрузил его на голову и посмотрелся в клинок.

Отражение ему явно не понравилось, потому что он вынул косметичку и начал подкрашивать ресницы. И брови. Хотя зачем, ума не приложу, они у него и так соболиные.

В общем, развлекался он страшно. Да и то сказать, с весельем у нас негусто. Разве что выпить можно в любое время суток или там пауков погонять. Впрочем, пауки сами кого хочешь погоняют, так что с ними лучше развлекаться на трезвую голову.

В тот день меня отрядили катать бочки для Озерного города. С одной стороны, я эту работу не люблю, с другой — в бочках всегда остается столько вина! И если взять тростинку и хорошенько подсосать… то жить становится куда веселее. За это умение меня очень ценят в нашей смене.

Итак, я катал бочки и думал о вечном. То есть о Леголасе. В последнее время Леголас сиял как бриллианты его папы. Афадель намекала, что это как-то связано со Следопытом.

Я пытался дознаться, что конкретно она имеет в виду, но подруга только хихикала и делала вид, что связана клятвой молчания. Угу, связана она, как же! Кто ее свяжет, потом сам будет ей сапоги облизывать…

В общем, Леголас сиял, а вот король наоборот. Не нравилось ему, что сынишка ожил. И похоже было, что он ме-едленно закипает. А это означало, что следует ждать бури. Грозы в начале мая, не позже.

Однако почему-то он не желал избавиться от Следопыта. Или не мог, а это уже наводило на подозрения. Афадель подстрекала

меня напомнить о русалокоте, но я трусливо отговорился дежурством по бочкокатанию.

Русалокот, кстати, теперь хранился в сокровищнице, а вставать между Трандуилом и его сокровищами я бы никому не пожелал.

Тем более, чтобы встать между, сперва пришлось бы залезть вовнутрь. Сокровищницы, я имею в виду.

Ну так вот. Очередная бочка уперлась во что-то твердое. Я поднял глаза и увидел Следопыта.

— С дороги! — потребовал я, потому что душа просила выпить, а Следопыт преграждал путь к причалу, где мы опустошали бочки окончательно.

Следопыт меня удивил. Он оглянулся, потом вынул из-за пазухи фляжку и показал мне. Я презрительно фыркнул. На дне бочки плескалось пять таких фляжек!

Следопыт снова оглянулся и знаками показал, что все понимает, но ему нужно поговорить. Мы совместными усилиями откатили бочку на место.

— Где принц? — страшным шепотом спросил он, когда мы опростали фляжку. Я решил, что у Следопыта наверняка есть еще, поэтому выпил больше него. Не обеднеет, а мне иначе сосать не пересосать!

— Наверно, у папы, — сказал я, икнув. — Папа его при себе держит последнее время. Видимо, чего-то опасается. Или кого-то…

Следопыт вздохнул.

— Вспомнил! — закричал я. — Он спрятался, потому что у папы корона!

Объяснить понятнее я не мог. Очень уж настоечка у Следопыта была забористая!

Следопыт облегченно выдохнул, и бочку отнесло в угол.

И тут какой-то балрог вынес к нам Афадель.

— Та-ак! — сказала она сурово. — Уже готовы! А мне?!

Следопыт сперва гордо выпрямился, потом быстро скорчился в слабой надежде, что она его не узнает. Наивный.

— Вон в бочке еще осталось, — быстро ответил я. — А ты разве не к гномам собиралась?

— Не-а, не пустили, — удрученно сказала Афадель и приникла к тростинке. Сосала она, надо сказать, профессионально. — А вы тут что? И зачем? Леголас к паукам пошел, кстати.

— Да? — и Следопыта не стало. Я пригладил взметнувшиеся волосы и спросил, не желает ли она помочь мне катать бочки.

Афадель желала только помогать их опустошать. Я, в

принципе, был не против составить ей компанию, но следовало сделать вид, что мы работаем. Вид мы делали до обеда, потом сели перекусить и очистить еще одну заначенную бочку.

— Следопыт искал Леголаса, — сказал я задумчиво. — Значит ли это…

— Конечно, — ответила веселая Афадель, затачивая бутербродик. — А ты по русалокоту не понял? Со смайликом? Да и король что-то перевозбудился…

— Погоди, так письмо посылал король, он вон себе корону новую сплел, готовился, а Следопыт за Леголасом побежал?! — ужаснулся я. — Какое предательство! Какой любовный треугольник!

— Какой любовный треугольник? — не поняла она, оттесняя меня от бочки, и надолго к ней присосалась. — Я думаю, Леголас подменил письмо короля своим, отсюда и сердечко.

— Афадель! — я отобрал у нее тростинку. — Ты же умная! Смотри: король посылает нас с письмом к дунадану, мы его таки доставили, хотя я не все феаноровы письмена еще отмыл, стойкие чернила, чтоб им… Возвращаемся — король рад, принц рад, а тут еще и Следопыт приперся. И оленя привел, спасибо ему, а то мы б его до осени по лесам искали. И опять: принц рад, король новую корону мастерит. Ни о чем не говорит, а?

— Говорит, — вздохнула она. — Король наш большой шмоточник. Наверное, к западу от Мордора ему нет равных.

— Представляю его на вастакском базаре, — сказал я. — Это возьму, это возьму, это, это и это, и еще вот это, свита, расплатитесь и погрузите на оленя!

— Да-да, поэтому он и рад Следопыту, соображаешь? Он, поди, что-нибудь привез.

— Ага, себя он привез, да и то не королю.

— Давай поглядим, что у него в барахле? — предложила уже совсем веселая Афадель.

— У Следопыта, что ли? Да ну. Еще примет нас за воров.

— Не примет. Он к паукам ушел, это надолго.

Я еще возражал, но вы же знаете, как Афадель умеет уговаривать! Нет, вы не знаете. Словом, мы пошли в комнату, отведенную Следопыту.

— Та-ак, — закопалась она в его котомку. — Фигня, снова фигня… о, прикольная штучка… Жратва, опять жратва, явно боялся, что тут кормить не станут задаром, а вот и денежки!

— Положь обратно! — зашипел я. — Вдруг кто войдет!

— Да кто войдет-то!

— Чем вы тут заняты? — прозвучал голос короля нашего Трандуила.

— Сексом, — быстро ответила Афадель и завалила меня прямо на котомку. — А вы кого-то искали?

За что ее люблю, так это за находчивость.

— Но почему здесь? — удивился король, скептически нас рассматривая. Он был далеко не дурак и отлично знал, как занимаются сексом, так что наши жалкие потуги вряд ли могли его обмануть.

— А мы извращенцы! — сказала Афадель, подмигнула ему и сдернула с меня штаны. — Опасность возбуждает нас!

По лицу короля я понял, что скоро нас отошлют на передний край. Орков отстреливать в состоянии возбуждения.

— Выметайтесь отсюда! — потребовал он. — И где сам Следопыт, если на то пошло?

— Мы даже на олене пробовали! — героически попыталась подруга отвлечь нашего повелителя от проблемы Следопыта.

— Да ты и с оленем пробовала, — поддержал я.

— Так это вы помяли правый бок? — разъярился король.

— Нет. Это Следопыт, когда домой его вел! Мы же на спине у него трахались, — сказала она, — причем тут бок?

— Притом! — король разозлился всерьез. — Пошли вон!

— Произвол, — бурчала Афадель, помогая мне застегнуть штаны, — уже не покатаешься на олене утром ранним! А это так бодрит, вы бы знали, ваше величество!

Величество поперхнулось.

И молча указало рукой на дверь. За нее мы и вылетели.

— Знаешь, дело нечисто, — сказала мне подруга. — Для чего-то королю надо было остаться в этой комнате. Для чего?!

— Он хочет ограбить Следопыта, — уверенно сказал я. — Вдруг у того с собой философский камень?

— У какого-то Следопыта? Не смеши мои ботфорты. Наверное, он ему оставит любовную записочку под подушкой.

— Пойдем спрячемся. А потом поглядим…

Мы спрятались, но король все не выходил. Я так и уснул, не дождавшись.

Судя по всему, храпели мы на весь дворец, потому что поутру нас будили специально обученные гвардейцы.

И меня снова отрядили катать бочки. А Афадель — вышивать крестиком.

Несправедливо!

Хотя подруга рвалась катать бочки, и я ее вполне понимаю. С такого-то похмелья много не вышьешь.

Трудотерапия дала свои плоды, и мы весь день трудились на благо Лихолесья. Леголаса не видели, Следопыта тоже.

Король нервничал и грыз бриллианты в кольцах. И кажется,

что-то выгрыз.

Поскольку занимался он этим даже на совете, то совещающиеся сильно обалдели, увидев округлившиеся глаза короля. Трандуил выплюнул что-то в ладонь, рассмотрел и нахмурился.

Советники вытянули шеи, пытаясь рассмотреть, что лежит в королевской ладони.

— И это называется бриллиант! — вскричал он в праведном гневе.

— Ну и зубы, — шепнула мне Афадель и поделилась со мной орешками. — Бобру впору!

К несчастью, король расслышал.

— Бобры, — свирепо заявил он, — грызут осину. А мне подсунули вместо бриллианта какой-то… какую-то… какой-то ортоклаз!

— Это не ортоклаз, — авторитетно заявил я. — Это обычный горный хрусталь. Но огранка хорошая.

Благодаря своим заклепкам я неплохо разбирался в камнях, драгоценных и не очень.

Мы немного подискутировали с королем о принципах классификации минералов, но тут в залу вошел Следопыт.

Он был небрит и очень доволен жизнью, что не укрылось от орлиного взора короля нашего Трандуила. Тот сощурился, сунул мне спорный ортоклаз (обслюнявленный, между прочим) и снял с рукава Следопыта длинный светлый волос.

— Небрежность в одежде — находка для врага! — укоризненно сказал он, сверля того взглядом.

— Это ваш, — немедленно нашелся Следопыт, и я почувствовал к нему невольное уважение.

— Ты хочешь сказать, что я линяю?!

— Я думаю, вы меняетесь, — значительно сказал Следопыт, поглядев королю прямо в глаза.

Королю это явно не понравилось, потому что он нахмурился еще сильнее, что с его бровями выглядело весьма внушительно. Афадель уткнулась в мое плечо и тихо хихикала.

— К лучшему, — дипломатично добавил Следопыт.

Это не помогло. Король сощурился и вытащил из нечесаных волос Следопыта веточку. С листиками.

— Это для маскировки, — быстро нашелся тот.

— От кого маскируемся? — недобро спросил Трандуил. — И с кем?

— От врагов, — прямо сказал Следопыт. Я продолжил уважать его за стойкость. Правда, не моральную. — С соратниками.

— Список соратников — в тронный зал, — тихо хихикнула Афадель.

На несчастье, король услышал и ее и решил, что это хорошая идея.

— Да-а… — протянул он, поправив венок и на всякий случай отряхнув мантию. — Список в тронный зал. Я жду!

С этими словами он уселся на трон и с непримиримым видом закинул ногу на ногу.

У него это хорошо получалось. Следопыт не растерялся. Он вытащил из кармана кинжал, подошел к трону и принялся вырезать на нем все те же злосчастные феаноровы письмена.

Трандуил онемел. Свита онемела. Даже Афадель онемела, а это о многом говорит. Хотя бы о том, что такого вопиющего хамства в королевском дворце давненько уже не видели. С тех самых пор, как мы с подругой умудрились опрокинуть на короля нашего Трандуила торт. Но мы-то нечаянно, споткнулись кто-то об кого-то, а этот — нарочно!

Время шло, Следопыт пилил свой список, мы ждали. Наконец король отмер.

И выругался на квенья. Хорошо, что мы его не понимаем! Разве что интуитивно. По смыслу — король проклял Следопыта до пятнадцатого колена включительно. В обе стороны.

Следопыт подумал, дописал еще одно имя и отошел, любуясь работой. Видимо, он тоже плохо понимал квенья.

Осознав это, Трандуил его попросту пнул. Сказывалось раздражение от понапрасну разгрызенного кольца. Но у Следопыта сработали рефлексы, поэтому он поймал короля за ногу и дернул на себя. Но король тоже не лыком шит, а нитью из паутинного шелка… Словом, на полу образовалась куча-мала из Следопыта, Трандуила, мать-и-мачехи с топазами, королевской мантии и прочего. Мы смотрели и запоминали: когда еще такое увидишь!

И тут, словно нам не хватало накала, в зал вошел Леголас. При виде кучи-малы он сперва замер на месте, потом патетически воскликнул: "Не трогай его!"

Кому именно он это сказал, мы понять не успели: принц сиганул в эпицентр схватки.

И тут все заверте…

Когда они распутались (а это было сложно, учитывая мантию Трандуила, их с Леголасом длинные волосы, лук принца и так далее), то обнаружилось, что король крепко прижимает к себе наследника и все норовит отпихнуть Следопыта сапогом. И явно жалеет, что рядом нет оленя с его новыми рогами. Следопыт, в принципе, не возражал быть отпихнутым, но принца не уступал и

тянул к себе. Леголас уже был не рад, что влез в этот междусобойчик.

Но деваться ему было некуда. Я понял, что сейчас кто-то (и я даже знаю, кем будет этот кто-то) припомнит все: русалокота, сердечко, ладью, оленя, мост и ортоклаз. И тогда над Лихолесьем точно разразится гроза в начале мая. Хотя сейчас еще только апрель.

— Отступаем, — шепнул я Афадели.

— Не-не, — ответила она и кинула в рот еще пару орешков. Подруга уже успела похмелиться и выглядела вполне цветуще. — Я хочу досмотреть это шоу!

Я, кажется, говорил, что у короля крайне острый слух?.. Если не говорил, то скажу сейчас: у короля просто невозможно острый слух, такой же, как его уши.

— Это вам тут шоу? — зловеще спросил он. — Может быть, цирк? Может, вас забавляет эта ситуация? И ситуация с оленем вас забавляла?

— Какая ситуация? — быстро прожевав, спросила Афадель. — Когда мы на нем трахались? Да, это очень прикольно! И это, ваше величество, Следопыт вам сапогом на мантию наступил, пятно будет.

Все одновременно посмотрели на мантию. Да, пятно будет! Следопыт почувствовал себя неловко.

— Да я вам таких мантий еще пять штук могу принести! — заявил он. — И Леголасу две.

Трандуил тихо зарычал. Очень тихо, но очень выразительно. Это походило на далекие раскаты грома за горизонтом.

Но тут он вдруг осекся, встал, выдернув испачканную мантию из-под Следопытовой ноги, водрузился на трон и сказал:

— Хорошо, принеси. Пять мне, пять моему сыну.

— Я обещал две!

— А без пяти не возвращайся!

Мы с Афаделью дружно поискали взглядом часы.

— Хорошо, — с достоинством ответил Следопыт. — но сперва я хотел бы переговорить с Леголасом без свидетелей.

Трандуил сделал страшные глаза. Свита испарилась. Мы тоже испарились, согласно взгляду монарха — за ближайшую портьеру.

— И вы тоже! — намекнул Следопыт.

Король фыркнул, развернулся и вышел. Я знал, что вышел он под окно, там из кустов все прекрасно слышно.

Однако в зале стояла мертвая тишина. Я уже устал переминаться с ноги на ногу, а Афадель просто повисла на мне, чтобы скоротать время. Нет, она не просто повисла, она начала

приставать, как обычно делает от скуки, но не в тронном же зале!.. В итоге мы прослушали все самое интересное. И очнулись в тот момент, когда к нам за портьеру ворвался король.

— Третьим будешь? — мурлыкнула Афадель, из-за растрепавшихся волос не разобравшая, кто это. И облизнулась.

Трандуил, по счастью, от шока потерял дар речи.

Потом он его нашел и потребовал от нас Леголаса.

— Так они разве не на вашем троне? — удивилась Афадель. — Они вроде там со Следопытом обнимались.

— Нет! — страшным голосом ответил Транудил. — Они больше там не обнимаются! Они вообще исчезли!

— Извините, ваше величество, — виновато сказал я, подтягивая штаны. — Не уследили-с.

Трандуил рявкнул что-то на квенья и ушел, взмахнув подолом мантии.

— Зайти к нему вечерком, что ли? — задумчиво произнесла Афадель, заплетая косички. — Что он нервный такой? Точно ведь от воздержания!

Тут уж дара речи лишился я.

— От какого еще воздержания? Ты чокнулась?

— А с кем, по-твоему, он трахается? Не с оленем же! Хотя… — Афадель задумалась.

— Не с оленем. — заверил я. — И вообще, уже обед, пойдем отсюда, пока еще куда-нибудь не запрягли.

— Нет, ну погоди, — подруга поправляла бронелифчик, — ну правда, с кем? Не с наследником же, он еще не настолько чокнулся! Ну ладно, олень, но мы его надолго тогда увели… А если б с кем еще, я бы знала, тут у всех стен уши есть! А раз даже не сплетничают, то, выходит, воздерживается, а это вредно, характер портится! Вот я и проверю…

И тут только я заметил, что король наш Трандуил стоит в дверях и внимательно слушает ее монолог. Чуть ли не конспектирует.

— Ну не со Следопытом же, правильно? — развивала она мысль. — Он небритый и нечесаный. Леголас хоть хорошенький, мы с ним как-то в кустах хорошо зажгли…

Я попрехнулся, но благоразумно промолчал. У стен есть уши, глаза и мозги, так что рассуждать на такие темы лучше где-нибудь на границе. Мордора с Роханом. А еще лучше — посреди Андуина.

— Что вы там зажгли с моим сыном? — нехорошим тоном спросил король.

— Костер, — не моргнув глазом, ответила Афадель и снова поправила бронелифчик. — А вы как думали, ваше величество?

Сидим это мы в засаде, комары жрут, вот и задымили немного…

— В засаде, — кивнул он. Афадель похлопала глазами. — Подымили. Молодцы. Отличные воины!

— Я тоже так счиитаю, — сказала она.

— Ни один орк не проберется, — подхватил я.

— Особенно, если коноплю жечь, — добавил Трандуил и явно понял, что сморозил что-то не то.

— У нас осталось немного, — преданно сказал я, заглдывая королю в глаза. — Для себя берегли, но вам нужнее…

С этими словами я бросил щепотку травы в ближайший светильник.

Судя по выражению королевского лица, дым отечества был сладок и приятен.

Поэтому мы никуда не пошли: когда еще получится так сблизиться с его величеством. Дым сносило на Мордор. Об этом мы узнали позже, когда вернулись Леголас со Следопытом.

Были они злы, ободраны и местами изранены. Сказали, что орки от дыма одурели и пошли на прорыв, а пока мы тут с королем… тут Леголас сглотнул, глядя на Афадель в одной королевской мантии на голое тело… Короче, пока мы тут сближались, они отбивали вражескую атаку!

Мы посочувствовали как могли. Но я сказал, что они сами виноваты, если таки поперлись в Мордор, когда сеновал в кои-то веки был свободен!

Судя по выражению лица Следопыта, он с удовольствием поджег бы этот сеновал, но тогда к нам явился бы сам Саурон, не иначе.

Афадель кокетливо покачивала босой ногой, восседая на троне. Король наш Трандуил сидел у подножия этого самого трона и блаженно улыбался. Я на всякий случай поспешил одеться.

— Первый раз за последнее столетие вижу пап***а*** с улыбкой, — озабоченно сказал Леголас. — Что-то страшное грядет.

— Несомненно, — согласился Следопыт, потянув носом.

Трандуил продолжал улыбаться. Главное, чтобы он не вспомнил, как Афадель играла с ним в оленя, покрикивая "н-но, пошел!" и хватая за корону.

С другой стороны, это не в его интересах. Мы быстро вручили короля Леголасу и выскочили из зала. Потому что все-таки обед. Следопыт выскочил вместе с нами.

— Мантию-то оставь, — сказал я Афадели. Та, не задумываясь, скинула ее и вручила Следопыту со словами "сам передашь, мы же твое письмо таскали!"

Следопыт был опытным, поэтому жмуриться не стал, а

проводил Афадель очень даже внимательным взглядом. Позже я узнал, что он все же отдал мантию королю: "Вот мантия, следопыт обещал — следопыт сделал".

После этого, говорят, Трандуил страшно переменился в лице. Правда, сила воли его была велика, он промолчал и даже не спросил, кто заплел ему кокетливые косички.

Похоже, знал. Но с тех пор в траву я уверовал и без нее даже из дома не выходил.

Еще я задумался, не ее ли курит Гэндальф. А то он кого угодно на что угодно уговорить может, я слышал, даже в Мордор за компанию пойти.

Следопыт покрутился у нас еще с месяц и пропал. Вместе с ним пропал Леголас, новый кинжал, пара чистых портянок и мой запас травы…Трава-то ладно, вон ее целый сеновал, но каково хамство! Тем более, портянки были совсем новые.

Вот так замена бриллианта на ортоклаз приводит к самым непредсказуемым пертурбациям в королевских семьях Лихолесья!

Вдобавок я мог предсказать, что этот вот ортоклаз, в смысле, горный хрусталь, король непременно захочет припомнить гномам, и вдруг на дело пошлют нас с Афаделью? И я наконец поменяю свой сапфир на рубин или даже изумруд! И тогда все вообще будет прекрасно! Разумеется, кроме орков, русалокота и непонятной страсти Следопыта.

Я оказался прав. Его величество, оправившись от последствий отравления дымом отечества и не найдя Леголаса в обозримых пределах, сделался мрачен и даже зол. Разумеется, отправить нас искать сына он не мог, это значило бы признать, что воспитатель из короля никудышный, раз его собственный отпрыск не слушается. Поэтому он всучил мне погрызенный перстень, орто… тьфу, горный хрусталь и велел сходить к гномам разобраться, что это за беспредел! Выдали же за бриллиант чистой воды!

Я послушно взял перстень, взял Афадель, которую мне никто не вручал, взял запас (не спрашивайте чего), положил в мешок булочку и пошел. Русалокота оставил королю для утешения. Олень помахал нам вслед хвостом.

— Гномики, гномики, гномики! — подскакивала на ходу Афадель. Ее бронелифчик, украшенный пирсингом в жемчужных сосках, мелодично позванивал. — Милые гномики!

Я не подскакивал, но зато был спокоен за свое ближайшее будущее.

Если уж Афадель задумалась о гномах, то я ее точно не заинтересую. И король. Бедный король, подумал я, какая же у него теперь психологическая травма! Мало того, что сын сбежал со Следопытом, так его самого еще окурили и отымели двое

подчиненных… Нет, вру, имела его в основном Афадель, я так, помогал. Королю. Иметь Афадель.

В одиночку там не справиться.

Конечно, в переносном смысле, но все-таки… Потом я подумал еще. Король наш Трандуил славился коварством. Заставить двоих своих не самых страшных и старых подчиненных самим… хм… заняться с ним этим самым, да еще за их счет употребить немного травы, да еще так, чтобы эти самые подданные потом чувствовали вину… Гхм. Король — это голова.

Я поделился этой мыслью с подругой. Афадель подумала и сказала:

— Ну и что? Когда б я еще с королем потрахалась! Да еще в такой компании!

На это мне возразить было нечего, тем более что мы уже приближались к месту нашего назначения.

— Гномики, — снова завела Афадель, — милые гномики… О, вот они!

— Куда прете? — спросил мощный рыжий гном. Ухо мое затрепетало, едва не вырвав заклепки.

— Несем ваш ортоклаз, — бодро отозвался я. — От короля нашего Трандуила.

Гном немного смутился, но секиру не опустил.

— А зачем несете-то? — спросил он.

— Рекламация, — мило улыбнулась Афадель, успевшая подойти к гному и потрогать бороду. То-то она к королю все сзади подбиралась, ее волосатость привлекает…

— Рекла… что? — гном остолбенел. и моя спутница тут же этим воспользовалась.

— Ну иди ко мне, рыженький! — проворковала она, отобрала у него секиру и увлекла за ближайший валун.

Я поспешил отвернуться и зажать уши. У меня слишком тонкая нервная организация, мне жаль низшие расы! Даже орков.

Тем более что за ортоклаз отвечал я: Афадель как-то отвертелась. Да и вообще ее со мной не посылали, за компанию пошла.

Из-за валуна вырвался взъерошенный гном в задранной кольчуге и с растрепанной бородой и опрометью рванул в пещеру.

Наверное, менять ортоклаз на бриллиант.

Я не ошибся, буквально через пять минут этого же гнома выпнули к нам (остальные выйти не рискнули), и он дрожащими руками преподнес нам целых пять бриллиантов один другого краше. Вот что секс животворящий делает!

Я быстро спрятал камни, чтобы Афадель не увидела, и

спросил, не выпьем ли мы на дорожку.

Гномы резко отказались, заявив, что у них пост или что-то в этом роде. Но нам вынесли. И закусить тоже. И с собой.

Мы не стали отказываться, хотя Афадель выглядела несколько разочарованной. Мы выпили, закусили, покурили и не спеша отправились обратно.

Я перебирал в кармане бриллианты, выбирая, какой поменьше, чтобы отдать королю. И с досадой думал о том, что опять не поменял сапфир на рубин! Хотя этого бы гномы могли и не пережить…

08
Мухоморы в штанах

Однажды мы с Афаделью пошли по грибы. Вернее, официально мы были в дозоре, но поскольку в Лихолесье как раз появились мухоморы, мы решили совместить бесполезное с приятным и насобирать сколько получится. Дело в том, что за хорошие, крепкие мухоморы гномы могут не только кольчугу починить, но и заклепки в ухе бесплатно поменять. Они на этих мухоморах настоечку делают, я раз попробовал, чуть копыта не отбросил, хоть я и бессмертный эльф. А Афадель ничего, только косила потом два дня, так что король наш Трандуил от нее шарахаться начал.

В пещерах у гномов только какие-то бледные подземные грибы растут, не слишком забористые, видимо, так что за мухоморы они на многое готовы…

Мухоморы мы нашли сразу, ну, или они нас нашли. Крепенькие такие, мне по колено. Мы разом набрали корзину и остановились: грибов оставалось еще много, а было уже некуда.

— Раздевайся, — велела Афадель. Она всегда была находчива. — В твои штаны еще напихаем.

— И как я без штанов?!

— Да под туникой не видно, — утешила она. — А я как раз ее и сниму. На мне же бронелифчик!

Я снял штаны. Что-то часто я стал снимать их в присутствии подруги, не к добру это.

Я угадал: Афадель опять не удержалась. Это бы ладно, но голый зад и крапива — все-таки две вещи несовместные.

Добычу мы припрятали в кустах и вернулись во дворец. Завтра у нас был выходной, можно будет сбегать к гномам!

Но навстречу нам попался король наш Трандуил… что-то часто он стал нам попадаться, не к добру это… Я поспешил спрятаться за подругой, потому что в одной тунике и сапогах чувствовал себя неловко.

Афадель напротив выставила свои жемчуга вперед. Кажется, она никак не могла забыть того дня, когда я совершенно случайно бросил в светильник щепотку травы…

И, подозреваю, не отказалась бы повторить. Но трава кончилась, а новая еще не созрела. Были только контрабандные мухоморы.

— Это что такое? — сурово спросил король.

— Жара, ваше величество! — ответила она и сдвинула

бронелифчик пониже. — Ужасная жара! Хвандиру вон даже задницу солнцем напекло! Глядите, какие ожоги!

Я натянул тунику на напеченное предположительно место, которое от крапивы покраснело и чесалось.

Трандуил сокрушенно покачал головой.

— И это эльфы, звездный народ! — пробормотал он себе под нос. — Брошу все, уйду… куда ж я уйду, Эру!

И поплотнее запахнулся в мантию.

— На Запад? — живо поинтересовалась Афадель.

— Не дождетесь! Запад — это не наш метод! — сурово сказал он. — Это место для хлюпиков, а настоящие мужчины живут в Эндорэ! Ну и женщины тоже…

— Ах, значит я ненастоящая женщина?! — оскорбилась Афадель. — Ну знаете, ваше величество, давно меня так никто не оскорблял! Доказать вам, что я самая что ни на есть настоящая?!

Она потянула его за рукав мантии, и король проворно отступил на пару шагов.

— Чем ты недовольна, женщина! — вопросил он, сдвигая знаменитые брови.

— Вами! — ответила Афадель и скрестила руки на бронелифчике. Король от такого хамства поперхнулся словами.

— Мало вас в детстве драли! Крапивой! — добавил он, и я непроизвольно почесался. — Но я вами займусь!

— Да, накажите меня, о мой король! — промурлыкала Афадель, впав в буйство. Мухоморов попробовала, что ли?

— И накажу! — Трандуил сверкнул глазами. — Прямо сейчас пойдете в библиотеку и прочитаете Свод правил поведения для эльдар в быту и на войне. И законспектируете! А я проверю.

— Нет! — быстро сказал я. — Я сидеть не могу!

— И я не могу, — томно произнесла Афадель, наступая на короля. — Мне хочется… прилечь…

Честное слово, Трандуил испугался. Да поди тут не испугайся: один без штанов и с красным задом, вторая… вторая в жемчугах.

— Пойдемте, ваше величество… — пропела подруга, — вы покажете мне правила поведения эльдар на личном примере…

— Убери ее от меня! — взмолился Трандуил, отступая с риском наступить на свой шлейф.

— Нет-нет, — быстро сказал я. — Я боюсь!

— Я тоже! — нашелся король, ухватил меня под руку и увлек за собой куда-то в боковую дверь. Я упирался изо всех сил. Короля я тоже боялся. Я вообще пугливый, особенно когда без штанов.

Впрочем, я мог бы и не стараться: от Афадели еще никто не

уходил…

— Привет, папа! Что это у вас тут, опять оргия? — поинтересовался промелькнувший Леголас, увидев, как мы играем в перетягивание каната с Трандуилом. Трандуил был в роли каната, разумеется. — Пока, папа!

И испарился. Мог бы и помочь! Хотя с какой стати ему нам помогать… Следопыт куда-то задевался, и потому Леголас немного хандрил. Во всяком случае, на стрельбах пару раз пригвоздил мои волосы к стволу дуба. Нечаянно. И каждый раз извинялся.

Я, кстати, начал подумывать сделать себе заклепки в виде наконечников стрел. Будет очень стильно! Вот мухоморы сдадим — сделаю! Но я отвлекся.

— Ну же, ваше величество, — Афадель медленно, но верно преодолевала сопротивление короля нашего Трандуила. Тот уже явно готовился позвать стражу, на помощь, маму, оленя, Эру или балрога. — Что вы, как будто девственник… хотя я раньше так и думала…

— Глупая, — сказал я, отцепив от себя короля, — откуда бы тогда Леголас взялся?

— Это до меня потом дошло. Подержи-ка… — подруга кинула мне королевский пояс.

— Связать его, что ли? — недоуменно спросил я. За такое нас потом будут расстреливать три дня подряд.

— Просто подержи, — раздраженно сказала она. — Не бросать же одежду на пол. Все-таки она облекает самого короля…

— А ты его стоя насиловать будешь? — заинтересовался я. Зрелище обещало быть интересным.

— Как ты мог такое подумать! — она нашла время бросить мне укоризненный взгляд. — Мы займемся любовью. Как говорится, занимайтесь любовью, а не войнами.

И обольстительно улыбнулась королю, который явно впал в какой-то ступор.

Впрочем, я его прекрасно понимал.

Афадель тем временем нагрузила меня королевской мантией (я в нее завернулся, чтобы прикрыть пламенеющий зад), королевским кафтаном, королевской рубашкой и прочим барахлом (как он не сварится в этом богатстве, капуста какая-то, а не король!), потрогала корону, кокетливо улыбнулась и сказала:

— Ну, возьмите же трепетную лань, о королевский олень!

Я прикрылся королевским барахлом. Точнее закрыл им глаза. Свои. Ну, чтобы меня не привлекли как свидетеля. Хорошо, мантия длинная, там на полтора меня хватит. И заткнул уши с той же целью. Уйти я боялся, чтобы не обвинили в соучастии.

Что сказал король, я не расслышал, зато очень хорошо расслышал, как меня потрепали по плечу и спросили, во что мы тут играем.

В голове прозвучал приговор: "За насилие над его величеством Трандуилом, совершенное в извращенной форме и с особым цинизмом…"

— В оленей, — ответил я обреченно.

И открыл глаза. Следопыт (это был он) задумчиво разглядывал стоящую пред ним пару.

У него уже явно вертелся на губах какой-то комментарий… Я на всякий случай заткнул ему рот королевской рубашкой.

— Леголас ушел туда, — сказал я с намеком.

Но тут король тоже увидел Следопыта. Неизвестно почему, но это зрелище придало ему сил.

И это очень обрадовало Афадель. Теперь выдраться из ее рук, не лишившись самого дорогого (не короны) король бы не смог. Я пробовал, я знаю.

— Ты! — воскликнул король. — Ты опять явился, чтобы… чтобы…

— Да я так просто заглянул, — удивленно произнес Следопыт, выплюнув рукав рубашки и с интересом наблюдая за разворачивающимся действом.

Король хотел сказать что-то еще, но не смог: кое-что Афадель, как я уже говорил, делает профессионально. На бочках с тростинкой натренировалась.

Однако я недооценил силу воли нашего повелителя. Ему все-таки удалось освободиться без потерь, хотя он был изрядно растрепан, а корона съехала на одно ухо. Я поспешно протянул ему мантию, и Трандуил завернулся в нее, по-моему, в два оборота.

— Дожили! В моем собственном дворце!.. — патетически воскликнул он и удалился быстрым шагом.

— Предатель! — зашипела Афадель. И удалилась в другую сторону. Я подумал и пошел присмотреть за мухоморами: мало ли, что ей взбредет в голову.

Следопыт удалился в третью сторону — пошел искать Леголаса, наверно.

— Что это на тебя нашло? — спросил я, догнав подругу. — Совсем уже, на короля кидаешься!

— Да на спор, — вздохнула она, присмотрелась, сняла у меня с шеи королевский пояс и довольно ухмыльнулась: — Вот и доказательство! И пусть кто посмеет сказать, что я не довела дело до конца!

— Довела, — вставил я.

— Не до того! Ты же ничего не видел, верно? — с нажимом спросила она.

— Ничего. У меня мантия на голове была, — понятливо ответил я.

— А Следопыт не проболтается.

— А с кем ты спорила? — не утерпел я. — Не с Леголасом же?

Афадель поковыряла землю носком сапога и посмотрела в небеса.

— Что, все же с Леголасом?! — ужаснулся я. — Дожили…

Потому что тогда Следопыт мог и проболтаться.

— А на что спорили?

— О, — довольно ухмыльнулась Афадель, — на хорошенькие такие камушки…

— Угу, скажи еще, Сильмариллы!

— Сильмариллы не Сильмариллы, но тоже ничего! Сам понимаешь, в королевской сокровищнице всего много.

Я покачал головой. Леголас был королевским сыном, но за поход в сокровищницу ему запросто могли оторвать голову. А уж про нас (я не сомневался, что Афадель меня не забудет, если что) и говорить нечего. И не убеждайте меня, что у эльфов нет смертной казни…

— Мухоморы понесем, махну на что-нибудь не настолько приметное, — сказала она с намеком. — Заклепочки тебе новые поставим…

— Ты откуда?.. — опешил я.

— Ха. Будто я первый день тебя знаю, — победно ухмыльнулась она. — Бери мухоморы, пошли.

— Погоди, я хоть штаны надену, — вздохнул я. — Не могу же я к гномам в таком виде!

— Да, не стоит так рисковать, — согласилась она. — Я тоже что-нибудь накину. И давай, не копайся!

И мы понесли мухоморы к гномам, но это уже совсем другая история…

А потом вот рассказывают сказки о том, как злобные гномы присвоили эльфийские сокровища! Знали бы они правду… Хотя нет. Лучше не знать.

09
Рифмачи

Как-то раз мы с Афаделью скучали. Вернее, мы не должны были скучать, потому что были в дозоре, но смысл?..

— Афадель? — сказал я.

— Карамель, — ответила она. — Хвандир?

— Драил кольчугу до дыр, — огрызнулся я. Подруга вспомнила, как меня наказали за небрежение к воинской снаряге и захихикала.

Мы продолжили, да так увлеклись, что не заметили, как к нам подошел король наш Трандуил. И что его сюда занесло?

— Чем это вы тут заняты? — вкрадчиво спросил он.

— Играем в рифмы, ваше величество, — бодро ответил я, вытянувшись по стойке смирно в положении лежа. Очень удобно, кстати. — Ну вот загадайте имя!

— Леголас, — ядовито сказал он.

— Бьет белку в глаз!

— Хм… — Король подумал и сел рядом с нами, скрестив ноги. Олень пасся поодаль. — Следопыт?

— Небрит и немыт, — фыркнула Афадель. Мы давно в эту игру играем, не королю с нами тягаться.

— Митрандир?

— Спер палантир! — выдал я.

— У кого?! — опешил король. Олень поднял голову.

— Это для рифмы, — пояснила подруга. — Эльфы же должны уметь слагать стихи, вот мы и тренируемся. — Ну-ка, Трандуил!

— Руки не мыл, — машинально ответил я. — Глоин!

— Почестей достоин. Олень!

— Скука и лень. Элронд!

— Э… э-э-э… тебе в рот!

Услышать такое от короля нашего Трандуила я не ожидал. Афадель тоже. Олень вообще предпочел скрыться в зарослях. Наступила тишина, в которой звонко посвистывали стрелы.

— Саурон, — сказал я для разрядки обстановки.

— Опетушён, — мгновенно ответил король.

— Не в рифму! — радостно завопила подруга. — Снимайте мантию, ваше величество!

— Это еще зачем?! — отшатнулся он.

— Ну так мы на раздевание играем…

— Можно переиграть? — быстро спросил Трандуил.

— Нельзя, — радостно сказали мы хором.

Король снял мантию и сел на нее. Видимо, чтобы мы не сперли. А мы могли!

— Гэндальф, — загадал я.

— Пендальф!

— Снимайте сапоги, ваше величество, — пропела Афадель.

— Почему это? — возмутился король. — Это точная рифма!

— Это сложная игра, — поддержал я подругу. — Который год тренируемся.

— Рифма точная, но неэстетичная, недостойная эльфийского короля, — добавила она.

— Зато Гэндальф достоин, — проворчал король.

— Тут спорить не будем, но сапоги снимайте.

Король предпочел снять воротник.

— Саруман, — сказал он.

— Мой ход! — возмутилась Афадель, но я дернул ее за рукав, король все-таки, а мы еще наиграемся. Мало ли у нас дежурств вне очереди. — Ладно. Сыт и пьян. Лориен!

— Пепел и тлен, — пробормотал король.

— На Галадриель мы ни разу ничего путного не придумали, — утешил я.

— Это ель!

Афадель упала на спину, зайдясь хохотом. Видимо, вспомнила, как целовалась с мэллорном.

Я плотно сжал губы, потом зажал рот руками. Трандуил мрачно посмотрел на нас.

— Вы ловите фишку, мой король, — серьезно сказала подруга, устав ржать. — Арвен!

— Кармен! — не остался в долгу король. Видно, чем-то Арвен его не устраивала.

— Это не из нашего фандома, — запротестовала Афадель. — Пропуск хода, снимайте сапоги, ваше величество! Беорн!

— Ревет как горн, — быстро сказал я. — Орофин!

— Парафин, — буркнул Трандуил, стягивая сапоги. — Минас-Тирит!

— Враг разбит! — откликнулась Афадель. — Минас-Моргул!

— Гул! — сказал король. — Что-то не слишком поэтично выходит.

— Это вы просто неопытный, — ласково сказала подруга и облокотилась на его колено. — Ну вот… Хвандир, загадай!

— Мордор, — сказал я.

— Помидор! — среагировал король.

— Вы лишком прямолинейны, — укорила Афадель. — Давайте еще попробуем… Кстати, кафтан снимите…

— За что это? — возмутился Трандуил. — Прекрасная рифма,

поди поищи такую!

— Это не рифма, а безобразие! В порядочном обществе за такие рифмы бьют канделябрами! Хвандир?!

— Шелоб, — обреченно произнес я.

— Пуля в лоб!

— Вот это я понимаю! — оценила Афадель. — Вот это прогресс! Хм… Дол-Гудур?

— А почему это вы мне все загадываете? — возмутился король, пытаясь отстраниться. — Нет уж, я послушаю, как вы придумываете рифму! Лук!

— Сперва Дол-Гудур, и попрошу без дур! — намекнула она. — А лук — вокруг много сук…

— Это ты на что намекаешь? — грозно спросил король, поиграв бровями.

— Я не намекаю, я прямо говорю.

— Так говори!

— Вокруг много сук, — повторила Афадель и откровенно обняла королевское колено.

Король пошевелил пальцами. Или у него сами зашевелились, чтобы отпихнуть не в меру наглую эльфийку. Пальцы-то зашевелились, а рука не поднялась. В отличие от. Я сделал вид, что созерцаю облака, и загадал:

— Валинор.

— Феанор! — тут же среагировал король.

— Фи, это банально, — сказала Афадель и содрала-таки с короля кафтан, спутав ему руки. Так у нее дело пошло на лад, а я продолжал изучать облака. — Моргот! И без пошлостей!

— … тебе в рот! — разозлился Транудил и встал.

— Я же просила без пошлостей! — оскорбилась Афадель, вцепившись в его колено и прижимаясь к нему бронелифчиком. — Хотя я и не против… Сильмарилл!

— Отворил! — машинально ответил король, пытаясь отделаться от любвеобильной подданной.

— Отлично, — восхитилась Афадель, делая мне знаки бровями. Они у нее не такие густые, как у короля нашего Трандуила, выщипывает, модница, но все равно выразительные. Но я не понял, что она имеет в виду. А! — Мифрил!

— Трандуил! — встрял я, продолжая изучать кроны деревьев.

— Было!

— Меня не было! — возмутился король.

— Ну вас много не бывает, — промурлыкала Афадель, медленно но верно поднимаясь с колена.

— Я такой один! — заявил Трандуил с достоинством. Ну, насколько можно выглядеть достойно без сапог, мантии, кафтана

и воротника. И практически без штанов, в одной Афадели

— Да, ваше величество, вы совершенно правы, — с жаром поддержал я.

В принципе, если вы в Афадели, то вы по умолчанию достойны, но этого я говорить не стал. Афадель, к моему удивлению промолчала. Была занята, тут же понял я, то-то у короля глаза на лбу, и мстительно загадал:

— Глорфиндейл!

— Фейл! — вскричал король. — Эпик фейл!

— Это точно, — пробурчала Афадель, поднимаясь с колен. — Тренироваться вам надо, ваше величество!

— Это я без тебя разберусь, — строго сказал Трандуил, заворачиваясь в мантию и прижимая к себе сапоги. — А у вас чтоб муха не пролетела!

— Вот муха пролетела и ага, — задумчиво сказал я, провожая его взглядом. — Зря ты его так уж… Это я привычный, а ему ничего длиннее моргота пока не осилить

— Средний моргот по Средиземью — четырнадцать сантиметров, — сказала Афадель и почему-то покраснела.

— Маловато будет, — сказал я. — Это ж король!

— Все претензии — к статистике, — быстро сказала Афадель.

— Учитывая, что ведешь ее ты, я буду звать тебя статистикой.

— Ах вот оно что… — произнес подкравшийся уже одетый Трандуил. — Статистика! Куда катится мир! Требую мерить все в трандуилах! Король я или кто?

— Вас, ваше величество, мы непременно будем мерить в трандуилах! — заверил я. — Я считаю, что вы тянете на семь трандуилов!

Король задумался и переглянулся с оленем. олень, по-моему, ржал про себя, но помалкивал. Ржание вообще для оленей не характерно.

— Следопыт, — с намеком произнесла Афадель.

— Пьян и сыт, — не задумываясь, выдал Трандуил.

— Вы постигли смысл игры, ваше величество, — обрадовалась она и похлопала по мху рядом с собой. — Идите к нам, продолжим… Элберет?

— Четыре сбоку, ваших нет!

— Лучше — ложки нет, — поправил я.

— Уже недурно, — сказала Афадель, — но сапоги снимайте оба, я имела в виду "носи берет".

— Мало ли что ты имела. — ворчливо сказал он. — Намо Мандос!

— Это читерство, — обиделась она.

Король довольно натянул сапоги обратно.

"Лишь бы феаноровы письмена не вспомнил", — подумал я.

— Это Намо Мандос! — торжествующе сказал король. — С ним не пошутишь!

— Чеснок тебе в нос! — выдал я победным тоном и тоже надел сапоги.

— Намо? Мандосу? — неподражаемым тоном спросил Трандуил. — Пойду-ка я отсюда…

— Куда?! — схватилась за него Афадель. — А как же Кирдан Корабел?

— Двое суток не ел, — машинально отозвался я. — Манвэ?

— Осанвэ, — огрызнулся король и победно возгласил: — Альквалондэ!

— Ладно, партия ваша, — решили мы с Афаделью, переглянувшись. Потом придумаем рифму, сходу не вышло.

— Раздевайтесь, — напомнил король кровожадно.

Мы послушно сняли сапоги.

— Слово-то было одно, — пояснила подруга.

— Оно длинное!

— Конечно, ваше величество, — обрадовалась Афадель и моментально скинула тунику. Взялась за штаны, но король наш Трандуил позорно сбежал. Опять мне за него отдуваться…

10
Эльфы, клюква, два ствола

Король наш Трандуил был малопредсказуем (по-моему, у людей и гномов это называется "с жиру бесится"), но назначения на сборы мы даже ожидать не могли. Нет, не военные! Если бы! Нас послали собирать клюкву.

Мы пошли собирать клюкву. Короля не смутило даже то, что был, мягко говоря, не сезон. Конечно, для Афадели все сезоны равны (некоторые равнее других), но я бы предпочел просто притаранить пару корзин и все.

Не тут-то было. Во-первых, клюква нынешнего года еще не поспела. А чтобы насобирать хотя бы кружку прошлогодней, по болоту нужно было ползать в буквальном смысле на брюхе.

Я взял с собой грабли, но это не помогло.

Конечно, болото мы (то есть я) прочесали и причесали, оно приобрело вид ухоженной лужайки… не забрел бы кто, а то так и останется тут клюкву удобрять. Но клюквы не было.

И еще я на них наступил.

Афадель, ясное дело, хохотала, а я подумал-подумал, да и оставил грабли возле королевских покоев. Ну вдруг?!

Забегая вперед, скажу, что грабли кто-то снарготрондил, но это было потом.

А пока мы лазали про дизайнерскому болоту и тихо ругались, я предложил набрать королю голубики — ее было хоть завались, но заказ был именно на клюкву.

— Давай ее покрасим! — предложила неутомимая на выдумки Афадель.

— А вкус?

— Скажем, в этом году в болоте газовых пузырей много, вот у клюквы вкус и изменился.

— А чем будем красить? — Я представил, как мы по одной ягодке красим голубику, и тяжело вздохнул.

— Вишневой наливкой, — сказала Афадель.

— Лучше сами ее выпьем!

— Ну так мы немножко покрасим, а остальное выпьем.

— Не покрасится, — вздохнул я. — А жаль…

— Ладно, просто так выпьем, — вздохнула она. — О! А давай скажем, что это Гэндальф чего-то не того скурил, колданул, клюква и поголубела…

— Ну, это вариант.

— Только тогда уж лучше Радагаст, — добавила Афадель.

— А если он в гости пожалует? Что ему стоит из леса в лес?

— Хвандир, ты как маленький! — фыркнула подруга. — Дадим ему мухомор, после этого он что угодно может нести, его все равно никто не слушает!

— Он сам кому хочешь мухомор даст! — возразил я. — И в глаз. Пойдем еще поищем лучше.

— Не, я на солнышке погреюсь, — Афадель плюхнулась в мох и зевнула. — А ты поищи.

Я пожал плечами и завернул за куст. Там росла клюква. Развесистая. То есть я сперва решил, что это клюква, но потом понял — куст какой-то незнакомый. Но ягоды — клюква один в один!

— Афадель, греби сюда! — позвал я. — Чего я нашел!

Она прискакала быстрее королевского оленя, осмотрела и обнюхала ягоды, одну даже лизнула и посмотрела на меня. Я кивнул, но пробормотал:

— А вдруг ядовитые?

— Для короля сойдет!

— Нам потом покушение пришьют.

— Кто, наследник? — фыркнула она, ловко обирая куст. — Да конечно. Сам попробует…

Я закинул ягоду в рот и прислушался к ощущениям. Клюква как клюква, сорт "вырви глаз".

Только Афадель почему-то начала истерически ржать, показывая на меня пальцем. Я и сам почувствовал неладное, поэтому бросил корзинку и схватился за уши. Уши мои могли посрамить любого осла… Как выдержали заклепки, ума не приложу!

— Что делать-то? — жалобно спросил я, посмотревшись в отполированный бронелифчик Афадели. — Я так домой не пойду! Мама не оценит, король тем более!

— Давай отрежем, — предложила она и подсунула мне корзинку. — Это с другого куста.

Я машинально кинул в рот еще одну ягодку, скривился… Уши вернулись в норму.

В человечью.

Я еще немного поэкспериментировал, пока не удалось вернуть уши в мою собственную норму. Афадель тоже развлекалась, в итоге мы оба набили оскомину, запили болотной водицей, заели голубикой и многозначительно переглянулись.

— Клюква, значит… — зловеще протянула подруга.

— Вот бы Саурону такую подсунуть, — мечтательно сказал я, поглаживая пострадавшие уши.

— У нас руки коротки, — фыркнула Афадель. — А вот если

король заказывал клюкву… будет ему клюква!

— Ты что делаешь? — нахмурился я: подруга оторвала кусок подола и раздирала на мелкие тряпочки.

— Кусты помечаю, — сказала она со зверской улыбкой и принялась привязывать тряпочки на ветки. — Чтобы не перепутать…

— А где который? — спросил я, потому что уже запутался.

— Где три лоскута — тот удлиняющий. Где один — укорачивающий, — пояснила она.

— Ага. А в корзинках где?

— Сейчас проверю, — сказала она и проверила. — Ага, вот это уменьшает… а это увеличивает.

Тут она посмотрела на меня со значением.

— Только уши, — с огорчением произнес я.

— Мне хватает, — сказала она гордо, выпячивая бронелифчик.

— А я бы не отказался увеличить.

— Пф-ф! — презрительно ответила она. — Тебе нужно, да.

— Спасибо, я знал, что ты меня ценишь. Королю только такого не скажи, обидится ведь.

— Почему короля должно обидеть упоминание размеров твоего…э-э-э… орудия? — изумилась она.

— Мое-то причем? — изумился я в ответ. — Я про его!

Мы переглянулись и начали хохотать.

Король наш Трандуил регулярно страдал от эротических поползновений Афадели. Правда, после достопамятного укура довести дело до конца ей еще ни разу не удалось, король был стоек и пуглив, но она не сдавалась. Я в нее верил.

Иногда даже воображал ее мачехой Леголаса. Было очень смешно!

Но упоминание достоинств Трандуила в негативном ключе свело бы эти поползновения на нет. Король был еще и обидчив, что правда, то правда.

Поэтому мы переглянулись еще раз и понесли добычу домой молча: и у болотных кочек есть уши.

— Так, эту корзинку прячем под кустом, — скомандовала Афадель, — а эту тащим королю.

Тут она плотоядно улыбнулась. Видимо, решила отомстить королю за все хорошее разом.

И мы потащили… Правда, недалеко. Я не сказал, но до болота с клюквой надо пройти Черный ручей, дубраву, за которой начинается настоящий классический урман… Вот за урманом в получасе ходьбы и лежит прекрасное клюквенное болото. И соответственно, в обратную сторону это все тоже нужно пройти.

Не успели мы как следует ввинтиться в дубраву, как услышали дикие вопли, от которых кровь стынет в жилах, как принято говорить. Не знаю, у нас ничего не стыло. Мы-то знаем, что это орки. Более или мене редкая дубрава их не так пугала, как урман или густая чащоба вокруг Трандуилова дворца. Поэтому большой отряд орков с дикими воинственными криками выскочил на нас из-за кустов. Но мы же эльфы! Поэтому я изо всех сил запустил в них корзинкой, и мы с Афаделью легко взлетели на ближайший столетний дуб.

Орки вопили и потрясали ятаганами. Ну не станут же они дуб ими рубить, подумал я, а стреляют они паршиво, да и поди попади в нас в этой зелени! Я с интересом принялся наблюдать, как орки потрошат добычу. Афадель, опасно свесившись с толстого сука, высматривала татуированную шкуру поинтереснее. Таксидермистка доморощенная! Один гость из Ривенделла как-то к ней зашел, она лампу зажгла, а там абажур из орочьей шкуры… Так бедняга удрал впереди собственного визга! Там вытутаировано что-то вроде "Смерть эльфам, власть оркам", если я правильно разобрал орочьи закорючки. Но они ничего, симпатично смотрятся…

Так вот, орки наткнулись на корзины, залопотали по-своему и решили перекусить. Мы-то никуда с дуба не денемся, а орлов поблизости я не наблюдал.

Вообще-то орки предпочитают шашлык, а не салатик, но чего не было, того не было. И они, демонстративно устроившись так, чтобы нам было лучше видно, с ужасающими гримасами стали пожирать горстями ягоды из корзинки (клюква, конечно, кислая).

Однако на халяву и уксус сладкий, так что орки, урча, пожирали собранный нами урожай. Мы с Афаделью, расположившись поудобнее, весело хохотали…

Орки пока не понимали, почему.

Нет, первый дорвавшийся до корзины, кажется, начал понимать. когда невзначай прикусил кусок собственного уха, свесившегося в результате нашего эксперимента ему до наплечника. Уши у него, кстати, тоже не стояли, просто собрат по несчастью!

Зато вот у одного молоденького орчонка (Афадель явно положила на него глаз, я ему заранее сочувствовал) уши стояли — только в путь! Длинные, упругие, красота!

Тем более орчонку клюквы не досталось — все сожрали его более старшие и достойнеы коллеги. Вернее, он подобрал одну или две ягодки, но каков был эффект!

Я заметил, что у орков уши вытягиваются гораздо длиннее, чем у нас. Самый главный (или наглый), жравший клюкву

горстями, мог бы уже обмотать их вокруг шеи вместо шарфа. Над ним хохотали двое его дружков. У тех были покороче, но все равно можно было закидывать их за спину или там связывать узлом на затылке, чтоб в шею не дуло.

Внизу вновь раздались крики ярости — теперь уже, как я понял, по поводу ушей. Орки явно поняли, откуда им привалило счастье. Пора было сматываться.

Но как? Вокруг дуба росли только чахлые березки, Афадель еще могла бы на такую перепрыгнуть, а меня бы дерево не выдержало, я все-таки довольно массивный для эльфа.

Конечно, я мог остаться и отвлекать внимание, постреливая время от времени, пока она сбегает за подмогой, но это уж чересчур… Вот, скажет король наш Трандуил, даже за клюквой послать нельзя, чтобы в неприятности не влипли! Афадель тоже это понимала, потому что глубоко задумалась. Потом ее озарило.

Она передала мне свой лук и колчан, скинула тунику и спрыгнула вниз, я даже окликнуть ее не успел.

Орки тоже обалдели при виде такого богатства: начищенный бронелифчик сиял на солнце, искрились топазы и переливались жемчуга…

И тогда Афадель его сняла.

Орки обалдели вторично. Афадель сияла всеми своими достоинствами как начищенная кольчуга на солнце, и слепила им глаза.

— Вали девку! — заорал кто-то, но его затоптали свои же. Они сделали шаг, еще шаг…

И тогда Афадель бросилась на них с победным кличем!

И схватила первое, что ей подвернулось под руку. А подвернулись ей уши вожака орков.

Другой рукой она сгребла того самого орчонка и с неженской силой увлекла обоих в кусты.

Я зевнул и устроился поудобнее, потому как знал — это надолго. Уйти от Афадели смог покамест только король наш Трандуил.

Но он же эльф с каким опытом! Да и король! Хотя я не был уверен, что вожак потребовался ей для чего обычно. И оказался прав: Афадель, чтобы он ей не мешал, затянула ему уши на шее с неженской силой. Вожак мог только хрипеть, а орчонок в ужасе отползал от моей подруги, явно опасаясь той же участи.

Но ему была уготована другая. Например, стать новым абажуром.

Слыша хрипы, вопли, стоны и обоняя свежую кровь, орки начали расползаться, придерживая уши. Один хотел было прихватить бронелифчик, но я воткнул стрелу ему в задницу.

Очень доходчивый метод, экономит море слов! Да все равно ему не на что этот бронелифчик надевать. Кто-то из орков сунулся было в кусты — на помощь своим, но горько пожалел об этом.

Кстати, кое у кого уши доросли уже до пояса. Видя это. я возблагодарил стихии, что ел умеренно. И что успел сунуть за пазуху немножко уменьшающих ягод. Подкину Элронду, когда в гости приедет, то-то будет номер! Поди решит, что на старости лет очеловечился.

Я между делом успел всадить пару-тройку стрел в особо рвущихся в кусты, но Афадель все не возвращалась. Сколько можно! Чем она там занята, в конце концов? Шкуру снять — это быстро, если умеючи, а что до всего прочего… до утра мне тут сидеть, что ли?

Я свистнул, но мне никто не ответил. Наверное, придется спуститься…

Честно говоря, спускаться я не хотел. Нет, орков я не боялся, у меня все-таки были два почти полных колчана стрел. Я опасался Афадели.

Когда она в таком угаре… я хотел сказать, в нервном состоянии, к ней не стоит приближаться на расстояние вытянутой руки.

Или даже на расстояние полета стрелы.

Поэтому я посвистел еще. Должна же она услышать, в конце концов!

Нет, бесполезно, свистеть настолько громко, чтобы перекрыть визг Афадели и орочий рык в две глотки, я не умел. А флейту я дома забыл, как нарочно. Осталось смириться, лечь на толстый сук и расслабиться, благо орки разбежались.

Чтобы совсем уж не расслабляться. я стал выкрикивать через равные промежутки времени "Афадель!". Может, хоть кто-нибудь услышит.

Еще через некоторое время я сорвал пару веток попышнее и принялся подскакивать на суку, размахивая ими и скандируя: "А-фа-дель! А-фа-дель!"

Сук сломался на восемнадцатом прыжке. Ну на то он и сук…

Я грациозно приземлился (у принца бы лучше не вышло, право слово), стряхнул с себя листья и осторожно заглянул за куст.

Афадель (вот ведь креативная девчонка!) примотала вожака его же ушами к дереву, чтобы не мешал, а сама в это время трахала орчонка. Да, это он так орал…

Я ему посочувствовал… издалека. Потом понял, что очередь вожака еще не настала, сочувственно покивал ему и пошел собирать клюкву. Афадель и сама справится…

Вместо клюквы я набрал земляники и с удовольствием съел. Собирал я в бронелифчик. так что там еще и осталось.

Когда я вернулся к дубу, орков уже не было. Судя по вспаханной земле, они взяли с места в карьер.

— На, — сказал я довольной сверх всякой меры Афадели, разлегшейся на травке сиськами кверху. — В левой чашке земляника, в правой вода.

— Ты настоящий друг, Хвандир, — прочавкала она сквозь землянику и отхлебнула воды. — Хорошо-то как! Давай почаще за клюквой ходить!

— Куда еще чаще, — проворчал я, стараясь не приближаться. — Лучше королю земляники наберем, чтобы он про клюкву не вспоминал…

— Давай, — согласилась Афадель. — А вон там вроде ежевичник, помнишь, мы в нем плутали? Пошли лучше ежевики наберем! После нее язык синий, так прикольно!

— Ежевика кислая, — возразил я. — После нее король снова вспомнит про клюкву.

— Спелая ежевика не кислая! — возмутилась Афадель. — Ну давай черники тогда… она еще смешнее!

— Давай соберем ассорти, — сдался я. И мы пошли по ягоды…

Когда мы принесли это ассорти королю нашему Трандуилу, он посмотрел на нас странно.

Ну а что такого? У Афадели синий язык, черничные губы и пятна малины на щеках. А у меня наоборот.

Главное, что мы все-таки донесли до него остатки. Невзирая ни на что.

— Я вас вроде бы за клюквой посылал, — грозно произнес король, когда мы поднесли ему полную ягод корзинку, бронелифчик и орочий шлем.

— Клюквы нет, и это еле достали, — уверила его Афадель.

— У нас что, продовольственный кризис? — нахмурился Трандуил. Афадель испустила восхищенный вздох, и король занервничал.

— Нет, мой король! — сказала она с обожанием. — У нас еще остался ваш лось!

— Он олень! — воскликнул король.

— Тем более! Оленина вкуснее…

— Я попрошу не касаться королевского оленя! Вы его даже пасти не можете… — Трандуил гневно фыркнул и взял пару земляничин. Между ними попалась ягодка, которую я мстительно подкинул в бронелифчик. — Где вы набрали такой кислятины?

— В вашем лесу, мой король! — пропела Афадель.

— Не сезон, — вставил я, следя, как король жует ягоды.

И тут я понял… Афадель улыбалась слишком уж радостно.

— Ну, мы пойдем, — сказал я, схватил ее под локоть и уволок прочь. — Ты ему чего-то подсунула?!

— Пару ягодок, — хихикнула она. — А что?

— Я тоже… — мрачно ответил я.

Взрыв хохота Афадели поднял с дерева стаю соек…

— А ты какие клал, уменьшающие или увеличивающие? — спросила она, отсмеявшись.

— Уменьшающие. Я вообще-то для Элронда припас, но парочку королю кинул… А ты?

— Понятия не имею, они перемешались, а с виду похожи. Завтра посмотрим! — и Афадель снова залилась радостным смехом.

После этого я понял, что пора проситься в дозор месяца так на два-три… Ну или с орками повоевать. Это занятие непыльное, за меня все сделает подруга.

Главное, от двора подальше.

— К гномам смотаться, что ли, — озабоченно произнесла Афадель. Она явно читала мои мысли. — А то у меня жемчужина вот-вот выпадет!

— Хорошо бы подальше, — предложил я. чутко прислушиваясь.

— К северным гномам, — согласилась она, оттирая тряпочкой бронелифчик от земляничного сока. Где-то во дворце буйствовал король наш Трандуил: мимо проскакал олень с выпученными глазами и сделал хвостом знак, мол, сматывайтесь. — Или вообще в Умбар. Нас звали, помнишь?

— Пойдем лучше Следопыта искать, — мечтательно предложила подруга. — Он такой… ничего.

— Да, Следопыта можно искать долго, — согласился я. — Только Леголаса не возьмем. А то нам еще и за него прилетит!

— А то найдем, — поправила она. — Ну, в путь?

И мы отправились в путь. Но это уже другая история.

11
Хорошее дело браком не назовут

— Тебе пора жениться, — сказала мне матушка безапелляционно, и я вздохнул. — Но сперва — остепениться!

— А разве это не равнозначные понятия? — попытался выкрутиться я, потому что знал: замуж за меня никто не пойдет. А я и не жаждал.

— Кто за тебя такого замуж пойдет? — спросила матушка грозно. — Вечно шляешься где-то с этой своей подружкой, ухо проколол, короля обидел…

— Я?! Да кто его обидит, дня не проживет! — воскликнул я, стремясь отвлечь внимание от уха.

— Ты! С этой твоей Афаделью! Кто рога оленю замерял, а потом корону владыки? И хихикал, мол, тому до оленя еще расти и расти!

— Я думал, никто не видел… — пробормотал я сконфуженно.

— И у стен есть уши, — грозно сказала матушка. — И глаза. У Трандуила.

— Что ж нас не наказали? Отправили бы на рубежи, от орков обороняться, — защищался я.

— Это для вас не наказание, а развлечение.

Я вздохнул: матушка видела меня насквозь, как и положено заботливой эльфийской матери.

— Ну вот по рубежам пошля… попутешествую, может, найду невесту, — бодро произнес я.

— Ты, чего доброго, орчанку приведешь, — отрезала она. — И не косись на волю, пора за тебя взяться, наконец! Не понимаю, куда смотрят родители Афадели… Чтобы девушка в ее возрасте бегала за орками в этом непотребном доспехе и приставала к королю!..

— Об этом-то ты откуда знаешь? — опешил я.

— Я все знаю, — буркнула матушка. — Эта твоя Афадель похвасталась матери, ну а мы с нею подруги…

— Видишь, как хорошо складывается, — обрадовался я. — Ты с ее матерью дружишь, а я с дочерью.

— Не заговаривай мне зубы, — отрезала матушка. — Через три дня будет праздник середины лета, пойдешь с девушками плясать обязательно.

— Э-э-э… за что девушкам-то такое? — попытался отвертеться я, но увы: если матушке что пришло в голову, вышибить это оттуда можно только Грондом. Но кто ж позволит

принести его в Лихолесье? Да никто, и прежде всего сам Саурон…

— Потерпят, — сказала она. — Тем более, прибудут гостьи из Золотого леса, тоже хотят присмотреть женихов получше.

Я выдохнул с облегчением: получше — это не ко мне.

— Приведи себя в порядок и сними это безобразие, — велела матушка, кивая на мое ухо. Я ужаснулся.

— Но мама, это стильно, правда! Посмотри на Афадель, у нее оба уха изукрашены! Ей все завидуют…

— Ничего-ничего, — злорадно произнесла она. — У нее тоже разговор с родителями. Ее заставят одеться прилично и снять этот… доспех.

— Если прилюдно, то это… хорошая идея, — заметил я. — Но зачем?

— Так ведь женихи тоже приедут!

Еще женихов нам не хватало. Чего доброго, кто-нибудь был в дозоре и вспомнит, как мы вниз по Андуину с песнями… Но с матушкой не поспоришь.

Я аккуратно замаскировал крамольное ухо венком из свежей зелени и решил, что сойдет. По крайней мере, я не посрамлю традиций. А вот Афадели придется хуже. Хотя не факт, не факт. Я вообще не был уверен, что у нее есть одежда помимо доспехов. А с нее станется прийти в том, что есть, минус доспех.

Мы встретились с нею за околицей дворца и грустно переглянулись.

— Тебя тоже, да? — спросила она.

— Угу… — ответил я. За много лет совместных дежурств мы выучились понимать друг друга без слов, как старые супруги. И тут меня осенило. — Слушай, Афадель! А давай поженимся!

— Ты сдурел, что ли? — предсказуемо отреагировала она. — На кой мне такой муж?

Мне такая жена тоже была ни к чему, ну разве что потрахаться, это она задорно делает, поэтому я развил мысль:

— Да понарошку! Если мне будут навязывать какую-нибудь златолесскую девицу, а тебе жениха, мы прикинемся, что у нас уже кто-то есть. Дошло?

— Не пройдет. Мамы наши дружат, нас хорошо знают, вмиг раскусят, — печально сказала она. — Хотя идея богатая.

— Попробовать-то можно. Тем более что потенциальные супруги о наших пристрастиях не знают…

Приняв решение, мы повеселели и на радостях отправились к знакомому оврагу, благо праздничное платье Афадель пока что красовалось дома, как и мой парадный камзол. Неизвестно еще, когда доведется поискать что-то ценное у пауков, поэтому упускать случай не следовало. Да и развлечение какое-никакое.

— Перед смертью не надышишься, — мрачно резюмировала подруга, когда мы, все в пыли и паутине, выползли из оврага и уселись на его краю отдохнуть в тени развесистой конопли.

Я посмотрел на Афадель. Ее лоб слева направо пересекала царапина. Она глянула в ответ на меня и фыркнула, потом достала зеркальце и внимательно изучила в нем свою физиономию, потом подсунула мне. Моя царапина пересекала лоб справа налево.

— Сразу видно будущих супругов, — хихикнула она.

— Ты имеешь в виду, это мы так лбами столкнулись? — осведомился я, надвигая венок поглубже. Вид у меня при этом сделался совершенно идиотский, я решил так дальше и ходить. — Слушай, а пошли на болото? Ягодок наберем…

И я подмигнул.

— А что, ривенделльские тоже приедут? — оживилась Афадель. — Пошли! Даже если Элронда не будет, все равно приколемся…

— Главное, самим не нажраться, — рассудительно сказал я. — А если нажраться, в смысле напиться, то не забыть, в каком кармане какие ягоды.

Словом, мы решили демонстрировать свои лучшие качества.

Но забыли, что Трандуил тоже умеет демонстрировать свои лучшие качества. И что он твердо решил сплавить как минимум одного из нас под коршунье крылышко владычицы Галадриэль.

Ягод мы принесли с собой вдоволь, поскольку не забыли прихватить два плетеных туеса. До поры до времени мы припрятали их в холодке, надеясь, что они пролежат там в целости и сохранности до нужной минуты.

Конечно, дома я выслушал немало упреков относительно своего лица, прически, ушей, костюма и даже веночка. Правда, саму идею матушка одобрила и велела венок сплести погуще — чтобы лориэнские девушки на выданье не сразу разглядели, какой я идиот, как она пояснила. Я утешал себя тем, что это продлится недолго — праздник длился всего три дня, и что Афадели всяко приходится хуже.

Увидев подругу в праздничном наряде, я не начал ржать в голос только потому, что рядом стояли наши матушки, и оба мы могли огрести. Судя по всему, Афадель тоже душил смех. Впрочем, она все равно была одета круче любой девушки на празднестве: она ухитрилась отстоять свой бронелифчик, заменила топазы брильянтами (теми самыми, что мы утаили от короля нашего Трандуила), напялила его поверх платья и теперь в прямом смысле слова блистала, затмевая даже блеск парадной короны.

Мне жал подмышками камзол (как сказала матушка, я разожрался без дела, и она представляет, как мы дежурим — на травке валяемся, сама такой была… ой, этого она не говорила!), было жарко и очень хотелось к паукам. Или вниз по Андуину.

На меня кровожадно смотрели лихолесские девицы. Афадели-то проще, она не растеряется, а я вот немного стушевался…

И в целях безопасности немного сдвинул венок вниз, на лицо. Правда, я теперь видел только ноги окружающих примерно по пояс, но я и не стремился кого-то разглядеть. Да и сам был в домике: поди меня рассмотри, там не то что царапину, там воротник почти не видно.

Тем более что мы, как все холостые и незамужние, скромно держались в стороне, уступив центр поляны перед дворцом солидным женатым эльфам.

Судя по ногам, там уже собрались все главные действующие лица: мантия короля нашего Трандуила, подбитая соболями ради праздника, шелковый плащ Леголаса (он, как наследник, тоже вынужден был торчать среди солидных и женатых и очень страдал), одежды с меховой опушкой советников короля (это в июле-то!) и прочих почтенных лиц. Ждали лориэнцев.

И вот, наконец, появился длинный подол Владычицы, расшитый жемчугом и горным хрусталем (скромненько и со вкусом, не то что у Афадели) и с десяток подолов покороче — ее придворных дам. Имелись также мужские ноги в изрядном количестве: не могла же Владычица путешествовать без охраны!

Афадель подергала меня за рукав.

— Поделись веночком, — прошипела она. — А то вдруг она меня узнает… Ну хоть пару ромашек выдерни, у тебя стог на голове, а мне прикрыться надо!

— Волосы распусти и вперед перекинь, — посоветовал я, держась за венок, но пару ромашек ей все же выдал. — Да и вообще, от твоих брильянтов блеск такой, что на лицо вообще никто не посмотрит.

— Ах так! — обиделась Афадель, распустила волосы, закрыв половину лица, воткнула ромашки за ухо и хищно огляделась в поисках жертвы.

Жертва, конечно, тут же нашлась: ею стал, разумеется, Леголас, неосторожно отошедший от папы на пару шагов. Мне почему-то показалось, что он планировал отойти не на два, а на двести шагов, потом еще на двести, но не срослось: с пути истинного его свернула твердая рука Афадели, накачанная в процессе обороны рубежей. Она быстро прикрылась принцем, и я молча ей позавидовал. Трандуил покосился, но ничего не сказал

нам: он обратился к высоким гостям с приветствием. Гости ответили тоже приветствием, а поскольку их было в два раза больше (я имею в виду, что владычица прибыла с супругом), то и тянулось оно в два раза дольше, потом вступили советники с обеих сторон… Я опасался единственно того, что венок мой увянет, и мне придется или его снять и тем самым демаскироваться, или стать всеобщим посмешищем. А у меня и так ухо не стоит!

Но тут внезапно голове стало свежо, а глазам светло. Я заморгал от неожиданности и оглянулся. Ну конечно! Проклятый королевский олень меланхолично жевал мой венок, устав от речей и проголодавшись.

Король наш умеет быть находчивым.

— Кажется, наши речи утомили даже моего верного соратника, — сказал он с чарующей улыбкой. — Прошу к столу — освежиться и подкрепиться.

Афадель гнусно усмехнулась и вернула мне ромашки, чтобы я мог замаскировать проклятое ухо с пирсингом. Я мысленно ей позавидовал: я бы тоже хотел кем-нибудь прикрыться, и ведь договорились же — друг другом, но эта предательница накинулась на принца…

За столом было скучно. Владыки вели мудрые речи… вернее, Трандуил с Галадриэлью вели, а Келеборн втихаря от жены надирался нашим отменным вином. "Скоро бочки катать пойдем", — отметил я с удовлетворением.

И тут с некоторым опозданием заявился владыка Элронд, и Афадель встрепенулась. Глаза ее загорелись хищным огнем.

Я быстро сунул ей ромашки, надеясь немного отвлечь, но она уже не видела никого, кроме Полуэльфа.

С другой стороны меня пихала в бок матушка, чтобы я меньше ел (разнесло!) и меньше пил (невесты! Из Лориэна!), с третьей меня задумчиво разглядывал незнакомый лориэнец с длинными светлыми волосами.

Мне же нужно было срочно переговорить с Афаделью насчет ягод. Я слегка уже запамятовал, где какие ягоды были припрятаны (разумеется, от стресса), да и вообще нам не следовало привлекать к себе внимание. Поэтому я всячески пытался обратить на себя ее внимание. Куда там! Сбоку от нее демонстрировал хорошие манеры Леголас, а напротив как раз усадили Элронда. Их разделяли только букет и пара бутылок местного вина.

Нет, я ее понимал: принц есть принц, его достоинства ей хорошо известны (недостатки тоже), а Владыка — так вообще королевская добыча, тем более что он вдовец. Правда, я

подозревал, что дочка Элронда за папу повыдергает Афадели волосы. С третьей стороны, мы всегда могли сказать, что видели Следопыта. Непонятная какая-то к нему тяга что у Леголаса, что у Арвен. Нет бы друг с другом общались, был бы династический союз, ан подавай им этого небритого!

Я с трудом выполз из-за стола, многократно извинившись перед всеми, кому оттоптал ноги и горностаевые подолы и отправился подышать. И тут оказалось, что давешний лориэнец следует за мной… А Афадели рядом не было!

Я покрепче сжал в руке ромашки — другого оружия не было — и ускорил шаг. Но разве от эльфа отделаешься!

— Эй, погоди! — и он ухватил меня за плечо.

Я остановился, обреченно ожидая начала разборок. Между Лихолесьем и Лориэном шли традиционные терки, причина которых терялась в сумраке предначальных веков, ну или как-то там. А сейчас лориэнец, набравшись нашего вина, явно был готов вспомнить о славной традиции. Самое обидное, что никто не поверит, что это не я начал.

— Погоди, — продолжал он. — Мне лицо твое знакомо.

— Не имею чести знать, — твердо ответил я.

— А я тебя знаю! Ты со своей красавицей на лодке, помнишь?

Ну еще бы я не помнил!

— Во-первых, она не моя красавица, — осторожно начал я, сам забыв о собственном плане, но спохватился и добавил: — Она покамест совершенно свободна, если ты об этом. И советую поторопиться, если у тебя есть на нее виды, она девушка популярная… Во-вторых, это мы берега патрулировали, а весло уронили. Так и плыли по течению, пока в камышах не застряли. Знаешь, как нам за весло влетело?

— Вторым веслом? — спросил он совершенно серьезно, а я понял, что слишком много болтаю.

— Можно и так выразиться. Так что ты хотел?

Тут я подумал, что в случае чего смогу отбиваться только ромашками по лицу. А то если я ему в грызло дам, изуродую ведь. Я на голову выше и значительно массивнее, да и на орках натренировался. А дипломатический конфликт нам не нужен!

Лориэнец гнусно усмехнулся.

— Ну чего я от тебя хотеть могу? Установления дипломатических контактов, ясен мэллорн.

— Это пожалуйста, — ответил я с облегчением. — У нас всем наливают.

— Да ну, чего я за столом не видел? Лося вашего обсудят, потом Саурона, потом споют…

— У нас олень, — возразил я.

— Ничего страшного, — отмахнулся лориэнец. — Мы оленей всяких видали. Элронд-то с собой притащил личного менестреля. А потом…

— А потом танцы, — убедительно сказал я. — Мне сейчас Афадель надо найти, срочно, дело жизни и смерти, так что давай попозже выпьем, а?

К моему облегчению, он отстал. А я сломя голову кинулся к месту, где мы держали ягоды. И увидел, что там ничего нет, кроме чуть примятой травы…

И вот тут-то меня пробрала дрожь. Если кто-то из обслуги нашел корзинки и решил, что это приготовлено к столу, то нам с Афаделью нужно бежать… ну я не знаю, в Морию, что ли, к балрогу, он не так страшен, как король наш Трандуил в гневе. Особенно если у него самого уши отрастут: он гордится их формой, я точно знаю, он сам сказал, когда мы укурились.

Крадучись я вернулся к столу. К счастью, большинство присутствующих уже набралось дармового вина: Келеборн покачивался на своем стуле, мирно улыбаясь, Галадриэль то и дело убирала прядь волос за ухо и хихикала… не замечая, что ухо заметно удлинилось. Король наш Трандуил тоже был не дурак выпить, но он к этому пойлу привык, поэтому на эволюции ушей Владычицы взирал с некоторым недоумением. Потом, видимо, решил, что ему уже хватит, и отставил кубок. И закусил. Ягодкой.

Я в ужасе выдернул Афадель из-за стола, и мы задали стрекача: по выражению моего лица она поняла, что случилось страшное.

— Орки! — крикнул я на всякий случай, и к нам зачем-то присоединился тот лориэнец. И Леголас. И еще эльфов пятнадцать.

И все мы понеслись по лесу в полной темноте, не разбирая дороги. Первым бежал олень.

Я так думаю, ему тоже перепала ягодка-другая, только у него удлинились не уши, а рога. У владык рога не удлинились по причине их отсутствия. Что ж, будем знать. Но пока это знание мало чем помогало. Захватывающий бег в темноте закончился на краю болота, очень знакомого нам болота… У меня блеснула надежда.

— Половина туда, половина — сюда, — крикнул я громко, — возьмем их в кольцо.

Пятнадцать эльфов и один Леголас тоже неплохо угостились на пиру, хотя ночной ветерок отчасти выдул из голов хмель, поэтому не стали рассуждать и с двух сторон взяли болото в клещи. По крайней мере, я так думаю, потому что мы-то никуда не побежали, а быстро направились к хорошо знакомому месту, за

ягодами.

Представьте себе наш ужас, когда выяснилось, что кусты пусты! Кто-то ощипал их до нас, судя по следам — какой-то козел, копытное то есть. Осталось всего по несколько ягодок, и те неспелые…

— Афадель, — строго сказал я. — Ты отвечаешь за увеличивающие, а я за уменьшающие. Чтобы больше не путать, ясно? Если что, мы будем спасителями Владык и так далее.

— Ясно, — кивнула она. Когда нужно, Афадель умеет собирать волю в кулак. Даже когда выпивши.

И мы принялись ощипывать проклятые ягоды. Главное теперь кусты не перепутать….

Долго собирать урожай нам не пришлось. Набралась всего-то пара горстей, но я рассчитывал, что всем понемножку хватит.

— А что это вы тут делаете? — внезапно спросил лориэнец, выступая из куста. Я чуть не растерял драгоценные ягоды, но ловко подхватил их и быстро высыпал в карман. Афадель ухитрилась сунуть горсть ягод себе за корсаж.

— Контролируем границу, — пояснил я, запоздало вспомнив о венке. Можно было бы нарвать и сплести новый, уж всяких трав вокруг хватало. — А ты чего? Где все?

— Где-то пьют… А ты точно уверен, что видел орков?

— Ну что-то такое оркоообразное было точно, — уверенно произнес я.

Лориэнец задумался.

— Весело у вас, — сказал он наконец. — У нас в основном тишь да гладь, а все благодаря завесе Галадриэли — слышал про такую? А принц ваш шустро носится, прямо залюбуешься.

Мы переглянулись.

— Ну так ты пойди, еще полюбуйся, — сказала Афадель. Жизни наши висели на волоске, и она готова была поделиться принцем даже с лориенцем.

— Понимаю, — кивнул он, когда мы взялись за руки. — Не буду мешать!

Он исчез в сумеречном подлеске, а мы с облегчением выдохнули.

— Слушай, они, конечно, все пьяные уже, — озабоченно сказала Афадель, — но такую вот мятую кислятину, — она заглянула себе за корсаж, — жрать все равно не будут.

Я не выдержал и заржал на все болото, за что огреб подзатыльник.

— Давай сварим морсик, — предложил я. — Им с бодуна в самый раз будет.

— Да тут и на стакан не наберется!

— А мы малины добавим! Или черники, тут ягод — завались!

Главное — не перепутать, где что.

Мы собрали еще ягод. Малины там, земляники, кажется, попало даже немного волчьего лыка. Но в общем букете было незаметно.

Домой мы добирались не торопясь, рассудив, что пусть лучше погоней за орками хвастается Леголас, а не мы. У нас была другая миссия.

И еще я очень не хотел попасться на глаза матушке. Оставалась слабая надежда, что она или увлечется танцами, или уйдет домой отдыхать, поскольку беспутный сын все равно выпал из поля зрения.

Ни та, ни другая надежда не оправдались. Матушка была на месте, король наш Трандуил был на месте, гости были на своих местах, ну и, конечно, Леголас с компанией. Такое впечатление, что никто не уходил и даже танцевать не собирался. Вино лилось рекой, поэтому на уши внимания не обращали. Ну это до поры до времени.

Мы воровато переглянулись и шмыгнули на кухню.

— Как-то скучно они гуляют, — ворчала Афадель, раздувая огонь и выбирая кастрюлю посимпатичнее. — Нет бы песни, пляски…

Тут в пиршественной зале как раз затянули "Гулял по Хараду мумак молодой", мы синхронно вздрогнули и принялись за приготовление антипохпельного и антиушного морсика. Надеюсь, никто не отравится…

Тогда матушки зададут нам перца! Я задумался над спряжением этого глагола в будущем времени множественного лица и едва не прозевал момент, когда зелье чуть не сбежало. За что и огреб подзатыльник от подруги. Одинокий дубовый листок плавно спланировал в дымящееся варево.

— Не испортит, — лаконично сказала она, проследив за ним взглядом.

— Теперь сколько ждать, пока остынет, — вздохнул я, опасаясь, что собрание протрезвеет быстрее, чем мы сумеем влить в них ухоуменьшающее средство.

— Иди на ледник за льдом, — решила Афадель. — Бери кусок побольше, чтоб быстрее остыло.

Я поплелся на ледник, спрятанный в самой глубине королевских подвалов. Афадель могла бы сбегать и сама, но ее праздничный наряд с пышнючей юбкой не очень вязался с подземельями. Насколько же проще с доспехами…

Когда я вернулся со льдом, на кухне нарисовалась сама владычица.

— А что это вы тут делаете? — добрым пьяным голосом спросила она.

— Понимаете, леди Галадриэль, — начал объяснять я, закрывая собой Афадель, старательно размешивающую лед в кастрюле с варевом, — у нас есть традиция. Каждый раз, когда у короля нашего Трандуила большой пир, он заканчивается чашей кисленького морса. Вот мы его и варим.

— Интересно, — пробормотала она и склонилась над кастрюлей. Одно из ее ушей свесилось так низко, что чуть не угодило в жидкость.

Я в ужасе замахал Афадели руками, потому что это было ее зелье, и Владычице явно не стоило его дегустировать.

— Простите, госпожа, оно еще не остыло, а в горячем виде нельзя различить всех нот малины, ежевики… что мы там еще собрали, Хвандир?

— Легкого аромата мяты и едва заметного вяжущего привкуса дубового листа, — подхватил я.

Владычица заслушалась. Афадель осторожно теснила ее к выходу.

— Сейчас мы остудим напиток, и вы сможете попробовать его… с толченым льдом, — нашлась Афадель. — Это коктейль такой. Очень модно в наших краях!

Галадриэль в дверях обернулась и послала нам воздушный поцелуй. Мы дружески осклабились в ответ.

— Пронесло, — сообщила мне Афадель, вытирая пот со лба. Мы посмотрели на кастрюли, в которых сейчас охлаждалась наша судьба.

— А где чье? — спросил я.

— Вон с листком дуба — твое, — не слишком уверенно сказала она.

— А волчье лыко мы в обе кастрюли клали, не помнишь?

— Я точно знаю, что вот это, с камышом — для удлинения, — твердо сказала Афадель. — Я все подряд гребла…

— Значит, для уменьшения — вот эта.

Не успел я произнести это, на кухне нарисовался наш знакомый лориэнец.

— Компот? — деловито спросил он и, подойдя к кастрюле Афадели, подцепил камышинку и потянул через нее ягодное варево.

— Уйди! — Афадель замахнулась на него половником.

— Да не бойся, на нем и проверим, — доброжелательно сказал я. В крайнем случае я всегда мог дать ему в тыкву, а потом списать потерю им памяти на столкновение с косяком в пьяном виде. Или с оленем, он нас поддержит, я думаю.

Мы проверили, пометили кастрюли условными знаками, чтобы наверняка, понаделали коктейля и пошли обносить им гостей. Каждый своих. В смысле, ушастых и наоборот. Матушка благосклонно улыбнулась мне, когда я подал бокал королю, а Афадель — Владычице. Слава Эру, даже в разбавленном льдом и вареном виде ягоды работали, и уши начали приходить в нормальное состояние…

Трандуил выпил свой бокал и неожиданно посмотрел на меня совершенно трезвыми глазами.

— Вот и от тебя есть польза. Пожалуй, я назначу тебя варщиком компота и составителем морсов на важных мероприятиях. Честно скажу, просили тебя в Лориэн отдать, но не могу.

Я похолодел, кажется, даже на ушах у меня выступил иней при мысли, что если бы не компот, ехал бы я через пару дней в Лориэн… А король продолжал:

— Жаль, конечно, упускать невесту, но мы тебе подыщем девушку в своих рядах…

Я похолодел вторично. Оказывается, в Лориэне меня ждала невеста!

— Рад… рад служить, — пробубнил я. Шок был настолько силен, что я готов был уже сам выпить афадельевого зелья, чтобы отвадить всех невест скопом. Но — повезло!

— Зато у нас тут невест достаточно, вот и к напарнице твоей наконец посватались, — добавил король, и Афадель вылила коктейль на Владыку Элронда. Тот, правда, уже пел в обнимку с Келеборном что-то вроде "Ой, балрог-балрог, не пожги меня…" и ничего не заметил.

— Кто?! — спросила она страшным шепотом. Так, что деревья слегка пригнулись. Владыки это явно заметили, потому что перешли на "Ой, то не ветер, то не ветер…"

— Алфирин, — сказал Трандуил, — вот тот юноша, что беседует с сыном нашим Леголасом.

— Так он на него запал, — выдала Афадель. — Еще б не беседовать. Сейчас бочку допьют — и в кусты. А сватовство — это для маскировки, точно вам говорю, ваше величество! Вот Хвандир свидетель, он тоже видел, как этот Алфирин за Леголасом бегал.

За что люблю подругу, так это за находчивость! И не соврала ведь, действительно бегал, я свидетель.

Волосы у короля встали дыбом. Вместе с короной.

Хотя, возможно, это наше зелье оказало роковое влияние на корону.

— Леголас! — свистящим шепотом произнес король. — Ко мне!

Леголас неохотно подошел. Трандуил посмотрел на него сурово.

— Сын мой! — сказал он торжественно. — Даже в дни радости мы не должны забывать о долге. Посему ты немедленно отправляешься искать Следопыта, он мне срочно нужен.

— Следо…

— Пыт! Бегом! — скомандовал король. Леголас исчез, опасаясь, что отец передумает. Алфирин в недоумении наблюдал за всей этой сценой. Я пожалел, что не осталось удлиняющего зелья — ему было бы в самый раз.

— Я за извращенца замуж не пойду, — твердо сказала Афадель, скрестив руки на бронелифчике. — Вдруг он от меня налево бегать будет? Точно, от Лориэна к нам как раз налево! А тут Леголас!

Король поместил корону на законное место и сказал:

— Ладно, погуляй пока. На рубежах.

— С орками! — обрадовалась она, и мы удрали, пока король не передумал.

— Знаешь, — сказала мне Афадель, обмахиваясь подолом. — Давай черенков от этих кустов наберем и посадим в укромном месте. Очень уж растение полезное, а там, мало ли, затопчут или вон съест кто-нибудь.

— Давай, — согласился я. В кои-то веки она предложила мирную инициативу!

И она послала меня за лопатой. А я пошел.

12
Дорогая пропажа

Однажды случилось страшное. Пропал русалокот. Каким образом он умудрился исчезнуть из королевской сокровищницы, не знал никто.

Взять на подержание его мог исключительно король наш Трандуил. А он не брал, по глазам было видно. Следовательно, сокровищницу ограбили, а русалокота взяли для отвода глаз.

Мы сунулись было к королю с просьбой выдать список похищенного, но он так на нас посмотрел… И заявил, что это не нашего ума дело. Нашего на такое не хватит. Но русалокота чтоб нашли и вернули!

От короля мы вышли мрачными.

— Кому могло понадобиться это страхоидолище? — спросила Афадель.

— Владельцу, — откликнулся я. — Или гномам. Может, следопыту. Или даже оркам… Просто чтоб насолить эльфам.

— Орки бы такой мелочью не обошлись, — сказала она. — Они бы все вынесли. В русалокоте. А вот следопыт мог, вдруг там компромат вырезан?

— А мы до сих пор не научились читать феаноровы руны, — с досадой ответил я.

— Леголас умеет, — возразила мне подруга. — Пошли спросим, вдруг он читал?

Как выяснилось, Леголас феаноровы руны учит всего лишь второй век, поэтому смог разобрать только смайлик. И вообще, не думает, что русалокота могли взять орки, которые читать не умеют от слова совсем. А вот версия со Следопытом вызвала у него огромный интерес.

— Давайте его поищем! — загорелся он.

— Поищи, — согласились мы. — У тебя же задание от короля, а ты прохлаждаешься!

Леголас довольно кивнул и испарился. Мы задумались снова.

— Давай мыслить логически, — сказала Афадель. — Кому вообще мог понадобиться этот русалокот? Ясно: или Следопыту, чтобы уничтожить компромат, или…

— Королю, — продолжил я, — чтобы уничтожить компромат.

Мы посмотрели друг на друга со значением.

— Все дороги ведут к Трандуилу, — подытожил я. — Но так просто он нам ничего не расскажет. Поэтому давай за ним проследим!

— Как ты себе это представляешь? — спросила Афадель озадаченно. — Нас к нему и близко не подпустят.

— Тебя не пустят, — согласился я и заткнул веточку за ухо. Я знал, что это выглядит героически. — А я смогу подобраться незамеченным. Ну, когда он купаться пойдет. Олень прикроет, договорись с ним!

— Нет уж, когда пойдет купаться, я сама схожу! — рассердилась она. — А ты прикрывай.

— Это неудобно, ты же дама, — возразил я и заткнул веточку за второе ухо. — Никто не поверит, что ты не подглядывала.

— А ты сейчас на короля похож, — сказала Афадель и добавила к веточкам немного ромашек. Я приосанился и задрал нос, как король наш Трандуил. Мне только шлейфа и оленя не хватало.

— Так что пойду я, — заключил я. — А когда я все разузнаю…

— Тебя посадят в подземелье, — закончила она. — Если Трандуил не убьет на месте.

— Он еще никого не убил за то, что купались в одной реке с ним.

— А кто с ним купался? — жадно спросила она.

— Телохранители и олень, — ответил я весомо, и Афадель сказала: "Фу!"

Ну, подглядывать-то она будет, тут к Галадриэли не ходи, но хоть сама не полезет… я надеюсь. Впрочем, мне что, я закаленный, а вот телохранители могут и не пережить. Я уж молчу о короле.

И олене.

Впрочем, он-то всегда может поднять на рога кого угодно.

Потом я подумал о маме… о короле… о телохранителях и снова о маме и о ее идее меня женить. И пожалел, что выступил с инициативой. Но было поздно.

— Пошли, — сказал я сурово. — Поищем, где он купается.

— Чего искать, — сказала Афадель, — во-он за тем ивняком. Сто раз видела.

Судя по выражению ее лица, подглядывала за королем она не сто раз. И даже не двести. Бедный Трандуил!

— Тогда я пошел, — мужественно сказал я, скинул тунику, сапоги и штаны и шагнул в воду.

— Лук-то оставь, — произнесла Афадель. — Тетиву намочишь.

Я оставил лук, куртку, сапоги и тунику. И поплыл под прикрытием тростника. В зубах я держал полую тростинку, которая позволяла мне дышать под водой.

Трандуил наблюдал за подплытием тростинки с явным раздражением. Мокрый, он казался еще более сердитым. Когда я подплыл поближе, он метнулся ко мне и быстро закрыл дырочку ладонью. Я пулей выскочил на поверхность.

— И что ты здесь делаешь? — мрачно спросил король, разглядывая меня.

— Ищу пропажу! — ответил я бойко, хотя на душе скребли лесные кошки. — Русалокот же имеет отношение к воде? Вот мы и подумали…

— Что вы подумали? — прошипел король, велев телохранителям вернуться в камыши и снова прикинуться кочками. — Искупаться нельзя без свидетелей!

Я сделал брови домиком и, видимо, преуспел, потому что Трандуил отшатнулся, посмотрел на свое отражение в воде, на меня, снова на отражение… И выдохнул с облегчением. Я тоже. У меня не такие брови. У Леголаса тоже. Ой, я этого не говорил…

— Что он где-нибудь на реке, — невинно ответил я. — Плывет себе, качается. А компромат так и сверкает на пузе, так и сверкает.

— Нет там никакого компромата! — возмутился Трандуил, подумал и добавил: — Кроме смайлика. Какое легкомыслие!

В воде его волосы колыхались вроде водорослей и наводили на неприличные мысли. Например, что скоро обед.

— А что есть? — я навострил уши. — В смысле нам было бы легче раскрыть дело, если бы мы знали, о чем там написано.

— Вот выучите феаноровы письмена, найдете русалокота, тогда и узнаете, — издевательски произнес Трандуил и встал во весь рост на отмели. Я завистливо вздохнул. В камышах вздохнула Афадель.

Олень заслонил короля своим телом и отряхнулся.

Афадель вздохнула еще раз, более протяжно, и Трандуил нахмурился.

— Выпь, что ли, там завелась? — пробормотал он.

— Сами вы выпь! — оскорбилась подруга, выбравшись на вольный воздух. — Выпить не откажетесь, в смысле…

И протянула королю фляжку.

Король не отказался. Он выдул фляжку одним глотком и вернул хозяйке уже пустой.

— Что-то я не вижу результатов вашей деятельности, — сказал он ехидно. — Уж заполдень, а вы все на месте топчетесь. Пошли бы куда, поискали, все-таки культурное достояние…

— Зачем нам куда-то идти? — удивилась Афадель, вытряхнув на ладонь последние капли и эротично их слизав. — Все культурное достояние Лихолесья прямо перед нами!

Трандуил приготовился сказать что-то язвительное, но Афадель коварно обошла его и обняла за шею оленя.

Фляжку она не простила бы даже мне.

— Утрачен русалокот с феаноровыми письменами и смайликом, — напомнил король терпеливо. — Вы должны его найти. Все. Если может найти прямо тут, можете никуда не ходить.

— А давайте я нового вырежу, по памяти, — подал я голос. — А вы письмена вырежете и смайлик.

— Точно! — обрадовалась Афадель. — Иди сюда, Хвандир… Смотрите, ваше величество, я его как ни терла, все равно следы остались, можно восстановить!

Разложенный на бережку, под пристальным взглядом короля, оленя и телохранителей, я чувствовал себя совершенно обнаженным. Стоп. Я и был совершенно обнаженным!

— Где мои штаны? — громким шепотом спросил я. — И лук?

Афадель отмахнулась, а в глазах Трандуила загорелись веселые огоньки.

— Как? — притворно удивился он. — Ты потерял табельное оружие?

— Никак нет, передал на сохранение боевому товарищу, то есть Афадели, — отбарабанил я. — Отдай лук, Афадель! И штаны.

Взгляд короля мне не нравился. Он наводил на определенные мысли.

Например, на мысль, что я могу прочно засесть в подземелье. О них ходили такие слухи, что…

Не додумав, я повторил свой приказ.

— Щас, — ответила подруга. И тут же принялась снимать с себя штаны.

— Что ты делаешь? — наш с королем слаженный крик прокатился по реке и замер в дальних кустах.

— Отдаю Хвандиру штаны, — пожала она плечами. — Для товарища не жалко.

И она стянула с себя штаны, а сама прижалась к королю — якобы чтобы спрятать от всех свои прелести.

Можно подумать, их никто не видел. Король страдальчески вздохнул, сорвал лист кувшинки и прилепил ей на причинное место, чтобы охладить, видимо, а я влез в афаделевы штаны: с ее задницей в них двух меня запихнуть можно.

— Ну вот, половина дела сделана, — сказал я бодро, чувствуя себя куда увереннее в штанах. — Так что там с русалокотом?

— Уплыл, — мрачно ответил король, тоже прикрывшись кувшинкой. Цветком. — Вернуться не обещал.

— Так нам снова вниз по Андуину?! — обрадовалась

Афадель.

— Вам… вам… да, пожалуй, что и вниз… И чем ниже, тем лучше, — сказал Трандуил. — И вот что: по дороге там Леголаса посмотрите, как он там, что, где, нашел ли Следопыта.

— К умбарцам заглянем, — сказала Афадель довольно, — ну или в Мордор. Главное, Лориен миновать. Ваше величество, а Леголаса со Следопытом к вам прислать или пусть на воле бегают?

— Не бегают, а выполняют задание государственной важности, — значительно произнес король. — Как и вы, кстати. Главное — верните кота.

И мы пошли возвращать кота.

— Сперва к умбарцам, — сказала Афадель, найдя мои штаны, не поместившись в них и поменяв на свои.

Я ничего против пиратов не имел. Там отлично кормили и поили и, думаю, надолго запомнили Афадель.

Но вот русалокот… чую, придется вырезать нового и отлавливать Леголаса, чтобы начертал письмена. Или сразу следопыта…

— А может, умбарцы тоже такое знают, — прочитала мои мысли Афадель. — Нарисуем чего-нибудь!

Когда мы отплывали, у меня закралась мысль, что король все это провернул нарочно, чтобы удалить нас хотя бы временно, и пожертвовал ради этого ценной вещью. Но увы, заставить Афадель отказаться от пиратов было нереально, не стоило и начинать. Т мы отплыли.

Тем более что я помнил, у пиратского капитана был точно такой же кот. Если мы сможем обменять его хоть на что-нибудь (а я прихватил пару алмазов, не поместившихся на бронелифчике Афадели), то останется только перекрасить. И выучить феаноровы письмена. Словом, работой на ближайшие лет сто мы были обеспечены.

Я же говорил, что король наш Трандуил — голова!

13
Пятьдесят оттенков розового

Случилось страшное: для Афадели нашли жениха. Он был красив и силен, даже покрасивее Леголаса, а происходил с какой-то окраины Ривенделла, поэтому о нраве моей подруги знать не мог. Ну, может, слышал что-то краем уха (у-у, подумал я завистливо, какие уши симпатичные, не то что мои), но вряд ли запомнил имя.

Афадель была в печали. И в ярости. Потому что ее мнения никто не спрашивал, особенно король наш Трандуил, который уже отчаялся избавиться от нас традиционными способами — послав на войну, в дозор, навстречу оркам ну или просто утопив.

Так-то жених ей понравился (конечно, с такими ушами!), но как могли не спросить ее! После того как!

Когда мы остались вдвоем, я спросил ее мнения насчет этого брака.

— Месть, — сказала она, — смерть и преисподняя!

Насчет преисподней она, конечно, загнула. Мы эльфы, а значит, преисподняя нам не светит ни при каких раскладах. Но направление ее мысли мне понравилось. Ведь если подруге нашли жениха, то и мне могут найти невесту!

— Я знаю, что я сделаю, — продолжала она, сверкая глазами и жемчужинами с бронелифчика. — Я поставлю королю условие!

Я бы не сказал, что это хорошая идея. Кто только не ставил королю нашему Трандуилу условий: люди, орки, гномы, родичи, Галадриэль, Саруман, Саурон, Следопыт, и чем все кончилось? Вот то-то. Опыт у него огромный. Но и мы не лыком шиты!

— Не совершай опрометчивых поступков, — предостерег я. — Король наш…

Тут я поймал ее за ухо и зашептал как можно тише:

— Тот еще олень!

— Какой олень? — негромко спросили за нашими спинами.

Мы вздрогнули и оглянулись. Там стоял Трандуил, скрестивший руки на груди и мечущий взглядом молнии.

— Ваш олень, — не растерялась Афадель, полная мстительных чувств. — Я говорила, что в Ривенделле таких нет, а кто, кроме меня, сумеет чесать Алексиэлю рога? Разве Хвандир управится один?

— Я сам почешу, — с каким-то намеком произнес король. — Ты уже сшила себе свадебное платье?

— Когда бы я его шила, — пробурчала Афадель, — то я в

дозоре, то в позоре, то по реке плаваю, то к гномам, то к паукам. Берцы переобуть некогда, не то что платье шить!

Тут ей, видно, что-то пришло в голову, потому что она добавила:

— А без платья я замуж выходить отказываюсь!

— Так иди и сшей, — вкрадчиво ответил король. — Неужто ты посрамишь свой род и мое королевство? И меня лично, — добавил он уже твердо. — Живо марш шить! Хвандира попроси помочь, он точно умеет.

Я покраснел, вспомнив, как штопал дырку на тунике, а король это увидел и шепотом попросил пришить отделку на мантии — сам наступил, не просить же кого-то еще и не совсем отдирать, жалко. Это был наш маленький грязный секрет. Отделка была снизу, запачкалась слегка.

— Как же, умеет он! — скептически выпятила губу Афадель. — Он из любого платья сошьет носок!

— Неправда, я тебе тунику очень хорошо зашил, — обиделся я.

— То походная туника, а то свадебный наряд. Я хочу такой… такой… розовый, как харадская вишня, и кружевной! И чтобы не меньше пяти-десяти оттенков цвета!

— Пятидесяти? — переспросил король. — Ну, девочка, тебе и иглы в руки!

— За что! — воскликнула она, попятившись и взором попросив меня подыграть. — Так пытают вастаки, но мы же обычные эльфы! За что вы меня так, ваше величество, пощадите-е-е-е!!!

С этим душе- и ушераздирающим воплем Афадель рухнула в ноги Трандуилу и обняла его колени. И, возможно, полезла под мантию, но я отвернулся и ничего не видел, честное слово. Я к этому давно привык.

— Марш платье шить! — рявкнул король, но дал петуха, уж не знаю, по какой причине. — Без платья не возвращайся!

— Ура! — радостно сказала Афадель, вскакивая на ноги. — Спасибо, ваше величество! Я никогда не вернусь!

И она радостно убежала, оставив меня на произвол судьбы и Трандуила.

Я посмотрел на короля, король посмотрел на меня.

— Я шить не буду! — отказался я решительно. — Я женские платья не умею!

— Научишься, — ехидно ответил Трандуил. — А то вдруг жена попадется безрукая, кто ж ей сошьет, кроме тебя?

— Зачем мне безрукая жена? — перепугался я. — Хоть силой гоните, не возьму такую, в отшельники пойду или вообще

подамся к умбарцам!

— Тогда иди шить платье, — твердо сказал Трандуил. — И не обижайте жениха! А то что вы в прошлый раз с Элрондом сотворили?

— Что? — изумился я.

— А кто ему ягодок подложил? — вкрадчиво спросил король, и я понял, что мы-таки засыпались, но готов был все отрицать. Правда, Трандуил быстро смягчился и добавил: — Уморительное было зрелище! Скажи, где такие растут, мне тоже не помешают…

— Так на болоте, ваше величество, — простодушно ответил я. — Вы нас как за клюквой послали, мы и нашли…

— Эру милосердный, вас только посылать и можно… — пробормотал король. — В кого вы такие уродились?!

— В великих предков, как и вы, ваше величество, — ответил я и удрал.

Так мы избавились от немедленной угрозы шитья, но это ведь ненадолго! И еще этот жених… Почему бы ему не преподнести невесте платье в знак любви?

Я нашел Афадель и поделился с ней этой мыслью.

— А это идея! — просияла она. Хотя, может, виновата была не идея, а вторая кружка темного эля… — Найди его и пусть он займется!

— Почему я? — возмутился я. — Невеста-то ты!

— А, ну да, — согласилась она. — Сейчас мы его найдем и того!

— Нет, того мы его пока не будем, — со значением ответил я. — Нельзя до свадьбы, дурья твоя голова.

— Да не того! — хихикнула Афадель. — А пусть подарит невесте свадебное платье!

— Да ты ему сама скажи, вон он идет, — буркнул я, завидев, как к нам широко шагает сквозь папоротники ривенделльский жених.

— Привет, — сказала Афадель, скромно потупившись и поигрывая длинной косой. Коса у нее, кстати, ненастоящая, у матери взяла, так-то она стрижется покороче, а то к паукам лазить неудобно, все волосы в паутине.

— Здравствуй, — выговорил он. Я отступил в тень. Афадель была очень хороша в утренних лучах, одни брильянты чего стоили. — Я хотел спросить, ты… ты не против стать моей женой?

— Что ты! — распахнула Афадель глаза. — Ты такой… ах! Просто принц!

Она прикрылась рукой якобы в смущении, а потом деловито сказала:

— Но при одном условии. Нет, двух.

— Каких же? — удивился он.

— Первое — ты никогда не разлучишь меня с Хвандиром, мы с детства вместе, он мне как брат, — твердо сказала Афадель. — А второе — к свадьбе король приказал мне сшить платье пятидесяти оттенков розового, иначе он меня не отдаст, а я шить не умею. Есть выход: нашить на платье цветы. Помоги собрать!

Жених задумался и оценивающе оглядел меня. Как мне показалось, особое внимание он уделил ушам.

— И как ты себе это представляешь "никогда не разлучать"? — кисло спросил он. — Третий лишний, так у нас говорят.

— Ну хотя бы иногда, — умильно сказала Афадель. — Он будет нас навещать, да? Но на второе-то ты согласен?

— Конечно! — пылко воскликнул он. — Только я не знаю, где у вас тут цветы…

— Я знаю кое-какие места, но боюсь идти сама. Идите вы с Хвандиром! — сказала Афадель.

"Отомщу", — взглядом пообещал я, но она не обратила на это внимания.

— Хвандир тебя проводит, он знает — мы там мост прокладывали!

— Пойдем, — решительно сказал ривенделлец и взял меня железной рукой за плечо. — Кстати, меня зовут Гваэрон.

— Очень приятно, уже знакомились, на пиру, вы не забыли? — учтиво ответил я. — Ах да, вы тогда выпили лишку, а вино у нас… — Я возвел очи горе и добавил: — Бедная Афадель, муж-алкоголик — это ужасно! Ну что же, идемте, Гваэрон, я покажу вам наши заповедные места. Быть может, мы и сумеем насобирать цветов пятидесяти разных оттенков, благо весь лес в цвету!

— Идем!

Афадель взглядом выразила восторг. Я просигналил ей, что буду ждать у Арагога.

— Вот здесь лесная гвоздика, вот розовая сирень, а вот там, чуть подальше, какой-то кустарник, не знаю его названия, — говорил я без остановки, показывая в сторону болота. — А я пройду в другую сторону… Не заблудитесь?

— Эльфы Ривенделла не плутают! — задрал нос Гваэрон и пошел в указанном направлении, а я хмыкнул и двинулся к паукам.

Афадель уже сидела у пещеры Арагога и потрошила какое-то барахло, которое он выкинул ей на радость. Видно, она ему принесла чего-то вкусного.

— Держи, тебе на ухо, — протянула она мне роскошную

серьгу с жемчужиной. Теперь точно на умбарца стану похож!

— Твой в болото полез, — сообщил я, любуясь серьгой. — Там багульник, рододендрон цветет, точно насобирает на платье.

— Какой он еще мой! — отмахнулась подруга.

— А что, мужик видный. И камзол у него… И уши богатые… Брюнет, опять же.

Афадель фыркнула, но как-то задумчиво. Видно, что посмотрела на этого Гваэрона с другой стороны. Со стороны ушей.

— И вообще, Ривенделл сам по себе богатый, — продолжал я издеваться. — Вон Элронд с какой свитой приезжает. И этот, поди, тоже из свиты, не просто так.

— Он вредный, — вынесла она вердикт. — К гномам не пустит, как пить дать. На тебя косо смотрит, а куда я без тебя?

— Дорогая, ты замуж выходишь, тебя муж будет… того-этого, я зачем тебе сдался?

— Для разнообразия, — ответила она, плетя венок из ромашек. — Может, он не умеет ничего, я ривенделльских не пробовала… А ты у меня правда как брат…

— С братьями не спят!

— Я же сказала "как", — хмыкнула она и заныла: — Ну Хвандир, ну ты же умный, придумай чего-нибудь, чтоб меня замуж не отдали! Или чтоб этот Гваэрон сам не взял… Ну его, подумаешь, камзол, вон у короля намного красивее, и олень есть… как я без оленя жить буду?

Я подавился земляникой. С этой стороны замужество Афадели я еще не рассматривал.

— Многие живут без оленя — и ничего, — сказал я неуверенно. — Ты знаешь что? Ты замуж-то выходи, а потом раз — и приедешь обратно. Типа хочешь пожить раздельно… эпоху-другую, чувства проверить.

— Хитрый ты, так и норовишь меня замуж спихнуть, — надулась она и отобрала у меня землянику. — А я, может, не хочу!

Я вспомнил про лориэнскую невесту, от которой чудом избавился, и вздрогнул.

— Точно, — осенило меня. — Подговорим Алексиэля!

— На что? — непонимающе уставилась на меня подруга.

— А-а-а-а, вот вы где! — радостно закричал нам здоровенный куст пятидесяти оттенков розового, неумолимо надвигающийся со стороны болота. — Мы, ривенделльские, не заблудимся!

— Как красиво! — восторженно сказала Афадель и даже захлопала в ладоши. На самом деле она хлопала ладонью меня по ляжке, но жених этого не видел.

— Пойдет на платье? — гордо спросил он, распределив по нам свою ношу.

— Конечно, о мой суженый! — затрепетала она ресницами, отдала мне этот стог и вдруг воскликнула: — Какой ужас! Тут не хватает еще пяти оттенков! Но я знаю, где растут лесные яблони, они такие красивые… Спустись вон в тот овраг, иди налево, на той стороне будет подъем. Увидишь паутину, не бойся, это наш мост. А потом выйдешь прямо к ним! А мы пока начнем расшивать платье, да, Хвандир?

— Конечно, — сказал я. — Как не помочь подруге по такому поводу! Пойдем, пока цветы не увяли! Спасибо вам, Гваэрон!

Он самодовольно улыбнулся и удалился в указанном направлении. К паукам, в смысле. Яблони там тоже имелись, но…

— Надеюсь, не выпутается, — сказала Афадель и закинулась земляникой. — Пошли. Нам еще оленя подговаривать.

И мы пошли. Платье получилось на славу. То есть, я хочу сказать, вышла отличная противоорочья маскировка. Оттенки я, правда, не считал, но их явно было много, и десяток-другой роли уже не играл.

Аафдель надела платье, не потрудившись скинуть походные штаны, и затянула корсаж. Бриллианты предательски просвечивали сквозь багульник.

Король удовлетворенно кивнул, завидев ее, а Леголас присвистнул. Кажется, его тоже впечатлила маскировка.

— Что ж, прямо сейчас мы вас с женихом и обручим, — благосклонно кивнул король. Эх, рано он расслабился.

— Жених сейчас будет, — сообщила Афадель и аккуратно присела на удачно поваленное бревнышко. Мы примостились рядом и принялись ждать. Ждали долго — меня аж разморило, да и цветы начали увядать. Видно, пауки задали Гваэрону жару, сколько можно шляться…

Я задремал, привалившись к плечу принца. Проснулся я от криков.

Кричали все. Я открыл глаза и увидел Афадель в походных штанах и бронелифчике, а поверх всего было накинуто ее бывшее платье. Я говорю бывшее, потому что от него осталась только легкая тканевая основа, а все любовно нашитые нами цветы были варварски уничтожены. Стоящий рядом олень выглядел смущенным. Из его рта свисала розовая смолевка.

— Ах! — воскликнула Афадель и отвернулась, закрыв глаза рукой. — Мой король, я опозорена! Вы приказали мне надеть платье пятидесяти оттенков розового, и мы так старались… И мой жених, и Хвандир, и я, а теперь… нет, нет пойду, отдамся течению Андуина…

"Да ты кому угодно отдашься", — невежливо подумал я, но это было чистой правдой. Судя по фырканью Леголаса, он подумал то же самое.

— Папа, мне кажется, в платье не хватало цикламенов, — сказал он дипломатично, переждав рыдания Афадели. — А раз уж ты сам поставил условие… И не винить же бедное животное! Кажется, его со вчерашнего дня не выпасали.

— Оба — на выпас, — мрачно сказал Трандуил, и Афадель прекратила рыдать. Олень облегченно вздохнул. — И чтобы до послезавтра я вас не видел!

Он подумал и добавил:

— Всех троих!

И мы с оленем устремились на свободу…

14
На вольном выпасе

— Очень кушать хочется, — жалобно сказала Афадель, жуя листик не знаю чего. Олень смотрел на нее с вожделением. Нас выпнули на выпас безо всяких припасов и даже безоружными!

— Поди грибов собери, — сказал я. Я запасливый, я сухарей напихал запазуху. Только Афадели не дам, пусть худеет. — Я пожарю.

— Нету еще грибов! Поганки какие-то…

— Это не поганки, это сморчки, — сказал я и понял, что спалился. Не зря же меня зовут Хвандир.

Афадель с сомнением оглядела сморчки.

— Что-то вид у них несъедобный…

— Значит, ты не голодная, — ответил я.

Олень понюхал грибы и фыркнул.

— Точно несъедобные, — сказала она.

— Оленю полагается есть траву, а не грибы, пусть идет и ест, — добавил я.

Олень помотал головой. Трава его чем-то не удовлетворяла.

— Наверно, тут нехорошее пастбище, — решил я. — Ни нам, ни оленю…

— Давай новое поищем! — воодушевилась Афадель, как самая голодная. — О, смотри, Следопыт! Вдруг у него еда есть?

Как выяснилось, Следопыт шел на рога оленя. Ну, вместо ориентира. Заплутал немного.

— Есть чо? — спросила Афадель.

— Чо? — не понял Следопыт.

— Припасы остались? — вежливо спросил я.

Следопыт не стал кривить душой:

— Колчан стрел, сухие чернила и неманого ацэласа.

— А если найдем? — спросила Афадель.

— А у вас разве нет, — простодушно спросил Следопыт. — Я надеялся у вас разжиться.

— В королевстве нашем настали тяжелые времена, — горестно сказала Афадель, прикрывая бриллианты веточкой папоротника. — Оленя хотели забить на мясо, но мы спасли нашего верного Алексиэля. Да что там! Леголаса намерены обменять на еду у харадов или вастаков. На вяленую мумачатину, — добавила она, подумав, и облизнулась. — Лучше бы самого съели, он вкуснее.

— Я бы так и съел, — сказал Следопыт задумчиво.

— Да и я бы съела, — ответила Афадель, глядя в облака. — Немного филе Леголаса под крапивным соусом.

Мне ничего не оставалось, кроме как присоединиться к этому воображаемому пиршеству каннибалов.

— Можно добавить немного жареных с луком грибов, — вставил я.

На этом слове (не знаю, лук или грибы) Следопыт очнулся и посмотрел по сторонам.

— Что, и грибы кончились?! — тревожно спросил он.

— Я видел вон там пару мухоморов, — указал я. — Милости прошу, угощайтесь. Чем богаты…

— Схожу поищу, — сказал он.

— Куропаточку подстрелите, — произнесла ему вслед Афадель.

— Или зайчика, — в тон ей ответил я. — Можно и оленя.

Тут я встретился взглядом с Алексиэлем и передумал. Томные карие глаза сейчас метали молнии. Я подумал, что король наш Трандуил набрался дурного именно у оленя. Хотя вряд ли кто-то кроме орков мог попробовать сожрать короля. Но рога… тьфу, корона как бы намекала.

Следопыт пошел на охоту, а мы лениво развели огонь в надежде на обед. Олень уже обедал, обожрав все кусты и лишив нас естественного укрытия. Пришлось маскироваться лапником.

Следопыт вернулся спустя два часа, злой, обожженный крапивой, в паутине, исколотый ежевикой и с ежом и куропаткой наперевес. Алексиэль фыркнул и отпрянул.

— И это все?! — ужасным голосом спросила Афадель.

— У вас же голод, — поразился он и выпустил ежа.

— Голод, — подтвердила она и подхватила ежа. — Прости… но жизнь дороже. Я имею в виду свою жизнь.

Еж с упреком посмотрел на Афадель и больно укусил ее за руку.

— Сука колючая, — сказала она, уронив мерзавца. Тот подкатился под копыта Алексиэлю, а туда бы я не полез. — Сбежал, падла! А так вкусно запечь ежика на углях…

— И часто вы едите ежиков? — обеспокоенно спросил Следопыт, быстро ощипывая куропатку. По счастью, она никуда не порывалась улететь, потому что была застрелена. Навылет.

— Ну как поймаем… Ежатина в наше время — еда королевская, — сказала Афадель.

— И как там король ваш Трандуил? — осторожно поинтересовался Следопыт.

— Страдает, — ответила она и протяжно вздохнула. — Сына-то на еду выменивать…

— Я должен идти! — вскочил тот, уронив куропатку.

— Куда! — приземлила его Афадель. — А готовить кто будет, я, что ли? Это не сегодня будет, успеешь…

Следопыт сел прямо на нашу знаменитую лихолесскую крапиву, но сделал вид, что ему все равно.

Готовить пришлось мне.

Я мстительно погнал Афадель за приправами, пускай соберет травок, кинем в котел. Сам я это варево есть не собирался, с нее станется бросить туда белены или чего похуже. Ей-то все равно, и так ненормальная, а я еще хочу увидеть маму. Хотя бы на прощанье. Со мной.

Афадель принесла грибов. Я понял, что есть суп из мухоморов с куропаткой точно не буду и начал подавать знаки Следопыту. Однако он меня не понял и с удовольствием отведал, запив из своей фляжки, после чего они с Афаделью принялись громко восхищаться синими белками и распускающимися в небе ромашками. Наверно, это было очень красиво, но мои сухари такого эффекта не давали, и я предпочел отойти поближе к Алексиэлю, который грибы не ел. Мы расположились в партере. Сухарей у меня было достаточно, а олень их уважает.

В самый разгар оргии появился Леголас. Сперва я принял его за глюк, но потом вспомнил, что не ел из котла. Стало быть, Леголас был настоящий. Спасибо, не король наш Трандуил, да он и не пойдет по темноте да по оврагам в своей мантии. Олень-то у меня.

Леголас переменился в лице, увидев Следопыта, обнимающего Афадель за плечи и бронелифчик и поющего "Нелегко мэллорну к дубу перебраться".

— А я-то вам поесть принес, — сказал он.

— Давай, — быстро отреагировал я и протянул руку.

Следопыт отреагировал на слово "поесть".

— Я все знаю, Леголас! — сказал он. — Я не позволю!..

— Но почему? — удивился тот, доставая из сумки припасы. — Ты разве не голоден?

— Им уже хватит, — сказал я, заедая окорок лембасом и запивая лучшим королевским вином, на которое принц не поскупился.

— А мне вина? — очнулась Афадель.

— Тебе хватит, — отрезал я и допил фляжку. — Ты и так уже в дугу. А казалось бы, пару сморчков съела!

Я пытался соблюсти видимость конспирации, но зря: Следопыт уже ни на что не реагировал и горячо уговаривал принца бежать. Афадель тем временем завладела другой фляжкой и принялась смотреть спектакль. Ее даже мухоморы не берут.

Леголас не понимал, почему он должен куда-то бежать от Следопыта. Или со Следопытом. Или в разные стороны.

Тот начал объяснять, что вяленый мумак — это одно, а королевский сын — совсем другое. Олень кивал.

Леголас, в принципе, соглашался со Следопытом, но уже снимал тетиву с лука, чтобы связать буйного помешанного, и подмигивал нам, мол, пособите. Но мы наслаждались зрелищем. А коварная Афадель еще и поддакивала, мол, мумачатина супротив леголасины — тьфу! Но ее больше, раз этак в сто.

— Вот поэтому тебе и нужно бежать! — заключил Следопыт, нежно глядя на принца.

Если бы олень мог смеяться, то ржал бы на весь лес. Впрочем он и так похрюкал, упал на спину и задрыгал копытами, будто в конвульсиях.

— Это он шкуру чистит, — пояснила подруга, не растерявшись.

— Что с ними со всеми такое? — обратился ко мне Леголас.

— Весна, мой принц, — развел я руками. — Неужто вы не чувствуете ничего похожего?

— Слава Эру, нет, — ответил он и икнул. — Ну раз вам больше ничего не нужно, я пошел…

— Следопыта заберите, — попросил я. — За оленем мы уж как-никак досмотрим…

Они удалились в обнимку, пьяные и счастливые, а мы, сытые, пьяные и счастливые, остались у костра.

— А давай мумака заведем! — сказала вдруг Афадель.

— И поменяем на Леголаса?

— Да Леголас и так тут, куда он денется… А мумака нету. Только олень.

— Ага. Того мумака поди прокорми. У нас оленю травы не хватает! Вон, кусты ощипывает! А вдруг он заревнует? Кто кого сборет, как думаешь, мумак или олень?

— Если оленю поможет Леголас, у мумака никаких шансов, — авторитетно ответила Афадель. — А жаль.

— Только не мумак! — быстро сказал я.

— Поели бы печеного хобота, — мечтательно произнесла она. — Или ноги мумака в собственном соку… Отбивные из мумака по-эльфийски…

— Там в сумке еще полфунта окорока, иди поешь, — сказал я.

Афадель полезла за окороком, а я откинулся на ромашки и ошалело проводил взглядом проскакавшую надо мной синюю белку.

Светало.

15
И снова на выпасе

— Афадель, а заморозки в середине мая — это нормально? — спросил я, стуча зубами. — Особенно после грозы!

— Не-а, — ответила она, кутаясь в мою куртку. Нас снова отправили на выпас, мы радостно согласились, но кто же знал, что погода так испортится! — Это происки Врага, точно тебе говорю! Может, назгул рядом пролетел…

— И посыпал снежком? — простучал я зубами. — Хорошо оленю, он в шубе.

Олень обиженно замычал. Или заблеял, кто его разберет.

— Слушай, а давай разложим оленя? — предложила Афадель, и я онемел. Олень тоже. — В смысле, уложим и будем по бокам греться!

Я с сомнением посмотрел на животное. Животное ощетинилось рогами и замотало головой. Видимо, что-то заподозрило. Ну да, с нами поведешься…

— Лучше к Арагогу пойдем. Там в пещере хоть с неба на голову снег с дождем не валится! И ведь черемуха давно отцвела… — задумчиво сказал я.

— Угу, на болоте только клюква… мороженая. Но к Арагогу с оленем нельзя — он его съест.

— Кто кого? — не понял я.

— Да какая разница! Кто-нибудь кого-нибудь точно съест.

— Ну и ладно, хлопот меньше… — я задрожал сильнее. — Нет, точно надо куда-то деваться! Под открытым небом мы околеем! Слушай… А помнишь развалины там, недалеко от Андуина? Пошли туда!

— Да пока дойдем, околеем так, что из нас только строганину делать останется! С оленем вместе. Давай костер разведем!

— Там и разведем, а пока дойдем, согреемся и дров наберем, Алексиэль поможет нести, правда же? — спросил я оленя. Тот кивнул. И вообще, могу я когда-нибудь настоять на своем?!

И мы пошли. Афадель цеплялась за меня, поэтому шли медленно. Олень шел быстро и скоро ушел куда-то вперед с нашими дровами.

— Интересно, что тут было? — спросила подруга, забираясь в развалины. Там было просторно, даже оленю места хватило (оставлять его без присмотра мы опасались, поэтому привязали на рог бубенчик, за что Алексиэль смерил нас суровым взглядом,

а я в утешение дал ему морковку. Мороженую.). Костер мы развели, у нас была крыша над головой, мечта!

— Вот бы еще шашлычок! — бодро сказал я, протягивая руки к огню.

— Не, я на охоту не пойду, — отказалась Афадель. — Холодно и сыро. Попрятались все… кроме вон той крысы. А ну дай сухарь!

— Зачем? — удивился я, потому что любви к животным за подругой прежде не замечал.

— Дай… — прошипела она и начала крошить наши припасы.

Словом, через час у нас был шашлык. Есть его я опасался, но потом сдобрил клюквой и зажмурился… Будем считать это учениями по боевой подготовке.

Жареные крысиные хвостики оказались очень даже ничего, и я подумал, что теперь нам не хватает эля. И что короля нашего Трандуила хватит удар, если он узнает, чем мы закусываем.

— Слушай, а вдруг там в подвалах что-то осталось? — прочитала мои мысли Афадель. — Пойдем глянем, я только факел возьму…

— Алексиэль, ты за часового, — сказал я и вздохнул. Олень кивнул, бубенчик согласно брякнул.

Подвал сохранился куда лучше строения. В смысле своды были целы, стены целы, и на них было даже что-то написано.

— Что тут написано? — спросил я Афадель, которая видела в темноте намного лучше меня.

Афадель обратила на меня укоризненный взгляд. Я вспомнил, что мы так и не выучились читать феаноровы руны.

— Неужели это тоже на квенья? — удивился я.

— Нет, это пиктограммы, — ответила она. — По-моему, здесь нарисован Трандуил, рога похожи… то есть корона.

— А может, это натуральные рога? — я вспомнил Алексиэля.

— Алексиэль не мог — неуверенно ответила она.

— Ну может, начертал рогами…

— Да он по этой лестнице не спустится! Наверно, это орки, — заключила Афадель с радостью.

— Орки нарисовали Алексиэля? — сказать, что я удивился, значит ничего не сказать. — И вообще, если тут орки, следует уведомить короля…

— Да мы и сами справимся, — мурлыкнула она, — первый раз, что ли… Хотя рисунки очень старые, им лет сто с виду. Мало ли, кто тут ошивался?

— Давай поищем что-нибудь кроме рисунков, — предложил я. — Может, найдем что-то ценное. Меч, например.

— Ага. Или палантир, — фыркнула Афадель. — Мечей у

Арагога хоть завались, принеси ему пожрать да выбирай. А тут должно быть что-то интересное, нюхом чую!

— Еще бы, я тоже чую, воняет так, будто тут мумак сдох года два назад, а перед тем обделался, — сказал я, зажав нос.

— Какие мы нежные, — фыркнула она. — Если что найду, делиться не буду.

— Без говна мумака я точно обойдусь, — ответил я.

— Слушай, если сюда не прошел олень, как влезет мумак? Думай немножко! — обозлилась она и устремилась дальше. Коридоры разветвлялись, а драгоценностей все не было. Я начинал опасаться, что единственными ценностями, которые когда-нибудь здесь найдут много лет спустя, будут наши.

А у нас их хватало, чего стоило мое ухо и бронелифчик Афадели!

Лестница уходила все глубже, и я уже начал волноваться, во-первых, о том, что скоро погаснут факелы, ну это еще ничего, выйти можно и ощупью. А во-вторых, что тут может водиться нечто наподобие Арагога, только не такое дружелюбное.

Однако пока было тихо, только очень пыльно. Но вот я споткнулся… Это был скелет. Но не человечий и не орочий, и уж тем более не эльфийский. У нас всего по два глаза, а у этого было три. Что это не дырка от удара, я удостоверился, ощупав края отверстия во лбу.

И рога… и руки… в общем, я стал нервно оглядываться по сторонам. Если что-то съело это, то нас сожрет в два счета.

— Интересно, кто это был? — во весь голос спросила Афадель, освещая неизвестного монстра. В тоне ее звучал интерес.

— Ну раз скелет, значит, был живым. А живое — это кто-то, — тут она явно задумалась, потому что Арагог тоже живой, но у него нет скелета.

— Тихо! — толкнула меня Афадель. — Слышишь?

— Да, — сказал я и на всякий случай прижался к стене. — Что-то топает. Или кто-то. Пойдем к Алексиэлю, а?

— Поздно, — сказала она. — Оно на дороге к Алексиэлю.

— Погоди, но на дороге к Алексиэлю стоим мы!

— А между нами и оленем стоит оно. Точнее идет…

— Так оно позади нас? — окончательно запутался я.

— А это смотря куда мы идем, — утешила меня Афадель. — Если пойдем в подвал, оно будет сзади.

— Ага, то есть оно нас загонит поглубже и съест? — саркастически поинтересовался я.

— Думаешь, ему тут есть нечего? Оно бы давно с голоду подохло… А Алексиэль сам за себя постоять может, вон какие

рога отрастил!

— За Алексиэля я не беспокоюсь, — многозначительно сказал я. — А что у нас из оружия? Ну кроме твоего декольте?

Я не был уверен, что неизвестный монстр польстится на декольте иначе как в гастрономических целях. Утешало то, что Афадель все равно пойдет им, декольте то есть, вперед, и пока ее будут есть, я успею сбежать.

Но я плохо знал подругу! Она крепко схватила меня под руку и для верности примотала к ней ремешком.

— Пойдем! — шепнула она. — Я буду держать тебя за руку, чтобы тебе не было страшно!

Узлы она вязала знатно, у умбарцев научилась, и я вынужденно потащился за ней в темное подземелье, на съедение неведомому монстру. И хоть она крепко держала меня за руку, мне все равно было страшно! У меня же мама! Как она переживет? А король? А олень? А Леголас?

Я вспомнил даже лориэнца, благо времени хватало. Мы топали навстречу неизвестному монстру, монстр топал навстречу нам. скоро мы должны были сойтись.

Практически вот-вот, но это вот-вот никак не наступало. Я допускал, что монстр нарочно топал на месте, но мы-то точно тащились вперед навстречу героической гибели!

Только я собрался сказать об этом Афадели (а шаги монстра раздавались уже рядом), как увидел впереди свет.

Я уж подумал, что мы вышли к становищу орков, и обрадовался (правда, чтобы сражаться, надо было сперва отвязаться от Афадели в прямом смысле слова), но оказалось, что это светятся грибы. Или плесень, я не разобрал. Главное, оно шевелилось.

— Это не оно топало? — спросила Афадель шепотом.

— Афадель, когда начинают топать грибы, значит, хватит их жрать, — изрек я.

— Кстати, я проголодалась, — обиделась она. — Мог бы и позаботиться обо мне как мужчина.

Караул! Если Афадель увидела во мне мужчину, дела плохи.

Я как-то не хотел заниматься этим в сыром подземелье, в тусклом свете факелов, рядом с шевелящимися грибами… Хотя это экстрим, да. Почти как на скачущем Алексиэле. Ой, я этого не говорил!

И не думал…

— Нам сейчас нужно думать не об этом, — сказал я мужественным шепотом, — а о том, как сбежать из этого подземелья. Есть тут второй вход, как думаешь?

— Лучше бы выход… — пробормотала она, держась за

ремешок. — У тебя лук с собой?

— С собой, — сказал я. — Приторочен к Алексиэлю.

— Понятно, — ответила она. — А меч?

— Там же.

— У тебя к себе хоть что-нибудь приторочено?! — возмутилась Афадель.

— Да, — честно сказал я. — Ты.

— Ну знаешь! — возмутилась она. — Я начинаю понимать Трандуила! А если вдруг враги?

— Ну так это ты меня привязала, ты и отвязывай, — флегматично ответил я. После Афадели любой враг меркнет.

Афадель, ворча, принялась развязывать узлы. По идее, морские узлы должны развязываться мгновенно, если потянуть за нужный конец, но она, видно, что-то напутала. И скоро начала бурчать, что не худо было бы разрубить узел, естественно, вместе с моей рукой.

Но было нечем: ее меч тоже висел на Алексиэле, а ножом мы пилили бы этот ремень до посинения. Надо же, подумал я, олень вооружен лучше нас обоих вместе взятых! Впрочем, он же королевский…

— Пошли так, — сказал я наконец. — Умрем с гордо поднятой головой, если что. Мы же эльфы.

— Пригнись, тут потолок низкий, — ответила она, и мы двинулись в неизвестность.

Факелы понемногу угасали, грибы светились и активно шевелились, под ногами что-то шуршало. Не крысы, нет…

Я не хотел знать что. Не настолько я любопытен. Монстр топал вслед за нами, и это немного нервировало.

Лучше бы он навестил Алексиэля, у того хоть рога всегда наготове!

Но в подвал-то полез не Алексиэль! За каким сильмариллом нам сдались эти подземелья, я теперь никак не мог понять.

Во всем виновата Афадель, решил я, как обычно, и пошел вперед. То есть вниз и налево, куда загибалась лестница. Она и направо загибалась, но я как-то по привычке свернул…

И сразу понял, что мы куда-то пришли. Здесь совершенно определенно кто-то жил. Это было очевидно по разбросанным там и сям костям.

И по чарующим ароматам, из-за которых Афадель стошнило, хотя она вообще-то стойкая, даже живых гусениц на спор ела, и ничего, говорила, приятно щекочутся. Словом, воняло так, что у меня едва глаза не вытекли, и я поспешил утащить подругу направо.

Направо тоже лежали кости. Ух какие кости! Я таких никогда

не видывал — мы проходили под ними даже не наклоняясь. И более древние, во всяком случае, ничем не пахли.

— Вот это зубки! — сказал я, приятно пораженный.

— Круто! — воскликнула отвязавшаяся от меня наконец Афадель и во весь рост встала в разинутой пасти. — Вот бы кто нарисовал!

— Давай возьмем на память по зубу, вот и оружие, — предложил практичный я.

— Не, я лучше вот это возьму! Вместо дубинки! — ответила Афадель и подобрала какую-то кость. Ну как кость… Я слышал, у северных моржей такие. Понятно где.

Но я взял коготь, потому что зуб выломать не смог.

— Вот теперь мы встретим врага лицом к лицу!

Однако враг топал и топал, но никак не показывался. Возможно, что-то почуял.

Мы обшарили подземелье, но сокровищ не нашли. Может, плохо искали, поди поищи в темноте-то — факелы погасли!

На ощупь же попадалось не то. Совсем не то.

То грибы, то щупальца, то Афадель, то камни, то грибы, то Афадель, то плесень, то Афадель…

— А монстр-то не топает! — сообразил я.

— Выжидает, — зловеще произнесла Афадель. — Давай немного переждем. Все равно факелы погасли…

Когда она взялась за любимое дело (не терять же время понапрасну), в подземелье зарычало и застонало. Я чуть импотентом не стал.

Афадель и то замерла. Она оглянулась по сторонам, насколько могла, но ничего не увидела.

— Лучше б ты монстра соблазнила! — сказал я с отчаянием.

— Так он не идет! — обиженно ответила она, а я не выдержал и засмеялся.

В подземельях раздался жуткий хохот.

— Да это же эхо! — сообразил я.

— Какое тебе эхо! — рявкнула она во всю глотку.

— Хо-хо-хо! — ответил монстр.

— Ну эхо! — уверился я и для проверки крикнул: — Любимая!

— Моя-моя-моя! — отозвался монстр и добавил: — Гы.

После этого "гы" мы удирали из подземелья со скоростью звука, не успев застегнуться. Куда? Да в другое подземелье, больше там некуда.

Мы переглянулись и ринулись вверх по лестнице. Нам очень хотелось оказаться поближе к Алексиэлю и его рогам. И своему оружию, конечно.

Не такие уж мы любители фауны, чтобы разбираться в монстрах и с монстрами. Афадель, конечно, спец по ним, но я — пас!

Интересно, что во время этого, хм, поспешного возвращения, мы никакого топота, кроме своего, не слышали.

Алексиэль встретил нас недовольно, фыркнул и повернулся задом. Я подтянул пояс и пошел с оленем на водопой — животное надо вовремя поить. И хоть Афадель ныла, что одной ей страшно, я велел сторожить оружие. Снаружи дождь начался, так мы тетивы испортим!

Олень напился от души. Кажется, он впитывал воду даже шкурой. Я тоже. Поэтому в пещеру я вернулся мокрым и озябшим до костей.

— Может, поглубже сходим? — сочувственно предложила Аафдель при виде меня. — Там теплее.

— Ид-д-ди т-ты… — простучал я зубами. — К монстрам! А я тут костерок разведу! Но она не пошла. Мы прижались к оленю с обеих сторон и, согревшись, уснули. А назавтра вернулись домой и принесли с собой коготь и этот… моржовый. А что сказал по этому поводу король, я повторять не буду…

16
Поляна чудес

— Как ты думаешь, — спросил я, — зачем король мокнет под дождем?

Трандуил действительно стоял под ливнем, не снимая мантии. С него текло.

Мы же сидели под дубом и с интересом наблюдали. Олень блаженствовал, подставляя спину дождевым струям. Хлестало знатно.

— Наверное, корону поливает, — сказала Афадель, — чтобы росла гуще.

Я представил себе короля нашего Трандуила с садовой леечкой в руке и начал икать от смеха, стараясь, чтобы он не услышал. Но он все равно услышал и подошел к нам.

— Снова отлыниваете? — спросил он грозно, наклонившись. С него капало. Корона буйно колосилась. Мы старались не ржать.

— Так что смешного? — спросил он, и тут отросшая ветка с короны упала ему на нос. Король осознал причину нашего буйного веселья.

— Ваше величество, с вас на мой бронелифчик капает, — сказала Афадель. — Если он заржавеет, виноваты будете вы.

Король посмотрел на нее зверем, но волосы все-таки отжал.

— А вам идет, живенько, — сказала Афадель, глядя на распускающиеся цветочки.

— Я вас живо к делу пристрою, — угрожающе сказал король, заправляя за ухо ромашку.

— На выпас мы всегда готовы, — сказала Афадель радостно.

— Никаких выпасов, — сурово ответил король. — Я вас заставлю пахать, пахать и пахать!

— На олене утром ранним? — спросила Афадель.

— Нет, — ответил король, — мотыгами, в поле.

— А где у нас поле? — удивился я.

— Будет, — зловеще пообещал Трандуил. — В целях импортозамещения. Эти из Озерного города совсем обнаглели!

— Так ведь дождик, ваше величество, — жалобно сказала Афадель.

— Вот после дождичка!

"В четверг", — подумал я. Непрерывные дожди должны были идти недели две, а там и до осени недалеко. Хотя король может вспомнить про озимые, но, может, не вспомнит.

— А что мы должны сажать? — спросил я осторожно, потому

что сажал у нас обычно сам король, гномов, в темницы.

Тут я представил гномопосадки в чистом поле, и понял, что сейчас начну кататься по земле от избытка чувств. Кстати, а как их сажают, вверх ногами или вверх бородой?

Король вынул из кармана золотой и показал мне.

— Вот это и будете! Аккуратно, честно, на установленную глубину. И только попробуйте стырить хотя бы семечко!

— А вы нам аграрную технологию разъясните? — поинтересовалась Афадель, как бы невзначай стряхивая капли дождя с бронелифчика. — Можно наедине.

— Сами должны знать, — выкрутился король. — Не маленькие. Начало посадок — в полночь.

— Насколько я помню, — сказал я рассудительно, — поле сперва надо вспахать. А какая пахота под таким ливнем? Вот перестанет, тогда и пойдем…

— И потом, ваше величество, вы нам не обозначили координаты, — добавила Афадель. — И не сказали, как за этими посадками ухаживать. Закопать-то мы что угодно закопаем, а потом? Что вырасти должно?

— Как что? — король предпочел проигнорировать все вопросы, кроме последнего. — Разумеется, дерево с золотыми листьями.

— Мэллорн, что ли?

— Нет, с настоящими золотыми. В смысле — из золота.

— Круто, златолесские удавятся от зависти! — протянула Афадель.

— Вот и я о чем, — сухо сказал Трандуил и вывернул карманы. — Так, раз, два… тринадцать золотых. Как дождь утихнет, приступайте, место сами присмотрите. И не вздумайте пропить!

Мысли он, что ли, читает, подумал я. Ох не прост наш Трандуил! С него станется и пошпионить за тем, как мы проводим посевную. Этой мыслью я поделился с подругой.

— Один точно пропьем, — сказала она. — Тринадцать — несчастливое число. Скажем, не взошел… А закапывать мы их будем…

Тут она зашептала мне на ухо, и я невольно начал улыбаться.

В паучий овраг Трандуил вряд ли полезет, он мантией, короной и волосами в паутине путается, а мы привычные, наловчились косички плести.

Но король знал нас очень хорошо, поэтому вернулся и в приказном порядке выделил нам участок неподалеку от дворца.

Почва там была сухая, несмотря на дождь, каменистая и вдобавок вся в корнях тысячелетних дубов. Мы возмутились:

золотое дерево — это прекрасно, но губить такие реликты ради него — кощунство! Мы же лесные эльфы как-никак! Король нахмурился и отвел нам делянку чуть подальше. Но там цвели яблони.

— Не пойдет, — сказала Афадель, — из чего сидр потом готовить будем? Давайте мы сами участок определим!

— Ну уж нет, — сказал Трандуил. — Вы тогда за Андуин уйдете со всем золотом, ищи вас!

— Придумал! — сказал я. — Давайте вы или Леголас стрелу пустите, куда она упадет, там и посеем!

— Если я пущу стрелу, — ухмыльнулся Трандуил, — то сеять вам придется в Мордоре. Или на землях Рохана.

— А мы не возражаем, — быстро сказала Афадель. — Вы ведь отменный стрелок, ваше величество! Быстрострел, я бы сказала…

— Я возражаю! — заявил король. — Не для того я вам вручил золото из сокровищницы, чтобы вы его разбазаривали за границей.

— Ну пусть Леголас стреляет, — гнул я свое, подмигивая принцу. — Он пока до Мордора не дострелит…

— Леголас найдет чем заняться! — возразил король. — А вы поторопитесь, луна скоро взойдет.

— Погодите, но почему ночью-то сеять? — удивилась Афадель. — А смысл?

— Смысл в том, что посев монет на золото производится при определенных условиях. А то еще вырастет не то.

— А что? — поинтересовалась Афадель. — Брильянты или там мифрил?

— Медяшка! — обозлился король. — Идите работайте, лентяи!

Когда король в таком настроении, с ним лучше не спорить. Особенно когда он мокрый и капает. Афадель посмотрела на него жалобно, но промолчала. А то еще мамам пожалуется.

И мы пошли. Я волочил за собой лопату, а Афадели доверили мешочек с семенами. Король шел сзади и подбадривал нас перечислением наших последних прегрешений.

Афадель позвякивала семенами в такт. Кажется, ее успокаивал звон монет. И тут я понял, что она делает это не зря, и приотстал, оказавшись позади нашего Трандуила. Я сделал вид, что у меня шнурок на сапоге развязался. На тропинке в лунном свете блестела монета. Я ее подобрал.

Чуть дальше блестела еще одна…Вот что значит иметь хороший маникюр, подумал я. На выпивку хватит месяца на два. А деревья и так вырастут. Можно закопать желуди, например…

Главное, чтобы король не приказал нам построить дом и

вырастить сына. У него свои есть — и дом, и сын. А мы перетопчемся, не графья.

Некоторое время мы возделывали девственную почву. Никогда не понимал пристрастия хоббитов к этому занятию — нудное, утомительное и нелепое, почти как супружеский секс.

После этого Афадель начала закапывать оставшиеся монеты — штуки три, и то не факт, что это были монеты, а не желуди. В темноте все равно не разберешь. Луна как раз очень удачно зашла за тучи.

Мы старательно заровняли грядку и пошли за водой.

— А воду для полива откуда брать? — спросил я у Трандуила. — Наверное, нужно что-то особенное?

Олень тем временем тщательно удобрил посадки.

— Там ручей есть, — сказал он. — В овраге.

— А мы лейки не захватили, — сказала Афадель. — Предупреждать надо.

— Носите воду фляжками, — пожал плечами король. Мы переглянулись. Во фляжках у нас плескалась совсем не вода. Не выливать же!

Поэтому пришлось второпях выпить, по пути к ручью. Обратно мы возвращались уже веселыми.

Я держал Афадель за пояс, чтобы она не упала в удобрения, а она тщательно поливала каждую лунку. После этого мы остались наблюдать за плантацией — ноги нас не держали.

— Мы устали, ваше величество, — сказала Афадель томно и почти внятно. — Мы тут покараулим.

— Выкопать не вздумайте, — сурово произнес король. — Алексиэль, присмотрит.

Алекиэль выразительно прикрыл глаза. Глаза у него по-оленьи красивые. Афадель все время им завидует, особенно ресницам.

— Вот что, Хвандир, — сказала Афадель, проспавшись и напившись из ручья. — Король наш Трандуил — большой прожектер, а мы отдувайся. Уже ежу ясно, что из этого ничего не вырастет. Нам срочно нужно где-то раздобыть саженцы мэллорнов.

— Я туда не пойду, — отказался я. — И тебе не советую. И вообще, у тебя ж есть жених лориэнский, вот с него и спрашивай.

— Какой он мне жених! — вскричала Афадель оскорбленно.

— Ну вот заодно и склеишь, — сказал я.

— Не-не-не, лучше сами сходим.

— Я не унижусь до грабежа лесопосадок, Афадель, они за рассаду кого хочешь стрелами утыкают. Чисто хоббиты.

Тут мы представили Галадриэль с мохнатыми ногами и

заржали. Ну а что, под платьем-то не видно. Если так, то понятно, почему Келеборн постоянно с Элрондом бухает…

— Алексиэль, остаешься за старшего. а мы пойдем поглядим…

На что мы собирались смотреть, я не представлял. Если только взглянуть на Золотой лес через реку… Лезть в Лориэн не хотелось — нас там еще помнили.

— А вдруг ветром семечко занесло? Пойдем поищем на нашем берегу.

Через полчаса Афадель утомилась. Насчет птичек, могущих также доставить ценный груз, я промолчал.

— Безнадежно, — вздохнула она. — Давай хоть цветочки посадим.

И мы печально поплелись обратно. Нас ждали все те же — олень и король наш Трандуил.

— Где шляемся? — спросил король. — Почему стратегический объект без присмотра?

— За водой ходили, — нашлась Афадель.

— А почему ростков до сих пор нет? — поинтересовался Трандуил, величественно скрестив руки на груди. — Всегда ж были.

— Ах вот откуда у вас сколько сокровищ! А что, и рубиновое дерево бывает, и изумрудное? И брильянтовое? — тут она потрогала бронелифчик.

— Тебя не касается, — проворчал король. — Я спрашиваю, где ростки!

— Мы бдили всю ночь, — произнесла Афадель, широко раскрыв глаза. — Поливали их водой, ухаживали за ними. Но ростки так и не появились… Может, надо было сказать какие-нибудь слова?

— Волшебные, — вставил я. — Или наколдовать. Мы-то в этом не смыслим, мы простые лесные эльфы.

Взглядом короля можно было убивать. Драконов. Наповал. С расстояния до десяти лиг. Правда, он не нашелся что ответить.

— Откапывайте, — процедил он.

Этого мы не предусмотрели…

— Ваше величество, я не хочу копаться в навозе, — жалобно скривилась Афадель.

— Пусть Алексиэль откапывает, — согласился я.

— А потом моет, — добавила она. — Вы же не возьмете в руки испачканные монеты?

На лице короля отразилась внутренняя борьба.

— Давайте подождем еще. Вдруг взойдут.

И он величественно удалился, прихватив с собой оленя. Мы

переглянулись и с облегчением выдохнули.

— Может, березки посадим и покрасим? — предложила подруга. Мы уставились на поле. И увидели первые ростки.

— Знаешь, — сказала она. — Давай еще подежурим. У короля нашего сокровищ навалом, а нам на выпивку не хватает.

Я позвенел десятью золотыми в кармане.

— Пока хватает, но подежурить не откажусь. Мне мама с собой пирог дала.

— Грибной поди? — потянула она носом. — Да, твоя матушка грибы уважает…

Кажется, она не шутила.

17
Шпион, пришедший с жары

Одним прекрасным летним утром мы с Афаделью… Нет, не так. Это было ужасное, кошмарное летнее утро, солнце било в глаза, пекло головы, и вообще мы мучились с похмелья, потому что накануне катали бочки. Докатались. "Докатились", — сказал король наш Трандуил, морщась от перегара, и вышиб нас проветриться. Даже похмелиться не дал, ско… нет, я этого даже не думал.

В тени у ручья сидел какой-то человек и вдумчиво зарисовывал пейзаж.

— Как думаешь, шпион? — спросила Афадель, забыв о головной боли.

— Да ну, — ответил я, мудро не пытаясь покачать головой, — это ж Следопыт! Какой из него шпион.

— Это не Следопыт, — сказала Афадель, тоже держа голову ровно. — Тот небритый и у него эльфийская фибула на плаще. А этот побрит, пострижен и вдобавок блондин.

— Ну так он голову помыл, — возразил я. — Что я, Следопыта в спину не знаю?

— Так может, это другой дунадан, мы вон тоже со спины похожи!

— Откуда тут дунадан? — нахмурился я. — Лихолесье — не проходной двор!

— Вот это нам и надо разъяснить, — зловеще сказала Афадель и мотивировала меня словами: — Может, у него выпить есть?

Я сглотнул.

Не знаю, что подумал человек, когда к нему бесшумно подошли два помятых с бодуна эльфа и хором спросили: "Выпить есть чё?"

Он подпрыгнул высоко и в прыжке перевернулся к нам лицом, одновременно доставая из ножен меч.

Рисунок его улетел и поплыл по течению. Я с ностальгией вспомнил приключения письма и смайлик на русалокоте.

— Вы кто?! — выпалил он.

— Ты слепой, что ли? — не поняла Афадель. — Эльфы мы. Дивный народ. А ты кто?

— Откуда тут эльфы? — удивился он.

Мы с Афаделью переглянулись и подумали, не слишком ли много бочек мы вчера укатали.

— Мы тут живем, — осторожно сказал я, подозревая, что перед нами буйный сумасшедший.

Подруга кивнула.

— Это наше Лихолесье. И по нему ходить нельзя, — добавил я, придерживая голову.

— Позвольте, — сказал он, — но эльфов не бывает! Это выдумки! Так же как гоблинов, орков, драконов…

Афадель вытаращила глаза, за что и поплатилась головной болью. Но это ее не остановило.

— Орков не бывает? Да мы тебя щас как выкинем к ним на ятаганы, будешь знать! Ты еще скажи, Саурона не бывает!

— Кстати, а где у нас сейчас орки? — осведомился я. Афадель вытянула из ножен клинок. Он слабо светился голубым.

— Где-то в районе Черного ручья, но я туда не пойду, пока не опохмелюсь.

Это вернуло нас к исходной точке дискуссии.

— Выпить есть чё? — снова спросил я у человека. — Давай, не жмись, мы знаем, у тебя есть.

— Булькает, — добавила Афадель.

— Это вода, — нервно ответил он.

— Вода булькает не так, — терпеливо объяснил я. — Делись. Считай, ты платишь пошлину за проход по нашему лесу.

Он потряс мечом.

— Меч держат не так, — объяснил я. — Вот был бы тут Следопыт, он бы тебе показал…

— Или хотя бы Леголас, — подтвердила подруга. — А уж король наш Трандуил…

Она мечтательно зажмурилась. Зря: этот странный тип неуклюже взмахнул мечом и чуть не лишил Афадель головы.

— Гляди вон, ромашку помял, — сказала она.

Человека не тронула судьба ромашки. Какой-то он вообще бесчувственный, может и не угостить… Он нервно повертел по сторонам головой и спросил:

— А где все вообще?

— Кто все? — не понял я. — Мы вот они. Король во дворце. Остальные где-то шатаются.

— Ну вообще жители, — пояснил человек, блуждая глазами по кронам деревьев. Это он зря: там черные белки кидаются желудями. И пауки…

Пауков вспомни, они и появятся.

— Привет, ребятишки, — сказал Арагог, вылезая на берег. — Дежурите? А я вот искупаться решил, пока тепленько. А то пока-а обсохнешь…

И он плюхнулся в ручей.

Человек задрожал.

— Вы эта, можете пока там у меня покопаться, авось еще чего найдете, — милостиво разрешил Арагог, раскорячился в ручье и позволил воде омывать его необъятную тушу.

— Выпить бы чего, — тоскливо сказала Афадель. — У тебя не найдется?

На третий волшебный раз незнакомец (впечатленный, видимо, Арагогом) внял мольбе и отцепил от пояса флягу. Афадель присосалась к ней, а я одновременно думал, что так и отравить могут, и что мне не хватит.

Афадель отпихивала меня локтем, чтоб не лез. Но все когда-нибудь кончается (я не про вино). Афадель отвалилась от фляги и передала ее мне. Увы, там хватило буквально на пару глотков. Но я ожил.

— Слышь, смертный, — весело сказал я, возвращая фляжку, — пошли к королю. пусть решит твою судьбу.

— Человек сам хозяин своей судьбы! — гордо ответил он, встряхивая флягу. Увы, оттуда не выкатилось даже капли. Налить воды из ручья, где блаженствовал Арагог, незнакомец не рискнул.

— Конечно, конечно, — кивнул я, подталкивая его в спину. — Ты давай во дворец по-хозяйски. Там с королем как два хозяина и потолкуете.

Мы с подругой переглянулись и заухмылялись. Король с утра был не в духе, у него незабудки на короне гусеница поела, так что незнакомца ждало крайне интересное знакомство.

До человека, видно, дошло, какая честь ему выпала — поговорить ссамим владетелем Лихолесья. Ну или он просто перепугался Арагога. Словом, он пошел, почти без понуканий.

Ну то есть Афадель подгоняла его прутиком. Ну как прутиком, здоровенным суком. Она тыкала им незнакомца в спину, уверяя, что это меч.

— Кого вы притащили? — мрачно спросил Трандуил, разглядывая пожеванные гусеницей незабудки. Как нарочно, гусеница была редкой бабочки, и он не мог ее казнить. — Мало нам дармоедов в подземелье? Я уж молчу о вас.

— Шпион, ваше величество! — гаркнул я. — Зарисовывал план местности в районе Паучьего оврага, у ручья!

— Чей шпион? — удивился Трандуил.

— Саурона, ваше величество! — бодро отрапортовал я. — Или самого… Пытался споить стражу при исполнении!

— Удалось? — с интересом спросил король, принюхавшись.

— Никак нет, ваше величество! Такой дозой и муху не споишь, не то что ваших верных подданных! Не рассчитал он, видать… Мы-то привыкли бочками, — сказала Афадель гордо.

— А где его, хм, зарисовка?

— Увидев нас, он бросил ее в ручей, чтобы уничтожить улики, — выдала она. — Но я думаю, у него еще есть.

— Мы решили, что недостойны обыскивать шпиона, — поддержал я, — и доставили его к вам.

— Зарисовка-то уплыла?

— Паук поймал, — сказал я, подумав. — Ну или мог поймать. У него надо поспрашивать.

— Да ну, он такую бумажку и не заметил, поди, — отмахнулась Афадель. — Да и размокла она, я видела.

— То есть если я вас отправлю понырять за доказательством?.. — брови Трандуила вопросительно поднялись.

— Размокло, — твердо ответила Афадель.

— Что ж, обыщем… — пропел Трандуил и подвигал бровями.

— Кто будет обыскивать? — радостно спросила подруга. — Могу я.

— Нет, я сам, — ответил король. — Давно я не обыскивал… пленных…

Кажется, Афадель предпочла бы, чтобы Трандуил обыскал ее, но нет, тот сошел с трона и приблизился к смертному. Смертный затрепетал: вблизи король впечатляет, особенно если улыбается.

— У вас брови на гусениц похожи, — выдал он вдруг, и Трандуил онемел. О гусеницах он даже слышать не мог!

Корона встала дыбом. Олень осуждающе покачал рогами. Он не любил, когда обижали Трандуила.

— В темницу! — рявкнул король.

— Это произвол! Я жаловаться буду! — вскрикнул смертный.

— Кому же ты будешь жаловаться? — с интересом спросил Трандуил. — Саурону? Или кто прислал тебя сюда? Отвечай!

— Какой Саурон? О чем вы?! — вытаращился на него незнакомец. — Я просто пейзаж набрасывал, а на меня кинулись, начали мечами тыкать, потом паука натравили…

— Врет? — спросил Трандуил у нас.

— Врет. Он первым меч выхватил.

— Нападение на стражу границ с оружием — это статья… — Транудил подвигал бровями. но умолчал, что это статья дохода.

Еще он умолчал, что мы были не при исполнении, но это, право, такие мелочи!

— Назовись, смертный, — потребовал он, возвращаясь на трон и величественным жестом закидывая ногу на ногу, — если не желаешь распроститься с головой!

Смертный что-то проблеял. Ну натурально — не понимаю я таких сочетаний звуков. Не по-орочьи, и то хорошо.

— Вы что-нибудь разобрали? — нахмурился Трандуил. Мы

помотали головами. Олень тоже. Даже гусеница — и та мотнула головой и свернулась клубком. Король машинально ее погладил. — Смертный, скажи, как тебя называть, можешь прозвище, потому что имя твое слишком неудобопроизносимо!

— Серый, — буркнул он.

Мы с Афаделью переглянулись и решили, что Гэндальф сильно изменился за лето.

— Митрандир? — спросил король. — Но как… И почему? И что вообще происходит?

Тут он вспомнил, как Леголас перепутал Арагога с Арагорном, и немного успокоился. Тем более, этот Серый никак не мог быть Митрандиром, ну разве только тот изобрел заклинание омоложения и начисто потерял память. Вдобавок, по данным нашей разведки, Митрандир должен был путешествовать где-то в окрестяностях Мордора.

— Ну хорошо, Серый… — протянул король. — Объясни, как ты забрел в мой лес и чем занимался?

— Я рисовал, — с видом оскорбленного достоинства ответил тот. — А забрел… ну как забрел… попал.

"Попал", — явственно читалось во взгляде Афадели.

— С какой целью? — спросил Трандуил терпеливо.

— Рисовал или попал?

— Сперва попал, потом рисовал.

— Я вообще-то художник, — сказал тот. — Довольно известный. А тут пейзажи! Я шел-шел, да и зашел, а тут…

— Известный художник по имени Серый… — протянул Трандуил. — Не слышал… Ладно, посиди пока, а я подумаю. Может, доверю тебе нарисовать портрет моего величества.

— Я не портретист, — гордо ответил Серый.

— Тогда, может. нарисуешь портрет моего оленя? Алексиэль, встань в профиль.

— И не анималист, — стоял на своем Серый. — Кстати, в три четверти будет внушительнее.

— Хм-хм… Может, нарисуешь новое убранство для парадной залы моего дворца?

— Я не мастер по фрескам! И тем более не архитектор.

— …Или фасон новой мантии для меня?

— Я не разбираюсь в одежде!

— Казнить, — коротко сказал Трандуил.

Даже Алексиэль выпал в осадок. Вообще-то у нас казнят только орков, да и то в бою. Но я понимал короля: пришелец вел себя неописуемо нагло.

— Как, ваше величество? — спросила Афадель.

— Можете утопить в болоте, можете паукам скормить,

словом, подберите долгую и мучительную казнь, — сказал наш добрый король. — Он меня утомил. Не вздумайте просто зарезать, это скучно. Потом доложите.

— Будет сделано! — радостно отрапортовали мы. Не потому что такие кровожадные, а потому что больно уж скучно, а казнить при желании можно несколько суток. Так что мы взяли провианту, вина, еще вина (большую часть навьючили на Серого, ему все одно помирать) и пошли в гости к Арагогу.

По дороге шпион пытался вырваться, ложился на землю, обвинял нас в неблагодарности и отсутствии милосердия, обозвал Афадель козой (интересно, почему?), словом, всячески укреплял нас в мысли, что король прав.

— Послушайте, — канючил он, немного угомонившись после моего подзатыльника, — но вы же эльфы! Вы должны быть дивными и прекрасными!

Мы с Афаделью переглянулись. Ну если ему Афадель не прекрасна, а король не дивен, то зачем влачить такое жалкое существование?

Этот вопрос я ему и задал. Ответ убил наповал:

— Ну может, вы еще исправитесь!

Кажется, Афадель готова была преступить приказ и убить его на месте, но тут на тропинку вылез довольный после купания Арагог.

— Шо, в гости идете? — спросил он радушно. — А это хто? Вроде видел я его уже краем левого нижнего глаза…

— Это вам подарок от короля нашего Трандуила, — ответила Афадель.

— Пожрать, что ли? — спросил паучара. — это мы могем. А он не отравленный?

— Нет, просто придурочный.

— А, ну я мозги тогда есть не буду, я их все одно не люблю… — Арагог довольно потер передние лапы. — А так ничего, упитанный! Идите пока в барахле поковыряйтесь, да сдвиньте его к стенкам, не то опять спать негде, а я займусь…

Под визг шпиона мы протиснулись поближе к сокровищам Арагога. и начали выбирать что получше из новенького. Но тут нас настиг недовольный рев паука.

Афадель начала собирать сокровища поживее и успела набрать целую сумку, когда в пещеру ввалился Арагог.

— Король ваш!.. — тут он выдал такое, что я не возьмусь воспроизвести. — Подарочек с сюрпризом прислал!

— Что такое, Арагогушка? — встревожилась Афадель, продолжая под стенания паука выбирать жемчуг из пыли.

— Дак пропал он! Что это, я вас спрашиваю! С тарелки

буквально! — старый паук был в ярости.

Мы по стеночке выбрались из пещеры. Сумку Афадель держала обеими руками, чтобы ничего не вывалилось. Я придерживал набитые карманы. Во фляге постукивали драгоценные камни.

— Мы передадим, что он поступил скверно! — пообещала Афадель от входа, и мы дали деру.

— Сбежал! — уверенно сказала она чуть погодя. — Ну точно шпион!

— Король нас убьет, — сказал я.

— Да ну, — она ощупывала жемчуг в кармане и прочее барахло в сумке. — Он уже забыл поди.

— Ага, забудет он, жди… — Я рассматривал следы. — Гляди, а и правда пропал. Ну не улетел же он! И не орел его унес…

— Ну он же говорил, что к нам попал. А теперь попал от нас. Интересно, куда? — фыркнула Афадель.

— Может, в Мордор, к Саурону, там картиночки рисует…

— Ну что ж теперь делать, вот разве что Саурона жалко. Скажем, что скормили этого Серого Арагогу. Кстати, надо будет ему принести какую-нибудь дичь, кабана хотя бы, а то обидится, и где тогда драгоценности брать?

И мы пошли за кабаном…

Но это уже совсем другая история.

18
Наливные яблочки

— О, лень… — приговаривала Афадель. — О, лень!..

— Я понимаю, что тебе лень, но сбор урожая никто не отменял, — сердито ответил я. — Подай корзину!

Мы сидели на громадной яблоне и обирали румяные плоды. Которые получше — к столу, а похуже — на сидр. Разумеется, вторых было больше.

— Я пытаюсь рифму к "оленю" подобрать, — пояснила Афадель. — Скоро же очередное состязание бардов! Я хочу выступать со своими стихами.

— Тюлень, — брякнул я. — И лучше возьми что-нибудь известное, а то ты со своим креативом всех перепугаешь!

— А чем тебе не нравится… Олень в короне рогатой, что в чаще лесной рожден… дальше я еще не придумала, — созналась она.

— Королем побежден, — подхватил я.

— А Трандуил его победил? — удивилась Афадель.

— Нет, олененком подобрал и из соски выпоил. Но для твоего опуса это недостаточно героически. Опиши, как король столкнулся в лесной чаще с гордым оленем…

— И забодал его короной, — завершила подруга.

— Не в рифму. да и слово не подходящее для бардовского состязания — забодал. Лучше…

Тут корзина, в которую мы складывали яблоки, вырвалась из рук и грохнулась прямо в заросли крапивы.

— Сам туда полезешь, — сказала Афадель, посмотрев сверху на раскатившиеся румяные яблоки.

Я пожал плечами: как знал, надел рубаху с длинным рукавом и замшевые штаны, крапива мне не страшна!

Но тут из кустов выбралась кабаниха с целым выводком.

— Хана яблочкам, — прокомментировала подруга.

Мы грустно смотрели сверху, как с таким трудом собранные плоды, радостно чавкая, пожирают дикие свиньи.

— Ничего, вкуснее будут, — сказал я в утешение нам с Афаделью.

— Ага, только король нам настучит по маковке. Мы не кабанов должны откармливать, а припасы готовить. Останемся вот без сидра.

— Да ладно, мы ж не одни. Леголаса тоже припахали, — возразил я.

— Угу, только он хитрый, он на том берегу мелкие яблоки на сидр обирает. Ну знаешь, карликовые такие яблоньки… А мы тут сидим, как орлы! Спускайся за корзиной, а я полезу наверх, там вон какие яблоки здоровенные!

— Нет уж, я подожду, пока кабаны уйдут, — ответил я присмотрелся и добавил: — Корзину они тоже сожрали.

— Тогда снимай рубаху и завязывай рукава, будем в нее складывать.

— Ищи дурака! Там крапива, — заупрямился я. — Лучше новую сплести.

— Ты ж отказываешься слезать, а из чего тут плести?

— Я попозже слезу, — пообещал я. — Не будут же они там пастись вечно.

Кабаны, будто услышав меня, развалились под яблоней и блаженно похрюкивали. Еще бы, после отборных-то яблок…

— Брось в них яблоком, — сказал я Афадели.

Она прицелилась и метко запустила в кабаниху недозрелым плодом. Та недовольно хрюкнула, подобрала яблоко, сожрала и снова развалилась.

— Не-ет, так мы все яблоки на них изведем без толку, — покачал я головой. — Эх, ну почему мы луки не взяли! Чем бы еще бросить?

— Бронелифчик не тронь! — быстро сказала Афадель. — Давай переберемся на другое дерево, как обычно?

— Это отдельно стоящая яблоня, — мрачно ответил я. — Допрыгнуть вон до того дубка мы допрыгнем, но меня он не выдержит.

— Ты посиди, а я сбегаю за подмогой! Или за луком хотя бы…

— Хм, — я посмотрел вниз. — я бы сам сбегал, только там кабаниха. Она с поросятами знаешь какая злобная? Давай посидим еще, заодно и песню твою придумаем.

— Ну ладно, — кивнула подруга, уселась на сук верхом и с хрустом откусила от наливного яблока. — Все равно пора обедать.

Я тоже начал грызть урожай. Вкусный…

— Значит, говоришь олень в короне рогатой… — тут мне пришла на ум неприличная рифма, и я закусил ее яблоком. — Что в чаще лесной рожден. Был кабаном поврежден?

Афадель кинула в меня огрызком.

— Чтобы олень сцепился с кабаном, он должен быть вообще придурочным. Где ты такое видел?

— Так он не связывался, может, случайно набрел, а кабан кинулся. Они ж буйные! И олени не буйные, по-твоему? —

скептически ответил я. — Гон по осени вспомни.

— Ну вот и встретились два одиночества…

Мы переглянулись. Звучало это перспективно.

— Эх, оленя бы сейчас сюда, — мечтательно сказал я. — Он бы и кабана отогнал…

— Не отвлекай… — прочавкала Афадель. — Вот и встретились два одиночества, олень ветвисторогий с лесным владыкою…

— С кабаном? — не понял я.

— С Трандуилом!

Я поперхнулся яблоком.

— Ты на что намекаешь?

— На дружбу и преданность, а ты что подумал?

— Я-то ничего не подумал, а вот что подумают гости и барды? И Леголас!

— Леголас не похож на оленя, — строго сказала Афадель.

— Ну как сказать… есть что-то в профиль…

— Ты еще скажи, что у него холодный мокрый нос, печальные глаза и хвостик.

— Ну, когда он голодный, глаза у него печальные, — припомнил я. — А нос не трогал, не знаю. Про хвостик тебе лучше знать.

— Он мне его не показывал, — грустно сказала Афадель. — Он его вообще никому не показывает. Ну может, Следопыту разок. Нос тоже мокрый бывает — во время дождя. Так что не знаю, не знаю…

— Афадель, у нас сейчас получится трагическая история лесного принца, зачатого в противоестественной связи короля с оленем, — сказал я. — И нас за это казнят.

— За это нас не казнят, а изгонят, — поправила Афадель. — И мы поедем в Умбар к пиратам!

По ее заблестевшим глазам я понял, что поездка к пиратам — дело вполне реальное.

— А что, это ново, свежо и до нас так никто не писал, — Аафдель оживленно что-то прикидывала.

— Не-не, мама не отпустит, — отперся я.

— Будет король маму спрашивать! — фыркнула она. Пираты манили Афадель со страшной силой. По-моему, налеты их стали намного реже после знакомства с нею: не всякий пират выдержит напор моей подруги. Я-то привычный, и то…

— Значит, повстречался Трандуилу в Лихолесье странный лось… пусть покажется вам странным, но в итоге все срослось!

— Алексиэль олень, — напомнил я.

— А это я для маскировки, — пояснила она. — Лось трубил

на всю округу, Трандуила понося, но в итоге получилось королю поймать лося!

— Нам прилетит еще и от оленя, — мрачно напророчил я. — И от Леголаса.

— А от него-то за что? — удивилась Афадель и вдохновенно продолжила: — Как тот лось ни упирался, ни мычал сквозь зубы "бля!", но никто не вырывался у лесного короля!

Я чуть не упал на кабанов. Во всяком случае сполз вниз по стволу. я не мог решить, где безопаснее — рядом с кабанами или Афаделью.

— Сел король верхом на лося, в общем, круто понеслося! — импровизировала Афадель. — Лихолесье не видало скачки бешеной такой, даже старый акромантул говорил тихонько "ой".

— Знаешь что, давай это будет история укрощения свирепого зверя, а не… а не что-то еще, — предложил я. — Это будет ново, свежо и тебе дадут приз.

— Вообще-то это и есть история укрощения, — ответила Афадель. — А ты о чем подумал, извращенец?

— Зная тебя, можно подумать о чем угодно, — промямлил я. Вот с Афаделью всегда так: вывернется и свалит все на меня. Главное, чтобы соавтором не указала, а то мне от мамы влетит. И от короля.

— Длилась скачка третьи сутки, — развивала мысль Афадель, — не прервавшись на минутку. Вот ослаб наш лось, упал, тут король его и взял.

— Алексиэль обидится, — сказал я. — Он и дольше скакать может. Просто не хочет.

— Он тогда был моложе и слабее. Кормили плохо, — пояснила она. — Значит… Вот уздечка и седло — королю вновь повезло!

— Это конец, я надеюсь? — спросил я.

— Нет, что ты! Это начало! Теперь опишем, как король его любит, расчесывает… ну я не знаю, что там у оленей расчесывают, привязывают ленточки на рога, кормит с рук черносливом, выпасает, моет копыта… Думаю, строф в тридцать шесть можно уложиться.

— Ты забыла "чешет рога", — мрачно сказал я. Кабаниха не собиралась никуда уходить, а творческий порыв Афадели остановить было невозможно.

Спасение пришло неожиданно: на поляну выехал король наш Трандуил верхом на Алексиэле. Кабаниха подозрительно хрюкнула, потом снова заснула.

— Что это вы там прохлаждаетесь? — недовольно спросил король, поглядев вверх.

— Там кабаны, ваше величество, а мы без оружия, — честно ответил я. — Неудобно с луком за плечами яблоки собирать, цепляется!

— А еще эльфы, — поцокал он языком и вдруг хрюкнул. Кабаны живо подорвались и умчались впереди собственного визга. — Слезайте.

— Ваше величество, я про вас с Алексиэлем песню сочинила! — завопила Афадель с макушки яблони.

— Тогда не слезай, — отрезал король. И обратился ко мне: — А ты мог бы подучить всеобщий лесной. Тебе пригодится.

— Я всегда! — заверил я, спрыгивая наземь. — Может, дадите пару уроков, ваше величество?

— Мне некогда, — сказал король. — Обратись к Леголасу.

— И я! — завопила Афадель. — Я хочу брать частные уроки у его высочества!

— Нет-нет, — быстро сказал король. — Только групповые.

— Групповые еще круче! — обрадовалась Афадель. — Леголас придет?

— Леголас занят, он работает, — строго сказал король. — Лучше пусть вас советник подучит.

— Фу, — Афадель кинула вниз яблоко. Алексиэль поймал его на лету и с хрустом сжевал. — Тогда я точно спою, и только попробуйте мне запретить!

— Маме скажу, — пообещал король и тронул оленя. — И не забудьте про яблоки!

Мы переглянулись, и я со вздохом снял рубаху. Мухоморы мы в моих штанах уже таскали, настал черед яблок…

Ну а через несколько дней началось состязание бардов и прочих менестрелей. И отговорить Афадель от участия я не смог: пока мы собирали яблоки, она придумала еще шесть строф и была намерена исполнить их под мой аккомпанемент.

Я хотел было сказать, что порвал струны и вообще потерял лютню, но решил, что это недостойно мужчины. Поэтому я с чувством поцеловал маму перед концертом и приготовил на всякий случай мешок сухарей, смену одежды и лук. И мы пошли выступать в состязании бардов…

Первым выступал сладкоголосый красавец из Лориэна (не тот, который жених Афадели, какой-то незнакомый). Он исполнил балладу о любви к некой неприступной деве, в которой легко угадывалась Владычица Галадриэль. В каком месте она недоступная, интересно, подумал я, вспомнив давнишний инцидент с мэллорном.

Следом явился гость из Ривенделла (тоже не жених Афадели) с воинственной песнью. Мне понравилось, под нее можно было

притопывать и прихлопывать. Сразу видно гномье влияние в музыке!

Потом вышел Следопыт. Я и не знал, что он приехал. Следопыт спел про дружбу и огреб неистовые аплодисменты Леголаса.

Дальше была наша очередь. Я ударил по струнам, а Афадель запела. Голосище у нее такой, что мою лютню почти и слышно не было, я мог тренькать, как угодно.

На втором куплете слушатели запереглядывались. На третьем король выразительно закашлялся, но разве Афадель остановишь? Она была намерена спеть все до конца.

На шестом у меня порвалась одна струна (честно!), но всем было наплевать: все слушали Афадель. Думаю, ее песнь долетала до Минас-Итиля. А может, и до самого Мордора. То-то Саурон порадовался: сел, поди, поужинать, вина выпить, а тут такие кошачьи вопли с двойным подтекстом… Гм. Ну это я увлекся…

Афадель тем временем дошла до эпической сцены овладения королем нашим Трандуилом загадочным лосем, в котором все давно узнали оленя.

Раздались аплодисменты. Это хлопал король. За ним втянулись прочие — как я понял, хотели заглушить песню. Ну не знаю не знаю. Это ж как надо аплодировать! Как бы своды не обрушились.

Афадель прибавила громкости. Теперь аплодисменты звучали как ударные на фоне ее гроула. Лютни моей слышно не было, так что я под шумок перестал играть, прислушиваясь к гулу свода королевского дворца. Ох не нравилось мне это!

Олень бил копытом. Оказалось, он отбивает ритм, и Афадель начала еще и пританцовывать.

Ко мне подошел Леголас и что-то крикнул. Через минуту я сообразил, о чем он спрашивает.

— Уже недолго, — я перекрикивал этот коллективный шабаш. — Всего восемь куплетов осталось.

Я ошибся. За ночь Афадель успела сочинить еще десять, а поскольку переорать ее и потребовать прекратить выступление не могло все жюри вместе взятое во главе с королем, то пришлось слушать… Ничего, кстати, к концу подругу мою унесло в романтику.

Словом, оргия продолжалась, пока Аафдель не допела. тогда наступила мертвая тишина. На короля не решались смотреть, поэтому я не знаю, что выражало его лицо.

— Принесите приз, — сказал он сквозь зубы. Олень ударил копытом.

Приз внесли. Это была золоченая арфа на подставочке.

Ростом с меня.

Я сразу понял, что если ее вручат Афадели, то таскать этот инструмент придется мне. Однако король был настроен решительно.

— Это тебе за песню, — сказал он. Прозвучало двусмысленно.

Афадель прижала арфу к бронелифчику и просияла взглядом и всеми бриллиантами.

— Спасибо! Спасибо, ваше величество! Следующую песнь я тоже посвящу вам, — пылко пообещала она.

— Не надо, — с расстановкой ответил он. Веко у него отчетливо подергивалось. — В следующий раз у нас конкурс исторической песни. Спой что-нибудь о битве… какой-нибудь битве, где не было меня!

— Я спою о битве Леголаса! — пообещала она.

— Я сказал — исторической! Леголаса тогда еще не было!

— Вы все — важные вехи истории, — возразила она, лаская короля взглядом.

Трандуил поплотнее запахнул мантию.

— Второй приз — для Следопыта, — сказал он, и в зал внесли серебряную арфу.

Бронзовая досталась лориэнцу, явно из политических соображений, а ривенделлец получил утешительный приз — кошель с золотом. Лучше б мы с ним поменялись.

— Ну что ж… Пора и попировать, — заявил король и первым двинулся в зал.

Ну а мне предстояло тащить проклятую арфу домой к Афадели. А потом тащить Афадель к ней домой…

19
Дела семейные

— Афадель, я умираю, — сказал я серьезно. — У меня жар.

— Не сдохнешь, — оптимистично ответила она и облила меня холодной водой. — Перегрелся немножко, бывает.

Поскольку она облила меня не только водой, но и ведром, я упал. На самом деле я мог и увернуться, но упасть и лежать было куда приятнее. Пусть даже и в луже, там было прохладно.

— Умираю… — простонал я.

— Ты же эльф! — сказала она укоризненно.

— А что, эльфу уже и помереть нельзя? — обозлился я.

— Помереть — сколько угодно. А вот болеть эльфы не болеют. Если только страдают от тяжелых ран.

Я не нашелся с ответом и встал на четвереньки. Мы вчера укатали столько бочек, что выглядели… непрезентабельно.

— Будешь болеть — маме скажу, — продолжила коварная Афадель.

— А я твоей скажу, что ты вчера на плесе вытворяла, — не остался я в долгу.

— А она не поверит!

— Да ладно! — сказал я с выражением. — У меня свидетелей минимум десяток!

— Это не свидетели, а соучастники! — отбрила она. — Между прочим, у них тоже мамы имеются!

На гражданском законодательстве Афадель собаку съела, так что я не стал спорить.

— А я думал, мы друзья, — горько произнес я и сел, придерживая голову руками. — А ты вот так…

— Ну ладно, — заворковала она, присаживаясь рядом и крепко меня обнимая. — Ну конечно, друзья! Но я же должна тебя как-то подбодрить!

— Ага, вот так… и вот так… да, Афадель, продолжай… — Я зажмурился. — Ты настоящая подруга, у меня уже почти все прошло…

— А что это у вас? — раздался над нами голос Леголаса.

Видимо, Афадель ему показала, потому что шаги удалились куда-то в сторонку.

Я не посмотрел на принца. Во-первых, я его уже видел, во-вторых, был не в силах поднять голову. В-третьих, вчера именно он был инициатором странной игры на выпивание. А в-четвертых, мне просто лень было шевелиться, благо Афадель умела работать

не только руками.

— Ну, выздоровел? — спросила она.

— Ы-ы-ы… — блаженно ответил я. — Башка все еще болит…

— А почему у меня не болит? — вопросила Афадель.

— У тебя сейчас не критические годы…

— Ты на что это намекаешь? — подозрительно прищурилась Афадель. — Что я замуж никак не выйду, да?

— Тебя уже трое сватали, ты всех выгнала, — пожал я плечами и уткнулся во влажный мох.

— Разве это женихи! — презрительно сказала Афадель. — То ли дело наш Трандуил! Или хотя бы Элронд…

— Трандуил тебя не возьмет, — сказал я честно, — ему еще жизнь дорога.

— А Элронд? — сделала она стойку.

— Думаю, тоже не возьмет.

— Ты не оптимистичен, — заявила она и посмотрела в лужу. Увиденное ей явно не понравилось.

— Что же, я никогда замуж не выйду? — спросила Афадель.

— А я никогда не женюсь, с моими-то ушами…

— Одно ухо-то у тебя нормальное, — сказала она завистливо. — Слу-шай, а давай второе отрежем? Типа в бою орки отгрызли. На героя-то любая клюнет. Главное — не перепутать уши.

— Себе отрежь, — огрызнулся я. — Неудачники мы, Афадель. Я вроде рослый, симпатичный, ухо вот с брильянтовыми заклепками, а девушки меня не любят. А ты стройная, красивая, бронелифчик весь в самоцветах, но тебя тоже не любят. Как жить?!

— Ну… минус на минус дает плюс, — сообщила она мне единственное, что помнила из алгебры. Или геометрии — не силен я в науках.

Я вздохнул и посмотрел с намеком.

— Нет, Хвандир, не пойду я за тебя замуж, — скорбно сказала Афадель и пригорюнилась. — Мы-то ладно, а вот дети… детей жалко.

— Каких еще детей? — насторожился я.

— Предполагается, что в браке должны быть дети, — мрачно ответила Афадель. — И если тебе это будет сперва "А-а-а, круто!", а потом "У-тю-тю!", то мне их рожать. Что-то не тянет.

— Ну знаешь! — возмутился я. — Тебе рожать, а мне кормить! И учить!

— Да чему ты научить можешь… — отмахнулась она.

— Всему! Яблоки собирать, с гномами пить, русалокота добывать, мало ли…

— Это я и сама умею, — фыркнула Афадель. — И даже лучше тебя!

— Значит, мне остается только кормить. И на том спасибо.

— Чем кормить?! — ужаснулась она.

— Ну чем там детей кормят, — хмуро сказал я. Разговор о семейной жизни всегда действовал мне на нервы.

— Грудью, — ответила Афадель и показала бронелифчик. К такому я готов не был.

— О груди я как-то не думал, — признался я. — Ну грибы там, окорок, яблоки опять же…

— С ума сошел?! — она покрутила пальцем у виска. — Грибы и окорок… ну ладно яблочное пюре, но такое!

— Я люблю грибы, — обиделся я. — Значит, и дети мои должны любить. Не любят — не мои!

Мы переглянулись и заржали, потому что грибы любили оба. Во всех смыслах.

— Голова прошла! — радостно сказал я.

— Может, тогда сходим по грибы?

— Сезон мухоморов прошел.

— Причем тут мухоморы! Белых наберем, лисичек, опят.

— А дети? — осторожно спросил я.

— Я думаю, нам еще рано, — быстро ответила Афадель, и я выдохнул с облегчением.

К сожалению, наши мамы так не думали.

Мы бы еще посокрушались о своей тяжкой холостой доле, но тут нарисовалась мама Афадели… Не знаю, как она нас нашла, но вышла на наш пятачок как хорошо обученная охотничья собака…

— Доченька, скорее домой! Папа вернулся! — радостно вскрикнула она.

— Неужели! — воскликнула Афадель. — Бегу, мама! Ну, пока он помоется, побреется и переоденется, я и приду…

Папы Афадель я не видел никогда (так же, как и своего) и полагал, что он плод воображения мамы, а не полярный лучник на страже рубежей… А вот поди ж ты.

Афадель убежала знакомиться с папой, а я остался завидовать там, где лежал.

Однако меня звали в гости, пришлось идти.

Увидев папу Афадели, я постарался прикинуться деревом, просто на всякий случай. Это был эльф выдающихся габаритов, куда там королю нашему Трандуилу, а уши его можно было завязывать на затылке бантиком. Должно быть, клюква на севере уродилась…

Это дерево, в смысле папа, прибыл не один. Его спутника я не сразу разглядел за папашиными мускулами. Светловолосый,

молодой, но не слишком, эльф, тоже накачанный будь здоров.

Под туникой бугрились такие мышцы, что я почувствовал себя неполноценным. Думаю, из этого типа получилось бы два, а то и три Леголаса. Насчет Трандуила не уверен. Максимум полтора.

При этом он помалкивал (только ел) и скромно улыбался в некоторых случаях. Говорила в основном мама Афадели.

Мы с подругой начали переглядываться, и это явно заметил ее папа.

— А ты кто? — ласково спросил он у меня.

— Я друг Афадели, — признался я. — Детский.

— А выглядишь взрослым…

— Ну я уже вырос. Я хочу сказать, мы дружим с детства.

— Та-ак… — произнес папа и посмотрел на маму Афадели. — Ты почему не следишь за ребенком?

— За каким еще ребенком? — озадачилась она.

— У нас только Афадель! — рыкнул он.

— Ну так ты бы почаще дома появлялся, — ответила она, и я понял, в кого удалась моя подруга.

Я ожидал, что папа взовьется над столом, но нет, он мирно выпил чарку и протянул ее за новой порцией.

— Ну рассказывай, — предложил он мне. — Кто ты, что ты, какие планы на будущее…

— Я простой лесной эльф, — завел я привычную шарманку. — С Афаделью мы знакомы с детства, а поскольку мало кто может перенести ее нрав, то обычно мы с нею работаем в паре. Охраняем рубежи, строим мосты, пасем королевского оленя, гоняем пауков…

— Подвиги? — деловито спросил он. — Достижения?

— Ничего из ряда вон выходящего. Ну сплавились по Андуину, ну с орками подрались… Скучно!

— Ну ничего, третий сорт не брак, — резюмировал папаша.

Я мысленно выдохнул от облегчения. Третьим сортом я и сам себя считал, а не брак — значит не брак! Похожу холостым.

— Дорогой, — сказала вдруг мать Афадели, притянула его к себе за ухо и что-то зашептала. Тот делался все мрачнее и мрачнее.

— Пора о тебе позаботиться, дочь, — сказал папаша и проглотил ломоть буженины. — Нечего тебе по болотам скакать. Вот смотри сюда — первосортный жених.

Светловолосый красавчик сверкнул улыбкой. Афадель с ужасом посмотрела на меня. "Мало мне было ривенделльских", — читалось в ее взгляде.

— Повернись в профиль, — приказал папаша. Все мы,

исключая маму Афадели, синхронно повернулись в профиль.

Профиль у пришлого эльфа был хорош! Даже мне понравился, только вот Афадель еще сильнее сникла.

— Как тебе жених? — спросил папаша.

— Так себе, — буркнула она. — И нет, папа, замуж я выйти не могу!

— Почему это? — оторопел он.

— А я беременна, — нагло заявила Афадель и погладила отожранный на королевских харчах животик.

— От кого?!

— Не знаю, — задумчиво ответила она. — Может, от Хвандира, а может, от Леголаса. Или даже короля нашего Трандуила.

Я запаниковал. Может, королю нашему Трандуилу и удастся в этом случае избежать неприятностей (читай — трепки), а мне нет. Бить будут вдвоем, а если не повезет, то мама Афадели еще расскажет моей…

— Нет, Афадель, мы с тобой последний раз переспали месяца два назад, а пузо у тебя на все шесть тянет! — додумался сказать я. — Так что это точно король!

Что тут началось… Правда, большую часть мне удалось пересидеть под столом, но звукового сопровождения никто не отменял.

Главное, родители Афадели ушли к королю, а мы с ней улизнули к паукам, там как-то безопаснее.

— Ты с ума сошла такое говорить? — выговорил я, когда мы оказались на безопасном расстоянии.

— Ну а как иначе было вывернуться? — удивилась она и вытащила из-под туники подушку. — Тебя не обвинили, а на короля где сядешь, там и слезешь!

— Это пока, — я вспомнил мускулы папаши и его приятеля. — Тебе этот красавчик с севера не понравился, что ли?

— Трахнуть можно, — сказала Афадель, — а так… я не увидела тени мысли в его взгляде!

— Ну какие еще мысли, когда сидишь за столом с выпивкой, закуской и красивой девушкой! — удивился я. — Только одна: как бы это все употребить.

За это я получил по загривку, но так, чисто символически. Мы оба любили выпить и закусить. И девушек. То есть я девушек, а Афадель наоборот. Словом, мы были идеальными напарниками. Поэтому и не собирались сочетаться законным браком, нас все и так устраивало.

Но не устраивало наших мам. А теперь, как выяснилось, и отца Афадели. Учитывая его мускулатуру, с его мнением

придется считаться. Я неожиданно понял, что отсутствие отца — это бонус, а не наоборот, как думал еще недавно.

— Что делать? — спросила Афадель сквозь зубы.

— Пойдем к королю, — ответил я. — Думаю, он нас поймет.

Король наш Трандуил успел выпить, а потому был благодушен.

— Что еще натворили, сволочи? — спросил он.

— Благословите, ваше величество! — попросила Афадель и упала ему в ноги.

— Кого? — он резво подобрал мантию.

— Нас! — жарко ответила подруга.

— На что?

— На брак! — сказал я. — В перспективе. Ну… отдаленной.

— Насколько отдаленной? — король сегодня был придирчив.

— Очень! — ответила Афадель. — Мы еще слишком молоды, ну, вы поняли…

— Не настолько вы и молоды! Я в ваши годы… Впрочем, не стоит об этом.

Олень сделал вид, будто он не в курсе.

— Ва-а-а-а-ше величество, — захныкала Афадель, — ну что вам стоит? Я не хочу в Лориэн!

— Зачем тебе в Лориэн? — насторожился король.

— Так папа привел жениха оттуда! Я не пойду, я тут хочу жить, — кинулась она в ноги Трандуилу.

— Твой отец вернулся? Так это ж повод! — обрадовался Трандуил. Как я уже говорил, он временами становится чересчур благодушен.

— Да мы хоть пять бочек прикатим, только не отдавайте меня! — вскричала Афадель.

— Не отдам! — опрометчиво пообещал король.

— Спасибо, ваше величество! — Афадель кинулась ему на шею и влепила такой поцелуй, что у Трандуила глаза на лоб полезли. — Век не забуду вашей доброты! Или два…

Потом она оторвалась от короля, цепко схватила меня за руку и крикнула:

— Бежим!

— Зачем, ты же договорилась с Трандуилом, — вяло отбивался я.

— В лесу надежнее, — убежденно ответила она. — Король сегодня в духе, а назавтра мало ли что ему в голову взбредет, он же непредсказуемый!

И мы помчались, без оленя, правда, да и не утро было, а вечер, но когда нам это мешало?

Укрылись мы в паучьем овраге: Арагог храпел так, что

деревья дрожали, но мы к нему привыкли и не боялись.

— Пересидим, папаша надолго не останется, максимум лет на пять, — утешила меня Афадель.

— Думаешь? — спросил я.

— Ну… последние пятьдесят лет я его не видела, — честно ответила она.

— Да тебе и всего-то пятьдесят два!

— Ну вот и не видела!

Сидеть пять или пятьдесят лет в овраге не хотелось.

— Как бы выжить папеньку? — вслух подумала Афадель и вдруг подпрыгнула. — Идем за орками!

— С ума сошла? — отреагировал я. — С нас король потом семь шкур снимет.

— Да нет, мы их найдем, раздразним, папаша точно побежит воевать, а там видно будет, — радостно сказала она и потянула меня за руку. — Дракон был бы лучше, но идти далеко…

— А если твой красавчик не побежит за твоим папенькой? Кто будет с ним разбираться?

— Ты, — четко ответила Афадель.

— Почему я? — возмутился я. — Он твой жених, не мой!

— Но король нас благословил!

— На будущее, — напомнил я. — На отдаленное будущее.

— Но это наше будущее! — с придыханием сказала Афадель, зыркнула в сторону и вдруг сгребла меня за воротник и смачно поцеловала. Я посмотрел в ту же сторону: потенциальный жених стоял с приоткрытым от изумления ртом.

Чтобы не видеть этого неэстетичного зрелища, я приник к губам Афадели.

Этим, само собой, не ограничилось, так что жених мог и челюсть потерять, но нам было уже не до него.

— Может, правда поженимся? — спросила Афадель. — Чтоб отстали?

— Не, — сказал я. — Будущее так будущее.

А то вот так женишься и будешь мучиться три эпохи подряд!

20
Эксклюзив

Афадель, как водится, ввалилась ко мне без приглашения, веселая, вся в какой-то пыльце и травинках.

— Пошли! — сказала она. — Там король пир затевает, зовет тебя наш фирменный компот варить. И ржет, явно намекает… Надо еще ягод набрать. Правильных ягод, — добавила она с нажимом.

— Ну пойдем… — потянулся я. Идти мне никуда не хотелось, но раз король приказал, придется тащиться на нашу делянку. Хорошо, черенки прижились, а то идти бы нам по жаре на болото!

— Ух ты, а что это у тебя? — присмотрелась Афадель к моей обуви.

— Домашние тапки, — ответил я. — Не в сапогах же париться… Хочешь, и тебе сплету? Меня один вастак научил.

— Круто, — завистливо сказала Аафдель. — А на каблуке можно?

— Надо попробовать, — сказал я, подумав. — Дай-ка ногу…

Я прикинул размер и кивнул:

— Пошли, лыка надеру, все равно в сторону делянки идти. А сплести — это недолго.

— Ягод я сама наберу и компот сварю, — быстро сказала Афадель. — А ты делом займись!

— Ты их, главное, не перепутай, — попросил я.

Мы открыли для себя такую вещь, как перекрестное опыление, поэтому надо было обращаться с ягодами аккуратно, некоторые вызывали странный эффект.

И мы пошли драть ягоды и собирать лыко, то есть, конечно, наоборот.

Афадель контролировала процесс плетения с таким вниманием, что я стал опасаться за компот.

— Ты в котел смотри, — поучал я ее, доставая из котла невесть как попавший туда папоротник. — Я и сам сплету.

— Ты давай на каблуке плети. И лучше цветные. Или нет, давай еще сверху как сапожок, только ажурный. И чтобы пальцы выглядывали, а то жарко.

— Ладно, ладно, сделаю, — отмахнулся я, прикидывая, как соорудить каблук. — Не отвлекайся, тебе говорю!

— Ну мне же интересно, — обиженно ответила она, не глядя помешивая поварешкой. В котел угодили две мухи, но это нас не смущало: выловили и выкинули, а владыка один балрог за

процессом не наблюдает. Ну то есть мы так думали. Потому золотистую бронзовку даже извлекать не стали — пусть дает цветность и навар.

— А с узорчиком можешь? — продолжала фантазировать Афадель, не глядя на варево.

— Соломку цветную вплету, — терпеливо ответил я, любуясь делом рук своих. Все-таки я креативен. — А вместо помпончика — репейник. Или ромашки, тебе что больше нравится?

— Нет, сплети из лыка! Какой же ты эльф, если не можешь сплести помпончик!

Я махнул рукой. Афадель бывает невыносима. В такие моменты я думаю, что ей пора замуж, но это просто следует пережить.

В итоге я почесал в затылке, скрутил из бересты роскошные розы и прикрепил их на мыски туфель. По-моему, получилось очень даже ничего!

— Готово! — сказали мы с подругой одновременно. Я рассчитывал на лишнюю порцию компота, а Афадель принялась мерить обновку.

— Не жмет? — спросил я. — Не натирает?

— Вроде нет, — довольно ответила она, притопнув, — я только лопушок подложу, а то пяткам щекотно с непривычки.

На каблуках она сделалась ростом с меня.

— Какой ты мелкий! — сказала она с чувством собственного превосходства. — А сделай мне каблуки повыше! Тогда я буду ростом с Трандуила и буду видеть твой затылок!

— Тогда тебя король живо приземлит, — осадил я подругу. — Нечего над ним возвышаться, он злопамятный.

— Кто злопамятный? — спросил Леголас, подкравшийся незаметно.

— Саурон, конечно, — ответила Афадель, присев на пенек и живо сняв туфли. Видимо, хотела сделать сюрприз.

— Элронд, — включился я в игру. — И Келеборн.

— А что это у вас? — спросил Леголас, рассматривая обувь Афадели.

— Народное творчество, — ответила Афадель и убрала туфли за спину. — Тренируемся в рукоделии, ну и компот варим. Попробовать не желаете, ваше высочество? Оценить, так сказать, букет?

— Нет-нет, спасибо, — отказался он, глянув на букет клевера и ромашки в котле, после чего сбежал якобы по делам.

— Зря, клевер очень полезен, — наставительно сказала Афадель ему вслед. — Хвандир, ты не вздумай еще кому такие туфли плести, слышишь?

— Конечно, у тебя будет эксклюзивная модель, — выговорил я мудреное слово, которое узнал от умбарцев. — Ты не беспокойся, у меня все вещи разными получаются.

— Да-да, — сказала она скептически. — Одна больше, другая меньше.

— Так у тебя левая нога больше правой, — не остался я в долгу. — Я это учел!

— Не ври! — возмутилась Афадель и сунула ногу мне к лицу. — сам посмотри.

Я в отместку пощекотал ее за пятку и едва увернулся, не то ходить бы мне с расквашенным носом.

— Что это за стриптиз? — раздался голос короля. Не только я знаю разные интересные умбарские слова.

— Ногу занозила, ваше величество, — тут же нашлась Афадель, — вот Хвандир помогает занозу вытащить, а то мне так не извернуться!

— Давай я посмотрю, — предложил король. Он у нас добрый и сочувствующий.

Афадель охотно сунула ему под нос другую пятку.

— Подуйте, ваше величество, — сказала она, — и все пройдет!

Слава всему сущему, она не добавила "от вашего выхлопа".

— Я не понял, в которой заноза? — удивился он и вытащил кинжальчик. Ну как кинжальчик… В локоть длиной, тонкий и острый.

И пощекотал острием пятку Афадель. Та захихикала и свалилась с пенька так, что спиной закрыла туфли, а ногой едва не сбила с Трандуила корону. Тот поспешил отпрянуть от буйной подданной.

— Компот дегустировать будете, ваше величество? — спросила она.

— Нет, это для гостей, — ласково улыбнулся он и удалился.

— Ничего себе у вас с королем игрища, — позавидовал я и выпустил ее вторую ногу.

— Ты чего меня роняешь? — возмутилась она.

— Я тебя не ронял, ты и так лежишь, — сказал я. — За компотом смотри, а то сбежит!

— Так огонь я погасила. И вообще, это не для короля, это для гостей. И так сойдет.

Я окунул палец в котел и лизнул. Кислятина жуткая, к тому же Афадель перебрала с малиной и ромашкой. И уши как-то не реагировали. Самому придется доделывать, вздохнул я и бухнул в котел травки. То есть я хотел травки, а бухнул оставшееся лыко, после чего, ругаясь на чем свет стоит, вылавливал его из котла

голыми руками. Лучше от этого варево, конечно, не стало.

— Ты б еще березового сока подлил, — сказала Афадель.

— Не сезон, — буркнул я, выкинув последний ошметок лыка. — Так вроде получше. И цвет приятный.

Кулинар я очень даже неплохой, мама так говорит, только отказывается есть мою стряпню.

Я порыскал по кустам и добавил в варево горсть земляники, немного костяники, какой-то незнакомый гриб и десяток прошлогодних орехов из беличьего дупла. Для нажористости. Тем более что компот гостям. Не поймите превратно, я люблю гостей, но гости короля — это какой-то сюр (еще одно умбарское словцо). Не вполне понимаю, что оно означает, судя по описанию капитана — нечто вроде русалокота. И даже без смайлика. Но словцо хорошее — те, кто его слышал от меня, немеют на срок до получаса.

Жаль, на маму это не действует. Видимо, она знает, что оно означает, либо слыхала в своей жизни еще и не такое… Как многого я не знаю о маме!

И она, главное, молчит. Ну то есть не молчит, конечно, если я что-то делаю не так, по ее мнению, а насчет всего интересного молчит, как нолдор об лед.

Ну да будет о маме, ее и так слишком много.

Решив, что компот уже готов, мы подождали, пока он остынет, перелили в кувшины и перетаскали во дворец. Я перетаскал, Афадель сказала, что она хрупкая девушка. В каком месте, интересно? Видимо, в каблуках. А олень был занят — король поехал на охоту. Кабана гостям подстрелить.

Но как бы то ни было, я все перенес на своем горбу. По дороге отпил — неплохо получилось, лыко внесло какую-то свежую нотку в традиционный вкус.

Уши бодро стояли, я пошевеливал ими, проверяя длину — чуть больше нормальной, ну так я и выпил два глотка, я же не Келеборн! Тот как дорвется, так и хлебает, с похмелья-то. А Трандуил гнусно хихикает, глядя на него. Сам-то он рассол предпочитает, точно знаю.

И вот снова съехались гости (конечно, на халяву все выпить и закусить рады!) из Ривенделла и Лориена, и еще откуда-то, я всех и не упомню. Меня приставили к компоту и настоятельно попросили не появляться на глаза высоким гостям с моими заклепками, пока оные гости не перепьются. Только вот про Афадель король каким-то образом позабыл…

Она и явилась во всей красе. Нет, не во всей, она была без бронелифчика, в одной лишь легкой тунике, которая мало что прикрывала. И в плетеных туфлях моей работы. Афадель их

творчески доработала: воткнула в середку берестяных роз по рубину и доработала горным хрусталем.

Владычица Галадриэль чуть не подавилась, когда Афадель, постукивая каблуками по полу, прошлась перед гостями.

— А что это у девушки на ногах? — с интересом спросил Келеборн, разглядывая голые коленки Афадели.

— Новая мода, господин, — сказала та игриво. Да, Келеборна она еще тоже не пробовала, впрочем, какие ее годы. — Плетеная обувь. Идеальна для лета, не жарко, как в сапогах, а колючки не страшны! И делается очень быстро…

— Как интересно! — Элронд со свитой тоже уставились на коленки Афадели, хотя плетеные туфли далеко не доходили до них, как, впрочем, и подол туники. — Может быть, взять дочке?

— Это эксклюзивный экземпляр, — тщательно артикулируя, произнесла Афадель и подмигнула мне. Я понял, что а) липы в округе скоро лишатся коры, б) я неплохо заработаю, хотя большую часть наверняка отберет король наш Трандуил как налог за занятие незаконной предпринимательской деятельностью. И с Афаделью делиться придется. — Стоит бешеных денег!

Владыки запереглядывались. Галадриэли явно хотелось продемонстрировать подданным стройные (и вовсе не мохнатые) ноги, Элронду — сделать подарок Арвен, может, выйдет все же замуж, а Трандуил откровенно подавлял желание стукнуть нас с Афаделью своим посохом: как же, не у него первого оказался этот вот… эксклюзив!

Я приосанился и подлил гостям компота, подавив желание рявкнуть на весь зал: "В очередь, сукины дети!" Не знаю, откуда это взялось в моей голове, но высказаться хотелось нестерпимо.

Афадель прохаживалась вдоль стола, демонстрируя обновку и поигрывая подолом. Взгляды матери она игнорировала, как, впрочем, и обычно. А отец ее, которого, кстати, так и не удалось выгнать обратно… откуда он там явился, наблюдал за дочерью с большим удовольствием. Потенциальный жених тоже, но после того, как Афадель надела ему на голову котелок и хорошенько по нему постучала, руки к ней не тянул.

— И кто же творец этого… э-э-э… образца? — спросил король. — Может быть, он объявится и сможет пояснить, каким образом желающие могли бы обзавестись такой, хм, обувью?

— Конечно, ваше величество, — тут же сказала Афадель, делая мне знаки, чтобы скрылся с глаз долой. — Он живет в лесной чаще, вдалеке от двора. А я его посредница. Так что все заказы — мне. Размеры, пожелания по части размера, фасона и украшений. Да, драгоценности ваши, в лесу каменья взять неоткуда! Цена договорная.

Я только подивился ее деловой хватке. Интересно, от кого она этого нахваталась, прошу прощения за каламбур. Но я скрылся за большим кувшином с компотом и продолжал наблюдать. В принципе, нас мог выдать Леголас, но он помалкивал. Пока. Наверняка закажет такую обувку или оплетку на лук. Ладно, сделаю, долго ли, лишь бы не выдал… И я показал принцу кулак, а потом прижал палец к губам. Он кивнул, стало быть, понял.

Принц у нас вообще понятливый. Про компот он тоже все давно понял, поэтому не пил, а пил, на пару со Следопытом, вино из папиных подвалов. А потом помогал папе ржать над гостями и их ушами… Они вообще смешливые, эти наши король с принцем. Только их чувство юмора мало кто разделяет, а если разделяет, то редко добровольно. Но я отвлекся.

Афадель уже набирала заказы, как я понял, и первым успел Элронд. Чувствовалось, ему не терпится сбыть дочку с рук. Хотя, кто его знает, может, он этому своему Линдиру заказывает? Или сынишкам? Мне-то все равно, я заказ выполню, главное, чтоб платили. И чтоб четко расписали требования, а то знаю я их. то лыко не свежее, то береста не того цвета, то бриллианты не так приделаны… Тут я подумал, что Афадель тоже наверняка это учла, и бриллианты запросто можно подменить ортоклазами.

Или лучше не стоит… а то можно и по ушам получить. С другой стороны, о мое ухо даже владыка руку отобьет.

А если делать все, что заказали гости, то работы мне хватит до Второй Музыки. Причем без перерыва на еду, сон и выпас оленя.

— Вот видишь, — довольно сказала Афадель, показывая мне свиток, — я обеспечила тебя делом. Чур, треть моя!

— Четверть, — вкрадчиво произнес король наш Трандуил, подкравшись незаметно. — Половина — в казну. На остальное развлекайся, Хвандир, и я еще припомню тебе, что не меня ты одарил первым!

Я посмотрел ему вслед и вздохнул. Придется потрудиться…

Афадель хихикнула и перевернула свиток.

— А вот это — реальная стоимость, — довольно сказала она. — Пошли за лыком!

21
Нашествие варвара

— Хвандир, это катастрофа…

— Афадель, это ужасно! — выговорили мы хором и хором же закончили:

— Мама хочет внука!

— Одного на двоих, что ли? — спросил я после паузы.

— Только не от тебя, — быстро уточнили мы опять же хором.

Я открыл рот и благоразумно закрыл, опасаясь снова говорить хором с подругой.

— Тебе хуже, — с жалостью сказала она. — Я кого хочешь завалю, хоть принца, хоть короля, а ты…. Тебе жениться придется, и ладно бы на мне…

— Зато тебе рожать, — огрызнулся я.

Афадель задумалась…

— Ты Трандуилу не ляпни, — продолжал я. — А то он ввалит тебе, пожалуй. Да и мне за компанию.

Мы угрюмо переглянулись. При имени короля у нас в головах забрезжила одна идея. На двоих.

— А давай, — сказали мы хором и умолкли.

— Давай, — начал я, — скажем, что король послал нас искать себе спутников жизни. И уйдем!

— И далеко пойдем? — спросила Афадель, скрестив руки на бронелифчике.

— Да хоть к умбарцам. Или оркам. Все лучше, чем рожать!

— А ты уверен, что король подтвердит?

— А мы будем уже далеко! Или скажем, что мамы хотят внуков от него!

В общих чертах план был готов. Мы заодно могли бы сманить с собой даже Леголаса. Ему тоже король намекал на внуков. Я слышал, как он орал, причем так, что пауки прятались, а с деревьев осыпались листья. Принц, однако, был стоек. Словом, он вполне мог бы составить нам компанию, но вряд ли бы согласился: ему больше нравилось приключаться в одиночестве или со Следопытом, чем со мной и Афаделью, потому что последняя была неутомима, и два спутника ее не смущали. А внуков от Афадели я бы даже королю не пожелал.

Осталось только привести план в исполнение. Мы решили основательно собраться, прежде чем объявить о своем уходе. К сожалению, оленя нам никто бы не дал, поэтому многое пришлось оставить на разграбление матушкам. Остальное мы

припрятали у Арагога.

Зато вещмешки набили туго… Нужно было только оповестить короля.

Ну как оповестить… Мы сказали одной служанке, что на рубежах неспокойно. Второй мы сказали, что идем бить орков. А стражнику — что за суженых.

Так, дезориентировав соплеменников, мы углубились в лес. Вопрос, куда идти, перед нами не стоял: Афадель манил Андуин и все, что к нему прилагалось — типа пиратов. Я мог даже не сопротивляться, да и желания не было. Видел я невест по матушкиному выбору, пираты лучше. У них всегда есть выпить, закусить и веселые байки!

Поэтому мы отпраились вниз по Андуину. Конечно, было не так весело, как когда мы просто плыли, но все-таки мы продвигнались вперед довольно бойко — верхом на бревне, потому что последнюю лодку мы тогда оставили Следопыту, а сплавляться в бочках как-то не хотелось. Не наш это метод! Правда, бревно распрощалось с нами задолго до водопадов… Хорошо еще, мы успели до берега добраться, а то полетели бы ласточками с Рэроса!

Мы решили, что это знак судьбы, и устроились у костра, чтобы просушиться и поесть горячего.

Разумеется, готовить пришлось мне, потому что Афадель промокла, замерзла и теперь сушила одежду у огня. А запасной она не взяла.

И тут какой-то леший вынес на нас странника. Не Следопыта, того мы знали в бороду.

Странник выпучил глаза и поперхнулся. На этот звук мы и обернулись.

— Чего тебе, смертный? — спросил я недоброжелательно. Мне не хотелось делиться едой неизвестно с кем. Вот стрелами — пожалуйста… Или даже Афаделью, ей-то какая разница? В принципе, пришелец был достаточно интересен, ну, если отмыть: ростом с меня, только вдвое шире, мускулы под загорелой (или немытой, не знаю) шкурой бугрятся, глаза светлые, волосы теоретически тоже… Афадель приняла боевую стойку бронелифчиком вперед.

Это вызвало у путника новый приступ кашля. Аллергия у него на бриллианты, что ли? Однако взглянув на ожерелье, красующееся на мощной шее, я подумал, что там не аллергия, там, скорее, привыкание. Как у короля нашего Трандуила. И тут мне пришла в голову гениальная мысль…

Я ткнул Афадель в бок и показал на ожерелье. Подруга нахмурилась, но до нее моментально дошло, что я имею в виду.

— Приветствую, о путник, — сказала она приветливо. — Не желаешь ли присесть у нашего костра и отведать простого охотничьего ужина?

Путник справился с кашлем и энергично закивал. Я подвинулся, давая ему место у костра, а сам разглядывал его вооружение. Стандарт: меч, лук, колчан со стрелами на поясе кинжал. Вместо доспехов кожаная куртка на голое тело.

Афадель приняла эффектную позу, выгнув спину.

Ей было чем похвастаться, поэтому путник начал пускать слюну.

— Как зовут тебя, неизвестный герой? — спросил я невозмутимо. Я к прелестям Афадели давно привык.

— Конан, — выговорил тот, усилием воли заставив себя отвести взгляд. — Я варвар с востока. Скажи, не нужны ли тут наемники?

— Вряд ли, — покачал я головой. — Воинов тут хватает…

Тут я перехватил взгляд Афадели и быстро добавил:

— Но если желаешь, мы отведем тебя к королю, пусть он решит! Но учти, король любит богатые дары…

— Я могу принести ему любые дары, какие он пожелает! — похвастался путник и скосил глаза на костер. Там как раз обугливался заяц.

— Наш король любит драгоценности, — намекнул я.

— Я могу достать любые! — настаивал он. — Стоит только приказать. Ну и заплатить, конечно…

— Ты не понял, смертный, — вкрадчиво произнесла Афадель. — За право говорить с нашим королем ты должен заплатить ночью с его жрицей, то есть со мною, и отдать что-нибудь ценное… например, меч.

— Нет, только не меч! — возмутился он.

— Секиру?

— Нет, о чем ты, женщина!

— Ну тогда хотя бы эту побрякушку… — Афадель потянула за ожерелье.

— Побря… но это могущественный амулет, который подарила мне жрица одной богини! — возмутился он. — Она сказала, чтобы я его не снимал никогда!

— Ты на мой амулет посмотри, — подруга выпятила грудь. — Вот его снимать точно не стоит, а то тебя удар хватит. Но если ты снимешь свой, я в долгу не останусь…

— Соглашайся, — прошипел я. — Жрица владыки нашего Трандуила подарит тебе такую ночь, которой ты никогда не забудешь!

"Если выживешь", — цинично закончил я про себя.

Варвар сглотнул и снова посмотрел на амулет, в смысле бронелифчик Афадели. Кажется, попался… Афадель тоже это поняла, потому что отвернулась, как бы передумав, и потянулась.

Бронелифчик с лязгом расстегнулся (коварная Афадель явно заранее оттянула задвижку в крайнее положение). Варвар потерял дар речи и рванул с шеи драгоценное ожерелье, оно полетело в крапиву.

— Я пойду погуляю, — дипломатично сказал я, натянул рукава на ладони и добыл украшение. За такую цацку король наш Трандуил разрешит нас от брака еще лет на сто как минимум.

Угулял я примерно на полторы мили, однако чуткие эльфийские уши все еще слышали доносящиеся от костра звуки. Там то ли кого-то ели, то ли наоборот. За Афадель я не тревожился, а цацка была со мной.

Присев под старым дубом, я выковырнул из ожерелья пару камушков посимпатичнее (с дырами в оправе король ходить не будет, а кого пошлет к гномам? Правильно!), немного покорябал его камушком для достоверности и остался доволен.

Светало.

Я завернулся в куртку поплотнее и уснул. Потому что Афадель не переждешь, и подозреваю, не переживешь…

Я был прав. Когда к утру я вернулся к нашему лагерю, довольная подруга восседала на спящем мертвым сном варваре и чистила ногти его кинжалом.

— Ну что, поведем его к королю? — спросил я.

— А как же, — ответила та и начала распихивать по карманам еще какие-то побрякушки. — Держи, это тебе, тебе, а это мне, мне, мне… У него целая торба с собой… была. Но он ведь сказал, что может добыть еще. Это ж золотое дно!

— Днище, — поправил я.

Афадель скосила на меня глаз и сурово спросила:

— Где завтрак?

Я не спорил. После блестяще проведенной операции (ну да, лучше именовать это операцией) она имела на это право, поэтому я живо обскоблил с костей недогоревшую зайчатину и подал подруге на листе лопуха, не забыв добавить мухоморчик в качестве украшения и вручить свою фляжку. У варвара нашелся козий сыр, так что Афадель не стала привередничать и откушала с удовольствием. То есть быстро умяла все и сообщила, что хочет еще. Я не стал уточнять, чего именно, а взял лук и отправился в лесок.

Пару часов и три перепелки спустя я услыхал за перелеском знакомые звуки и тяжело вздохнул: очевидно, Афадель решила, что еще недовыпотрошила жертву, и взялась за свое. Зато у меня

было время не только поохотиться, но и приготовить добычу и поесть… Остатки совести заставили меня принести последнюю перепелку к костру.

Варвар со странным именем пытался куда-то уползти, но это крайне сложно сделать, когда на тебе сидит Афадель.

Она довольно потрясла мешочком с изумрудами и вгрызлась в перепелку. За такую добычу я готов был охотиться хоть весь день напролет!

— О, да вы встали! — сказал я с фальшивым изумлением. — Как спалось?

— Кому спалось? — удивилась она.

— Вам, — я сделал ей знак бровями.

— Нам не спалось, — проворковала она, — мы были такие зайки, такие попрыгучие, такие могучие! Да, Конан?

— Ы-ы-ы, — ответил он, лежа мордой во мху.

— Коначик со мной во всем соглашается, — мурлыкнула Афадель. — Он хороший. Король его полюбит.

При этих словах варвар попытался уползти на собственном носу.

Не тут-то было. От Афадели еще никто не уходил. Даже орки и варги. Лишь бы на троллей не перешла…

— Идем, дружок, — ласково позвала она, вставая и одеваясь, — король ждать не будет, на то он и король! Мы-то простые эльфы, да и ты, я смотрю, не из владык…

Общими усилиями мы одели варвара, а я прицепил ему к ножнам меч и вручил лук. Ну и поставил на ноги.

— Нам туда, — взяв его под руку, Афадель указывала путь.

Тот кое-как ковылял, а об ожерелье даже не вспоминал, молчу уж об изумрудах. Те мы припрятали в дупле, где обычно храним НЗ на случай лютого похмелья. Изумрудов там хватило бы еще на эпоху как минимум.

Так мы продвигались по направлению к дому. Афадель шагала бодро и тащила за собою варвара. Я бдил сзади. Чтобы никто не потерялся по дороге. Очень хотелось потеряться самому, но меня влекло чувство долга.

— Это что такое? — спросил король наш Трандуил, когда мы привели к нему Конана.

— Лесная фея… — открыл тот рот, и владыка тихо зарычал. Мы на всякий случай присели.

— Этот варвар, — сладко проворковала Афадель, не выходя из полуприседа, — жаждет послужить вашему величеству. Сами посмотрите, какие дары он вам принес!

Я развернул ожерелье, и глаза Трандуила вспыхнули.

— Боюсь, варвар немного его повредил, а может, таким и

нашел, но взгляните, ваше величество, какая работа, какие камни!..

— Ну-ка дай взглянуть поближе… Да, недурно! Нужно только заменить этот изумруд, уж найдется почище, ну и вставить утерянные камни, — сказал король, едва ли не облизнувшись.

— Он сказал, что может добыть еще, — добавила Афадель.

Взгляд короля сфокусировался на варваре. Он задумчиво оглядел его с ног до головы и снова облизнулся. Мы-то знали причину, но варвар не знал! Он отступил на шаг, но там плотной стеной стояли мы!

— Ну куда же ты, — проворковала Афадель. — Не ты ли обещал все сокровища подлунного мира за мою любовь? Ты ее получил, изволь расплачиваться…

Я не я буду, если не видел, как Трандуил заржал в рукав. Все-таки у короля специфическое чувство юмора.

— Разумеется, мы обсудим этот вопрос с более… материальной точки зрения, — добавил он. — Ну там еда, обмундирование, оружие.

— Еда… — сказал варвар и тоже облизнулся. — Хорошо!

Мы с Афаделью посмотрели на короля. С намеком.

Тот позвал советника и приказал:

— Поставьте этого вот на довольствие. А назначьте… Помощником казначея. А вы останьтесь.

Мы и не собирались уходить, если честно.

— За ожерелье благодарю, — сказал король, когда варвара увели ставить на довольствие. — Однако…

Я тут же припал на колено и протянул на ладони несколько изумрудов.

— Хвалю… — протянул он с нажимом, но Афадель всем своим видом показывала, что и так достаточно постаралась. — Какой награды вы желаете?

— К оркам, — хором сказали мы. — Защищать рубежи Лихолесья!

Король вздернул брови.

— Оригинально, — протянул он. — Стало быть, к оркам? Не золото, не должность — к оркам?

Мы дружно закивали, Афадель продемонстрировала бронелифчик, я — заклепки, и король все понял.

— Ну что ж, я удовлетворю вашу просьбу. Заодно проводите Следопыта, ему тоже… к оркам.

Доброта короля нашего Трандуила была известна далеко за пределами Лихолесья, поэтому мы не стали спорить, а исполнили его приказ. А уж как он будет договариваться с нашими маменьками, нас точно не волновало!

22
Верное средство от головной боли

— Не болит голова у дятла, — задумчиво произнесла Афадель, держась за висок.

— Пить надо меньше, — ответил я.

— Причем тут пить, я опохмелилась… — пробормотала она. — У меня ЭТО.

— Что? — не понял я.

— ЭТИ ДНИ, — жутким голосом повторила Афадель. — Как же я завидую смертным! Всего неделя — и отмучилась, а тут…

— То-то ты нервная последние три месяца, — посочувствовал я.

— Это я еще не нервная! — ответила Афадель. — Это я еще терпимая, а р-р-гх!

— Зато не залетела, — утешил я, благоразумно отходя на расстояние броска. — Ты же не хотела? Ну и вот.

Бросок кедровой шишкой по голове на пару секунд отключил меня от действительности. И где она ее достала, такую здоровую? Спасибо, не умбарский кокос, им и убить можно!

— Эй, — сказал я, — теперь и у меня голова болит.

— На пару поболеем, — злорадно ответила она.

И надо же было в этот момент вынести на нас короля!

— Чем-чем вы болеете на пару?

Чувствовалось, он и сам опасался подхватить от нас что-нибудь специфически умбарское. Кроме лексикона.

— Это ужасно, ваше величество! — заговорила Афадель, забыв о головной боли. — Я просто умираю… умираю от кровопотери!

Трандуил нахмурился. Потом оглядел подданную: та не выглядела раненой.

— Ужасно, — повторила она и распростерлась на травке с видом умирающей. — Такая боль… везде!

Трандуил потыкал в нее веточкой.

— Здесь болит? А здесь?

— Показывайте лучше на Хвандире, — капризно сказала она. — А меня оставьте… умирать.

Добрый король потыкал веточкой и меня, я захихикал — было щекотно.

— Я не умираю, — заверил я. — Это исключительно женская беда, ваше величество. Уж вы-то, с вашим многотысячелетним опытом, должны бы знать!

Афадель метнула в меня взгляд, я уклонился, и ее любимый ножик воткнулся в ближайшую березу.

Взгляд Афадели мало отличался остротой от ее засапожного ножа.

— Для умирающей вполне недурно, — одобрил король, — пожалуй, я возьму тебя в последнюю битву!

— Моя битва уже идет, — томно ответила она.

— Но не последняя, — вставил я. — Тебе еще пару эпох так мучиться, если орки раньше не убьют.

— Орки никого ни с того ни с сего не убивают, — заверил Трандуил. — Это вы их провоцируете своим поведением.

— Вы еще скажите, государь, что мы Саурона провоцируем! — буркнула Афадель.

— Что, и Саурона тоже мы? — опомнился я.

— Вы, — подтвердил Трандуил. Король у нас большой тролль. Я запомнил рифму, пригодится для баллады.

— Надо было тебя замуж за ривенделльского выдать, — сказал король. — Элронд — целитель хоть куда!

— Хоть куда, — подтвердила подруга и ляпнула: — Хуй животворящий!

— У него не только… это, но и руки, — не дрогнул Трандуил.

— И руками он тоже умеет, — подтвердила Афадель. — И не только.

Я подумал, что как-то упустил этот момент. Возможно, я был на рубежах. Или в хлам. Или в хламе на рубежах, не помню.

Трандуил, однако, никуда не торопился. Он присел на пенек и, жуя пирожок, тыкал в нас веточкой по очереди. Должно быть, ему нравился процесс. Возможно, тренировался перед баней. Я не знаю, чей извращенный разум придумал веселые битвы на березовых вениках в горячем пару с последующим прыжком в реку, но королю это пришлось по вкусу. В прошлый раз они парились с Элрондом и Келеборном, последнего едва успели выудить из воды.

Леголас в королевских забавах участия не принимал. Галадриэль тоже, но явно бы не отказалась от такой компании, да и Афадель, но ее не приглашали. О наших мамах и речи нет, хоть я и уверен, что моя бы не прочь. А я вот отказался бы, опасаясь за заклепки, а то ведь случись что — по гарантии не поменяют.

— Долго вы еще намерены валяться? — спросил Трандуил.

— Мы же умираем, — напомнила Афадель. — Мне что, и умирать стоя прикажете?

— Ну вообще-то да… Стоя, но не на коленях! Как воин!

Мне представился воин, стоящий перед королем нашим Трандуилом на коленях, непонятно только, зачем. Афадели это

было понятно, судя по ее оживлению. Король попятился, настолько живые образы возникли в ее воспаленном мозгу… не без помощи моего.

Афадель начала вставать. Трандуил уперся спиной в дуб.

— Я вижу, тебе уже лучше, — сказал он многозначительно.

— Конечно, ваше величество, — бойко сказала она, прижимая короля к дуплу, где мы держим НЗ, — я передала свои болезни Хвандиру.

Я от неожиданности выпучил глаза.

— Вот видите? Уже и глаза из орбит полезли, скоро пена изо рта пойдет…

— Это бешенство, что ли? — спросил Трандуил с опаской.

При этом слове мне на ум пришла единственная ассоциация, возможная при виде вышедшей на охоту за королем Афадели, и я дико заржал. Трандуилу, видимо, она тоже пришла. Еще бы, с его-то опытом! Он попытался попятиться еще, но дуб не пускал, а спереди не пускала Афадель.

— Отойди от меня. пока я не заразился! — нервно сказал король, двигаясь по окружности ствола.

— Вы же владыка, — произнесла Афадель томно, следуя за ним по орбите дуба, как спутник за планетой.

Вместе с дубом они превосходно иллюстрировали космогонические мифы Арды, я аж залюбовался.

И пожалел, что у меня нет таланта художника, и я не могу запечатлеть эту сцену для потомков или хотя бы нацарапать на коре дуба.

— А не пойти ли вам… — сказал король, и мое второе ухо встало как по заказу, но Трандуил развеял мечты: — В Ривенделл. Ты, — ткнул он пальцем в Афадель, — подлечишься, а ты, Хвандир, присмотришь, чтобы девушку никто не украл.

Судя по его взгляду ясно было, что он надеется на обратное, и если я оплошаю, не слишком расстроится. Но выкуп все равно возьмет.

— Ну-у-у, Ривенде-е-елл, — заныла Афадель, — чего я там не видела!

— Элронд тебя вылечит, — твердо сказал Трандуил, не обращая внимания на ее гримасы, — Арвен подучит рукоделию, Элладан с Элрохиром… тоже что-нибудь… покажут.

В глазах Афадели вспыхнул опасный огонек.

— Три "Э", — протянула она, но тут же вспомнила о своем несчастье и тихо зарычала. Я же понял, что в Ривенделле мы задержимся надолго.

— Четыре, — поправил Трандуил безо всякой задней мысли. — Еще Эрестор.

— Точно, как это я забыла, — хлопнула себя по лбу подруга.

— Ну и Хвандир, конечно, пусть ему там бешенство подлечат, — добавил король после паузы.

— Уже никаких симптомов не осталось, ваше величество, — заверил я, — я ведь все-таки эльф!

— Ничего, значит, даму проводишь, раз эльф, — твердо сказал он.

Мы поняли, что так или иначе, но за пределы Лихолесья он нас выставит.

— В групповухе разрешаю не участвовать, если сумеешь отбиться, — сказал он мне на ухо. — Но посмотри хотя бы с дерева для общего развития, потом расскажешь о модных трендах.

Я в очередной раз подивился, до чего наш король опытен и продвинут. Мне бы быть таким в его годы! Но… тс-с-с, этого я не говорил.

— Можно, я посмотрю с нашего театрального дуба? — с надеждой спросил я, но увы, король был непреклонен.

Вот так мы с Афаделью отбыли в Ривенделл, но это уже совсем другая история…

23
За длинным золотым

— Вот только Гэндальфа нам и не хватало, — сказала Афадель, оглядев окрестности в самодельный бинокль. Мы отдали за него умбарцам целый изумруд, пусть и треснутый.

— С чего ты взяла, что это он?

— Коня узнала, — ответила подруга. — И Радагаста. Кто еще с ним водиться будет, сам посуди!

Мы упорно гостили в Ривенделле, и, судя по всему, владыка Элронд уже не чаял сбыть нас обратно в Лихолесье, да только король наш Трандуил делал вид, что не понимает намеков, что почтовые голуби не долетают, что гонцы напиваются и забывают текст послания, даже если это просто "Ради Эру, забери их!"

Я уж молчу про осанвэ. Какое осанвэ, если король перманентно в дугу? Словом, Элронд упорно пытался нас вытурить. Конечно, вежливо, по-эльфийски. Подлечил Афадель. Правда подлечил, а не то, что вы подумали. Подлечил меня (хотя я не просил). Познакомил с близнецами. Ну что я хочу сказать… Мне чужд культуризм в таких формах… В женских формах — еще ничего, но не в таких, нет… Я в отместку научил Арвен плести обувь из лыка. Ей понравилось, только вот я не показал, как делать каблучок. Может, лет через сто она и сама додумается, но пока я оставался эксклюзивным поставщиком модельной плетеной обуви в наших краях. Собственно, именно эта обувь и побуждала Элронда к вежливости. И тут — Гэндальф.

— Как думаешь, какого хрена ему надо? — спросила Афадель, сидя верхом на ветке и грызя орехи, что твоя белка.

— Наверно, как обычно, героя какого-нибудь, — пожал я плечами. Я на ветке лежал, удобные у них тут в Ривенделле деревья, скажу я вам! Не то что наши елки… — Сейчас посовещаются да пошлют сперва Следопыта за героем, потом героя… куда подальше. Искать то, неведомо что.

— А может, он нас в герои запишет, — продолжала Афадель беспечно. — И пойдем мы по белу свету счастья искать…

— Нет, я не согласен, — тут же ответил я. — Мама не одобрит, король тоже. И на кого мы покинем Алексиэля?

— Ага, Гэндальф не спросит, — продолжала она меня пугать. — А уговорит короля, тот и даст нам Алексиэля с собой.

— Кого уговорит? Трандуила? Ну ты загнула! — взоржал я. — Вот если ему заплатят чем-нибудь вроде сильмариллa, тогда конечно, он и Алексиэля, и нас с тобой отдаст, а так — фигу.

— Мы с тобой на сильмарилл не тянем… — самокритично добавила Афадель. — Разве что олень…

— Я и не претендую, — обиделся я, глядя, как к нам шествует Гэндальф с любимым посохом наперевес. Складывалось ощущение, будто он намерен отбиваться.

— Приветствую, юные эльфы, — добрым голосом сказал он, глядя вверх.

— И тебе доброго дня, Митрандир, — ответила Афадель, болтая ногами. — Владыка Элронд бухает… я хотела сказать, купается во-он у той заводи.

— Да пускай купается, — добродушно ответил Гэндальф, — у меня дело к вам.

После этих слов у меня все опустилось, включая уши и даже сандалик, который я как раз плел.

— Неужто вас прислал владыка наш Трандуил? — обеспокоилась Афадель. — Случилось что-нибудь?

— Нет, юная дева, я пришел по своей инициативе.

— Тогда почему к нам? Мы простые лесные эльфы…

— Судьбы мира зависят не только от сильных мира сего, — туманно ответил Гэндальф.

Мы переглянулись. Может быть, Элронд решил отрядить нас в самоубийственный поход, чтобы избавиться от свидетелей жуткой групповухи с его собственными сыновьями? Афадель ведь сдержала обещание… И если сыновья Полуэльфа готовы были молчать (ну, если им позволят кое-что повторить), то был еще я, свидетель и соучастник!

— Так зачем мы тебе, Митрандир? Король наш Трандуил отправил нас в Ривенделл для сближения с братским народом эльфов Ривенделла и подлечиться.

Судя по взгляду Гэндальфа, он в это не поверил ни разу. В смысле, что лечение нам помогло.

— И это эльфы, дивный народ, — повторил он слова короля. — Откуда ж вы такие вылезли?

Я вовремя заткнул Афадели рот недоплетенным сандаликом.

— Позволь спросить — уточнил я, — ты находишь нас недостаточно или чрезмерно дивными?

Кажется, суть моей философии уловил только Радагаст. Он рассматривал мой сандалик.

— Я тоже такой хочу, — неожиданно сказал он, и Гэндальф чуть не разбил себе лоб собственным посохом.

— Я слыхал, вы умеете находить общий язык с пауками, — сказал он. Мы переглянулись и поняли, что король нас сдал. Или принц. Или Следопыт. В общем, какая-то местная сволочь.

— А друга моего Радагаста одолевают непонятные твари,

ползущие с юга. Вот мы и хотели попросить вас о помощи.

При слове "твари" Афадель оживилась.

— Вы можете рассчитывать на нас, — сказала она так быстро, что я не успел рта раскрыть. И печально уронил недоплетенный сандалик. Опять монстры, приключения, завоевания, трофеи, как мне это надоело! Трофеи? О, трофеи — это хорошо.

Тут я подумал, что король наш занимается всем этим не первую тысячу лет с прежним энтузиазмом. Эх нам бы его энтузиазм! И его сокровищницу. Но я этого не говорил! Я громко думал.

Афадель, судя по всему, была согласна.

— А что за твари? — догадался я спросить.

— Пауки! — громко сказал Гэндальф шепотом. Радагаст закивал и руками изобразил паука-тварь.

— Да ну, это несерьезно, — махнула рукой Афадель и выполнила свой коронный трюк: повисла на толстом суку кверху ногами. И уже из этой позиции сказала Гэндальфу: — Пауки милейшие и добрейшие создания! Да, Хвандир?

— И щедрые, — добавил я не без намека.

— Мы тоже щедрые, — намекнул Гэндальф, а Радагаст снова закивал и показал нам из-под полы мухомор. Видимо, так он понимал щедрость.

— Это даже вот на таку-у-усенького паучка не тянет, — ответила Афадель, раскачиваясь, и показала размер.

В этот момент какой-то балрог рогатый принес накупавшегося Элронда. Спасибо, не на ручках.

— Что здесь происходит? — громко спросил он.

— Нас сманивают, о владыка! — сказала свисающая Афадель. — Деньгами соблазняют!

И повисла на одной ноге, раскачиваясь все сильнее.

Я подумал, не поймать ли, но передумал: так интереснее.

— Деньгами? — уши Элронда встали торчком. — Ну-у-у… а подробнее?

Гэндальф объяснил ситуацию и посмотрел на нас с осуждением.

— И много ли даете? — спросил Полуэльф. Я всегда думал, кто он на вторую половинку, уж не гном ли? Больно жадный.

Гэндальф помялся и озвучил сумму.

— Мало за таких отменных бойцов, — покачал Элронд головой. — Тем более, они не мои подданные, а Трандуила. Договаривайтесь с ним, раз эти двое добровольно не идут.

Радагаст обрадовался, Гэндальф сник. А мы так, серединка на половинку. потому как уж что-что, а договариваться король наш Трандуил умеет, будьте спокойны! Но он же про себя

договорится! В смысле, кто будет получать доход. А как же мы?

Еще мы понимали, что Элронд мечтает от нас избавиться. Я потыкал Афадель веточкой, она поймала мой взгляд, веточку и потыкала ею Элронда. Тот тоже все прекрасно понял и показал на пальцах, во сколько нас оценивает. Плюс гонорар от Гэндальфа. Афадель презрительно сморщилась и забралась обратно на сук.

— Нас не ценят! — воскликнула она. — Уйду к чертям к Саурону!

— А кто такие черти? — заинтересовался Радагаст.

— Ты их вчера гонял, — мрачно ответил Гэндальф.

— О, так это знакомые! — обрадовался тот и показал нам второй мухомор, побольше. Элронд сморщил точеный нос.

— И что вы будете там делать? — спросил он скептически. — Думаете, Саурон даст больше? Ха! Да такого скупердяя Арда не видывала! И потом, где ваш патриотизм? Патриотизм где?!

Афадель ответила. С рифмами у нее порядок, это даже Трандуил подтвердил.

Маги сделали вид, что не поняли. А может, правда не поняли, в их-то возрасте поди упомни такие слова! Элронд грозно покачал головой и заявил, что явно не долечил нас.

Лечиться нам, однако, надоело, поэтому мы посовещались шепотом, и Афадель сказала:

— Ну ладно. Два раза по столько, сколько обещали. С каждого. С Радагаста можно и мухоморами.

— Ага, — согласился я. Давно мы к гномам не заглядывали. — А с тварями-пауками мы справимся.

Они посовещались. Элронд лицом выразил сожаление, что отсутствуют Трандуил и Галадриэль. И выдвинули встречное предложение: количество мухоморов увеличивается в 2,4 раза, а два раза по столько сократить в два раза, зато провести сеанс мануальной терапии. С каждым.

Мы забрались повыше на дерево. Ни Элронд, ни маги в своих одеяниях туда бы не полезли, а пути отхода мы уже присмотрели — на дуб, оттуда на другой дуб… Словом, поди еще попади в нас заклинанием!

После ожесточенной торговли (нет, точно в предках у Полуэльфа затесался гном!) мы сошлись на том, что два раза постольку с каждого мы уменьшим на сорок процентов, мухоморы берем целиком, а терапию Элронд пусть лучше на Радагасте опробует, ему нужнее.

(Благодаря гномам мы в математике и экономике разбираемся очень даже неплохо для эльфов наших лет.)

После этого мы слезли и пошли пообедать. Торговля — очень нервозатратное занятие!

Отобедавши и получив гонорар (вперед, разумеется), мы последовали за Радагастом гонять тварей.

Элронд радостно махал нам вслед чем-то очень похожим на ятаган. Видимо, хотел подбодрить перед битвой, хотя даже король наш Трандуил знает, что подбадривать нас следует исключительно деньгами. Афадель еще можно сексом, а меня не надо, тем более владыковским. Но гонорар получен, придется отрабатывать… Мы тащились вслед за лесным магом (Гэндальф отстал по дороге) в какую-то глушь. Там, наверное, даже орков нет…

Афадель явно думала о том же, потому что гневно сопела. Радагаст не привлекал ее как мужчина, следовательно, отдуваться буду я. Но я не хотел отдуваться. Я хотел употребить съедобную часть гонорара и отдохнуть!

Радагаст развил бурную деятельность, суетился и размахивал руками. С него сыпалась труха, грибы и ягоды (мы подбирали). Наконец Афадель решительно попросила его уйти, чтоб не спугнуть добычу.

Он, по-моему, этого не заметил, просто влез в кусты и дальше все пошло самотеком. Мы покрались дальше. Следов деятельности пауков мы пока не наблюдали: ни паутины, ни паучьих объедков… Ошибся Радагаст, что ли?

Ну и, в конце концов, думал я, если уж мы с Арагоговыми подданными строили мост, что нам какие-то пришлые пауки?

И тут на нас выскочил… нет, это был не паук. Я бы назвал это помесью богомола с крокодилом. Или русалокотом. Словом, Радагаст с бодуна опять напутал.

Мы с Афаделью переглянулись, заорали и шустро кинулись по деревьям, начисто забыв о Радагасте. У него мухоморы, в конце концов, ему не страшно.

— Что это? — пролязгала зубами Афадель.

— Мухоморы подействовали? — предположил я.

И тут богомол начал пилить мою сосну своими лапами. Я икнул от ужаса и ласточкой перелетел на дуб Афадели. Тот пилить пришлось бы пятерым таким богомо… зачем я это сказал?

— Мне кажется, мы продешевили, — хладнокровно сказала Афадель. — Сваливаем!!!

Дуб мы, конечно, не свалили… Но прыгали как молодые мустанги, не знаю уж, кто это, но нас так когда-то ласково обозвал король. Ну да он на своем веку много всяких тварей встречал, ему виднее.

— Не пора ли нам обратно? — поинтересовался я, когда мы упрыгали подальше. — В смысле, к Трандуилу.

— Думаю, пора, — сказала Афадель. — Вдвоем мы такой

натиск не сдержим!

— А в Лихолесье пауки! — многозначительно намекнул я.

— Вот-вот, пусть Арагогушка займется конкурентами, — кивнула она.

— И покушает, — дополнил я, нежно прижимая к себе гонорар. То есть мою часть гонорара. Меньшую: Афадель взяла побольше, мотивируя это тем, что торговалась она. Причем вниз головой.

Я не стал спорить. Я был уже рад, что уцелел. Ну вы поняли.

— Откуда вас принесло? — недружелюбно спросил король наш Трандуил, когда мы чуть на него не наступили. Их величество изволил возлежать во мху и лакомиться земляникой. Олень пасся рядом. — Я, кажется, отправил вас лечиться!

— А мы уже! — заверила Афадель и прилегла рядом, стараясь, чтобы монеты не брякали. — Представляете, государь, приехал Гэндальф с Радагастом, и они с Элрондом отправили нас сражаться с чудовищами!

— Моих подданных? — нахмурился король, приподнявшись на локте. — Вот так просто отправили?!

— Нет, нам заплатили мухоморами и по монетке дали, — почти не соврала она. — Мы за подмогой пришли, нас там чуть не склацали! Монстры — куда там Арагогу, он-то по сравнению с ними безобидный… Дозволите взять отряд?

— Не дозволяю, — король улегся обратно. — Моих! Подданных! Гонят сражаться, а мне даже не сообщили и не заплатили!

— Негодяи! — поддержал я, проглатывая земляничину. — Элронд вообще нами торго… хотел торговать направо-налево. Мол, такие бойцы, ой. Но мы не поддались. Слишком дешево.

— Правильно, моя школа, — кивнул король. Как он делает это лежа навзничь — надо видеть. Даже олень поперхнулся.

Афадель сглотнула слюну.

— Но что же нам делать? — вскричала она. — Ведь полчища чудищ в южном Лихолесье!..

— Мне лень, — честно ответил король. — Отчего бы Элронду самому не повоевать? Отчего бы волшебникам не очистить леса от этих ваших монстров? И кому они мешают? Монстры, я имею в виду…

— А если они нас съедят? — опасливо спросила подруга. — Вот пошлете вы выпасать Алексиэля, а нас втроем склацают?

— Я думаю, он успеет унести вас от опасности, — сказал король. — Сходите предупредите пауков, пусть будут начеку, и довольно.

Мы радостно поднялись. Это было куда приятнее и

прибыльнее, чем сражаться с неведомыми монстрами.

— Кстати, — остановил нас король, — а где монетки-то?

Афадель показала одну. Куда она дела все остальные (мой гонорар она тоже отобрала при входе в Лихолесье), в дупло, что ли, спрятала?

— Совсем охамели в этом Ривенделле, за моих отборных бойцов серебром платить, — огорченно сказал Трандуил. — Ладно, давай вторую, а мухоморы себе оставьте, своих полно.

Я уныло протянул монету.

— Как ты это провернула? — шепотом спросил я Афадель, когда мы отошли достаточно далеко и спустились в Паучий овраг.

— Ловкость рук, — довольно улыбнулась она и выудила из бронелифчика увесистый мешочек с золотыми монетами.

— И дипломатический конфликт, — завершил я и немедленно протянул руку за своей долей.

24
Путешествие на Запад

Пришла весна, зацвели подснежники и прочие цветы жизни. Так, у Конана родился наследник. Узнав об этом, король весь день ходил, не отнимая руки от лица. Правда, руки менял, читер.

Особенно Конан отмечал тот факт, что это был наследник, а не наследница. Типа будет в люльке спать в седле, играть с мечом, класть под голову лук. Вырастет великий воин. Жена ему не возражала. Видимо, тоже хотела быть матерью великого воина.

Мы с Афаделью сходили посмотреть на этот гибрид. Ну… габаритами ребенок удался в папашу, а внешностью — в мамашу, даже ухи орочьи. А если он, когда вырастет, обрастет шерстью навроде Конана, от него урук-хаи бегать будут, а Беорн за своего примет.

Главное, чтоб был идеологически правильным. Но это уж забота короля. Узнав о гибридном наследнике, наши мамы посмотрели на нас очень выразительно. Особенно моя. И особенно Афаделина.

— Мама, — презрительно сказала Афадель, — уж кто-кто, а люди меня не привлекают, я же не принц! Орки еще туда-сюда… люблю с них шкуру сдирать, они верещат забавно!

Я же сказал матушке:

— Я расист.

— А к гномам зачем ходишь? — подозрительно спросила она.

— По делу. Купить-продать, мы с ними хорошо договариваемся, вот король и посылает!

— А к умбарцам?

— Бухать, — честно ответил я. — Кутить и веселиться.

— А в Рохан?

— Так опять же король посылает!

— А когда он тебя жениться пошлет! — рявкнула она на все Лихолесье. — На эльфийке! Вон отец внучат хочет понянчить!

На лице отца, мирно сидевшего за столом и кушавшего мамин супчик, отразилось глубокое удивление.

— Я еще слишком молод, чтобы стать дедушкой, — заявил он, а я выдохнул с облегчением. — А вот отцом — не откажусь повторить! Думаю, надо поработать над этим, Главриэль, какие наши годы? Идем-ка…

Я поспешил ретироваться и выдохнул с облегчением, слушая гневные вопли матушки: она не желала размножаться, но папа ее не спрашивал. Прямо как Афадель. Может, это он ее отец, а нас

перепутали?

Я сказал об этом Афадели, но она замотала головой.

— Нетушки! Меняться не буду.

— Что, пойдешь по стопам Конана? — спросил я ехидно.

— За орками-то? Да ну, скучища, — поморщилась она. — А если что, я только по мужикам! С Владычицей просто неловко вышло…

— Ну ты погоди, сейчас еще король опомнится и снова захочет кого-нибудь осчастливить, — сказал я. — Нас, например. Или принца.

— Пусть принца, — быстро сказала она. — Он наследник, ему отдуваться.

— Ага, а нас опять пошлют искать то, не знаю что, — уныло сказал я. Мама была занята, и на пирожки рассчитывать не приходилось.

За пирожками мы пошли к Афадели, благо ее папа увел маму в лес любоваться подснежниками. Чую, не только любоваться и не только подснежниками…

— Слушай, — прочавкала она сквозь пирожок (мы набрали провизии и уединились на большом дубе), — а что, если они нам братьев-сестер нарожают? Правда, какие их годы? А эльфов мало, король порадуется!

— От нас отстанут, — радостно сказал я. — Хотя бы временно!

— Ага! А если заставят с мелкими возиться?

— Орчанка пусть возится, она умеет! А нам детей доверять нельзя, — ответил я. — Загубим же! С дерева уроним! Утопим…

— Это так, — согласилась она. — Но надо еще объяснить это родителям.

— Предлагаешь кого-нибудь показательно уронить с дуба прямо сейчас? Не, им самим в радость, — сказал я, сильно сомневаясь в своих словах. — Да и вообще… Мы в дозор уйдем — и все!

— Давай лучше в Рохан, — не согласилась она. — А может, к вастакам сходим? Мы там еще не бывали! Или в Харад?

— Тоже дело, — согласился я. — Но ты погоди. Это ж не за один день происходит. Как станет ясно, что вот-вот, тогда и свалим.

— Ага, но сани надо готовить летом, — поучительно сказала Афадель. — Так что озаботимся-ка мы припасами!

С припасами было плоховато. В смысле мы их ели. Да и то сказать: лучше приготовить утку в клюкве и съесть, чем дать ей испортиться.

— Сухарей насушим, — оптимистично сказал я, — а по пути

охотиться можно. Только соль не забудь.

— Главное — вина запасти, — озабоченно сказала Афадель, и мы хором вздохнули. Отложить вина на потом никак не получалось.

— Мы с собой столько не унесем, — мрачно ответил я. — А оленя угнать не выйдет.

Да, Алексиэль сам кого хочешь угонит… Но мы решили пока что поставить ягодную бражку в корчаге под берегом. Ну на первое время. Главное, чтоб ее никто не нашел, особенно король.

Забродила она быстро, а выпили мы ее еще быстрее и загрустили. Такими темпами мы точно никуда из Лихолесья не уйдем! Правда, как раз разлился Андуин, рыба пошла на нерест, и мы отпросились на рыбалку. Икра — дело такое… Вкусное и сытное. Так что мы икры наловили бочку, а рыбы — еще больше. И все было хорошо, пока на берег не приперся Конан с наследником.

Плавать его учить, ага. Пацан еще не ходит толком, а ему плавать. Самое оно в бурном Андуине, по которому еще ледяная шуга несется.

Но Конана это не смутило, причем настолько, что он прямо в реке поймал рыбину, половину съел сам, половину сунул отпрыску. Тот съел. И не просто съел, а сперва высосал икру, а потом обсосал косточки и потребовал: "Дай!". Конан умилился и дал.

Мы переглянулись и поняли, что бежать таки придется…

— Они что, всегда так жрут? — с ужасом спросила Афадель.

— Хорошо кушать — хорошо! — радостно прогудел Конан, снабжая отпрыска рыбкой. — Расти большой, могучий!

— Угу! — поддержал я, отступая. — А если наши братья-сестры такие же вырастут? Рыбу жрать на лету будут?

— Скорее, на плаву, как дельфины… — Афадель ткнула меня в ребра, напомнив о бочке с икрой. Я вздохнул, закатил ее и бочку с рыбой на волокушу и впрягся.

Бочки мы уперли в укромное место, но проблем это не решало. Было ясно, что Лихолесью грозит демографический взрыв. А чем он грозил нам, я даже думать не хотел.

Тем более что мама третью неделю жаловалась на головную боль. Папа не верил, поэтому король как-то поманил меня к себе и спросил, что за обезьяньи вопли доносятся из нашего жилища.

— Папа любит маму, — просто объяснил я. — Сильно.

— А мама? — поинтересовался Трандуил.

— А мама — папу, — ответил я менее уверенно.

— А ты? — не отставал он.

— А я еще молод, — ответил я.

Король явно вспомнил оргию и промолчал.

— Хоть в лес бы уходили, что ли? — нервно сказал он. — Спать не дают. На мысли непристойные наводят…

Я на всякий случай попятился.

— Алексиэль! — гаркнул король, и олень явился. — Едем!

— Далеко, ваше величество? — спросил я.

— Рога почесать, — многозначительно ответил он и величаво удалился.

Я посмотрел ему вслед. Хорошо быть королем: свистнул оленя — и свалил. Рога чесать. Но и мы не лыком шиты. Я собрал вещмешок и уже возле бочки повстречал Леголаса. Тоже с вещмешком, кстати.

— Рога чесать? — деловито осведомился я.

— Рога? Какие рога? — насторожился он. — Я в Рохан, пока папы нет.

— А что там, в Рохане? — спросил я. Может, нам тоже надо?

— Следопыт, — шепотом ответил принц.

— Он же небритый… — произнес я пианиссимо, и Леголас покраснел. С чего бы? Все знают его маленький грязный, то есть волосатый секрет!

— Побреется! — весело сказал Афадель, появляясь как из-под земли. И тоже с мешком. В нем гремели сухари.

— Вы со мной? — безнадежно спросил Леголас.

— До полпути, — успокоила Афадель. — Мы к пиратам.

— А, — Леголас повеселел. До того, что мы навьючили на него полбочки. Остальное навьючили на меня.

Вскоре я понял, что такими темпами нам до полпути точно не хватит даже целой бочки. Я вообще уже забыл, куда и зачем мы идем.

Зато помнила Афадель. У нее явно были далеко идущие планы, если вы понимаете, о чем я. По дороге она развлекалась придумыванием имен для потенциальных братьев и сестер, чем очень нервировала меня и Леголаса.

Особенно Леголаса, потому что имена она выдавала сплошь роханские, а меня дразнила гномьими, но это ерунда.

Ни в жисть не поверю, что мама назовет кого-то из своих детей гномским именем. Она квенийскими-то брезгует. Что довольно странно на фоне нашей семейной тяги к ксеноморфам.

Может быть, с квенья у нее какие-то нехорошие воспоминания связаны? Скажем, какое-нибудь любовное послание из прошлой эпохи. Со смайликом. Надо порыться дома.

Но тут же я вспомнил, почему оказался здесь, навьюченный полубочкой икры и в такой странной компании. Не скоро вернусь я к родному очагу!

— Давайте споем, что ли! — предложил я, чтобы отвлечься.

— Давайте, — обрадовался Леголас, скинул свою ношу и вынул флейту.

Ей-Эру, не знаю, кто ему сказал, что он умеет на ней играть. Наверно, король, с него бы сталось так пошутить… над подданными.

Но иволгу он переорал, факт. Пока я думал, что можно спеть под такой аккомпанемент, Афадель сориентировалась первой.

Велев мне поставить обе полубочки рядом, она исполнила зажигательное соло на барабанах. Ногами. В умбарском кабаке научилась на столе плясать.

— Ты смотри икру не растряси, — озабоченно сказал я, прислушиваясь. Мне показалось, что в кустах кто-то был… Но эти двое подняли такой шум, что мы бы не услышали и мумака.

Зато мумак услышал нас. Вернее, гигантский вепрь — он вышел на нас почему-то задом. Не хочу знать, от кого он пятился…

Но тут Леголас выронил флейту и кинулся к вепрю с распростертыми объятьями. Я в ужасе подумал, что скажет король наш Трандуил, если узнает… Но это оказался всего лишь Следопыт. Почему-то грязный и на четвереньках. И как Леголас его узнал-то?

— Снимите его с меня… — прохрипел Следопыт и рухнул под тяжестью кабаньей туши. И как только допёр! Или это не то, о чем я подумал? Ужас какой…

Мы охотно освободили его от ноши. Нам этого кабана хватит на месяц…

— Это подарок… — просипел Следопыт, видя наши довольные улыбки и острые кинжалы.

— Мы уже тут, — сказала Афадель. — И принц тут. Не королю же ты эту хрюшку волок, у него и так хватает!

— Это выкуп, — хмыкнул я. — Как у вастаков. За невесту.

Следопыт замялся: по всему было видно, что королю. Но почему? Именно этот вопрос и задала Аафдель.

— Правда, что ли, невесту у нас присмотрел? — удивилась она, свежуя тушу. Обожаю печено вепрево колено! — А как же Леголас?

Следопыт покраснел так, словно его только что вынули из печи вместе с печеным вепревым коленом.

— Это не за, — попытался он пояснить. — Это от! В смысле не выкуп, а откуп!

— От кого? — не понял я.

— От невесты! В смысле, чтобы Трандуил послал меня куда-нибудь подальше от невесты!

— Откуда она у тебя взялась?

— Так Эовин же… — развел он руками. — Чуть насильно не женили, еле успел удрать…

Леголас молча негодовал. Мы присоединились к нему.

— И тебя! — вскричал я. — Да что происходит-то, Эру милосердный!

— У нас тут клуб беглых женихов и невест, — пояснила Афадель, нарезая окорок. Я разводил костер. — Присоединяйся. Икорку будешь?

Следопыт хотел сразу все, включая Леголаса. Поэтому он присоединился и даже сам разостлал свой плащ на траве. Плащ должен был изображать скатерть-самобранку. Мы сели в кружок и принялись делиться горестями.

Хуже всего было Следопыту. Нам-то пока еще пару не подобрали, я надеялся, это дело небыстрое, да и вкусы у родителей не совпадают. А вот у Следопыта родителей не было, зато имелся потенциальный тесть и очень настойчивая невеста. А у нее брат… А у брата еще брат. А у еще брата дружина, между прочим, и все конники. Вот поэтому мы встретились как два пешехода, вышедшие с одинаковой скоростью из пунктов Л и Р. Точнее, выбежавшие с икрой на босу ногу.

— Айда с нами в Харад, — предложил я.

— Сперва в Умбар, они нас подбросят, — помотала головой Афадель, жаря вепрятину.

— Да ну, со своей икрой в Умбар идти? Да нас засмеют! А так мы ее до Харада допрем и там сбудем.

— Она может не дожить, — Леголас старательно намазывал бутерброд Следопыту икрой. В смысле накладывал горкой. — А мы ведь так толком и не решили, куда пойдем.

— А давайте икру гномам продадим! — загорелась Афадель.

— Они рыбу не любят.

— А мы скажем… скажем… что это рыбьи яйца! Яйца-то они уважают.

— Они со своими сравнивают, — отозвался Следопыт. — Так что сама понимаешь…

— Ну так они довольны останутся, — сказала Афадель. — Мы же им не страусиные несем.

И мы пошли осчастливливать гномов… Мы с Афаделью несли остатки вепря и вино, а полубочки нагрузили на принца со Следопытом. Нечего прохлаждаться!

Гномы, кстати, встретили нашу пеструю компанию именно что с прохладцей. У них выпал снег. И это в мае! Впрочем, горы есть горы. На Следопыта они посмотрели с опаской, на Афадель с вожделением, на Леголаса хмуро, меня не заметили.

Снег — это хорошо, хоть и холодно. Икра ничуть не испортилась!

Процесс торговли за рыбьи яйца я лучше опущу, это было долго, грубо и некрасиво. В итоге мы сторговали две полубочки икры за полбочки самоцветов по весу и полбочки золота по объему (это я вовремя догадался!). И Афадель впридачу, ну да я не сомневался, что она не упустит возможности поразвлечься.

Ну а потом мы делили добычу…

Ну как делили. На большую часть всего наложила лапу Афадель. Она ради этого даже отвлеклась от гномов. Остальное она великодушно оставила нам. Мы долго думали, как на троих поделить пять мелких самоцветных камней, потом решили, что продадим и купим чего-нибудь поесть. А то так пить охота, что переночевать негде.

Потому что в процессе дележки вепря мы доели и вино допили.

Я насчет добычи особо не волновался: для Афадели главное было отсечь от нее Следопыта с принцем (Икру мы добывали? Мы, и нечего примазываться!), а уж со мной-то подруга потом поделится. Ну хоть немножко!

Но добыча добычей, однако нам предстояло решить, куда мы двинемся дальше. Не могли же мы гостить у гномов вечно! То есть мы могли, а гномы нет.

— Давайте пойдем через горы, — с энтузиазмом предложила Афадель, когда мы припрятали клад в только нам с нею известном надежном месте. (Каком? Не скажу, иначе какое же оно тогда надежное!) — Мы там еще не бывали! А лучше гор могут быть только горы…

— На которых ты шею сломал… — пробормотал Следопыт и покрутил этой самой шеей. Что-то хрустнуло. — Там гоблины водятся, оно нам надо?

— На безрыбье и гоблин эльф, — не согласилась Афадель.

Хотя здесь я был солидарен со Следопытом: гоблины там мелкие, но их много. Это создает дискомфорт и мешает спать по ночам. Они топают и бьют в барабаны, а у меня чуткий сон! Правда, я припомнил таланты Афадели и решил, что она тоже может побарабанить. Вон по шлему Следопыта, например. Но лучше не надо. В конце концов мы не на фестиваль "Музыка против тьмы с Востока" собрались. мы собрались где-то пожить, спокойно, сытно и весело — если получится, конечно. И тут меня осенило!

— А давайте пойдем на Запад! — сказал я радостно. — Эльфы мы или где? Эльфы столетиями топали на запад!

— Идем, — решительно сказал Леголас. — По пути заглянем

в Ривенделл.

— Точно, — расцвела Афадель, явно припомнив оргию с четырьмя "Э", — а потом?

— Еще дальше есть отличное местечко, Шир, — подумав, сказал Следопыт. — Кормят там… м-м-м… И очень трепетно относятся к эльфам. Правда, не все. И трубочное зелье в придачу имеется!

Я припомнил, что Гэндальф частенько курит трубку. Видимо, зелье это и впрямь забористое, надо попробовать. Только маме бы не проболтаться!

— А что за люди там живут? — выпытывала Афадель.

— Не люди, хоббиты, — опрометчиво сказал Следопыт, и глаза подруги вспыхнули. — Говорят, у кого-то в предках были эльфы…

Глаза Афадели пылали мордорским огнем. Теперь ее уже было не своротить с намеченного пути на запад — хоббитов она еще не пробовала!

Так мы и ускользнули потихоньку, оставив записку "Ушли на Запад" для родителей. На квенья. Леголас такие слова уже выучил. — Так пошли! — сказала Афадель. — Чего ждем!

25
Как хоббиты любят гостей

В таверне "Гарцующий пони" мне понравилось. Кормили там отменно! Единственный минус — тесновато.

Однако нам места хватило — наверное, потому, что все пялились на единственную девушки в таверне (не считая служанки). Под шумок и мы с Леголасом уместились на лавке и заказали сразу пива и поесть.

Пиво было отменным, поесть, повторюсь, не подкачало, а денег у нас с собой было достаточно. Ну, деньгами ведала Афадель, а ее и на гарцующем пони не объедешь.

Словом, все пялились на нее. Тут было с пяток гномов (Афадель тоже положила на них глаз), какие-то купцы с югов. Леголас завертел головой в поисках Следопыта. И даже спросил у кабатчика, не видал ли такого.

Кабатчик закатил глаза и ответил в том смысле, что тоже был бы рад повидать Следопыта, желательно в комплекте с кошельком, чтобы предъявить ему счет.

Афадель больно ткнула Леголаса под ребра, чтобы замолчал.

— Вот жалость, он и нам задолжал, — быстро сказала она. — Где его можно найти? Только искать мы пойдем завтра, а сейчас нам хотелось комнатку… или две… На ночь.

— Две, — быстро сказал я. Я предпочитал ночевать с Леголасом, что бы ни подумали о нас окружающие. А Афадель храпит!

Афадель выразительно посмотрела на меня и мурлыкнула:

— Я тоже предпочитаю отдельный номер… По личным причинам, если вы понимаете, о чем я.

Мы отлично понимали, поэтому на всякий случай забаррикадировались, придвинув к двери комод. Хороший комод, таким мумака остановить можно!

— Как думаешь, — спросил Леголас, — надолго мы тут?

— Нет, мы же в Шир собрались. Это дальше, тут я хоббитов что-то не видел. Или не узнал…

— Это хорошо… А то что-то не нравится мне отношение нашего кабатчика к Следопыту.

Я заверил, что такое отношение лучше всего: раз Следопыт ему должен, он его от всех врагов убережет.

Леголас чуток повеселел.

Я правда, не добавил, что Следопыт может посидеть в долговой яме, в смысле, подвале. Хотя бы потому, что в подвале

припасы и эль, и урон Следопыт нанесет на большую сумму, чем уже задолжал.

Ночь прошла спокойно, не считая того, что Леголас все время крутился. Откуда-то доносились вопли. Может, это развлекались пьяные гости, а может, Афадель. Я не побежал ни к кому на помощь.

А то так еще сам и виноватым окажешься.

Утро выдалось мрачным. Я не выспался из-за воплей и Леголаса, которому явно снилось, что он веретено. Одеяло он не себя, во всяком случае, наматывал профессионально. Может, Следопыт поэтому с ним вместе не живет? Тут я задумался о гостевом браке, но тут же понял, что мама не оценит.

Леголас тоже не выспался — из-за клопов. Наверно, они ему снились, меня вот не кусали. Наверно, принц вкуснее.

Когда еще попьешь выдержанной королевской кровушки!

Когда мы спустились вниз, Афадель уже сидела за столом, уминая свиную ножку. Она приветственно замахала руками:

— Слушайте, я тут с таким мужиком познакомилась… Ну как мужик он не очень, конечно, зато я у него все расспросила про Шир.

— И? — спросил я сквозь ножку с чечевицей.

— Там кормят еще лучше, чем здесь, — многозначительно сказала она.

— А клопы есть? — подозрительно спросил Леголас, почесываясь.

— А тебе зачем? — удивилась она. — Их разве едят? Вот пиявок едят, очень вкусно, кстати!

И она подвинула принцу сковородку с жаренными в масле жирными черными пиявками.

Леголас побрезговал, я отведал. Очень вкусно, кстати. И пиво есть. И бочки катать не надо.

— Может, останемся тут? — предложил я. — Да и Следопыт когда-нибудь заглянет… лет через пятьдесят.

— На полтос лет тут еды не хватит, — сказала прожорливая Афадель. — А у нас — денег. Придется где-то подрабатывать, а ты же знаешь, как это утомительно! Но… — тут она понизила голос, поманила нас поближе и, навалившись бронелифчиком на столешницу, зашептала: — Тот мужик сказал мне, что хоббиты обожают меняться. У нас есть что-нибудь на обмен?

— Плетеная обувь, — сказал я.

— Они обувь не носят.

— Ну тогда… — я задумался. — Сплету жилетку! Из той же бересты.

— Я могу компотик, — добавила Аафдель. — Ну наш.

— Вариант. Интересно, тут волчье лыко растет?

— Плети бронежилетки, — хихикнула Афадель. — Слушай, а ты трубки умеешь вырезать? Говорят, они тут трубочное зелье уважают, вот и…

— Не думаю, что это сложнее, чем флейта-пикколо, — фыркнул я, — но мне нужен образец.

— А еще хоббиты любят слушать истории, — развивала мысль Афадель. — Леголас, думаю, за свою жизнь столько насмотрелся, что уж найдет пару сотен историй, а?

Словом, у нас созрел бизнес-план. Поэтому мы подробно расспросили кабатчика, где что растет и как туда пройти. И решили задержаться еще на денек. В том числе и Леголас, который согласился потренироваться рассказывать истории, интересные не только Следопыту.

Тренировался он на посетителях трактира, и вскоре заработал на отдельную комнату без клопов: послушать его приходили с окрестных ферм. Ну! Небось, король наш Трандуил не скупился на учителей риторики для сына (и на розги тоже), так что речь Леголаса лилась плавно, но не усыпляюще… когда как, правда, но если он замечал, что слушатели начинают клевать носом, быстро придумывал кульминационную сцену. От его вопля заснувшие просыпались, а принц, порой вскочив на стол, продолжал вещать. Кажется, он вошел во вкус… И то, где бы ему еще стали платить за тысячелетней давности истории о его похождениях в каких-то болотах, которых уже и нет давно?

Однако он неплохо зарабатывал. И по глазам я видел, что он не прочь тут пока остаться.

Я тем временем надрал лыка и кое-каких цветочков-василечков, насобирал ягод, выпросил у трактирщика пару горшков, сварил краску и, пока лыко вымачивалось, присмотрелся к здешней моде. Потом на пробу сплел жилетку трактирщику — яркую, красно-синюю. Ему понравилось!

Мне тоже. Медитируешь, плетешь — и ни одна Афадель в это время не пристает.

Даже лыко подносит, потому что видит, сколько я получаю. А за лыко я ей плачу. Хотел натурой отдавать, но тут уж она заартачилась, денежки подруга любит.

Однако такая мирная и спокойная жизнь — не по ней. Через два дня она заскучала и принялась шпынять нас, требуя продолжить путешествие. И даже деньги ее уже не так прельщали. Леголас неожиданно встал на ее сторону, видимо, вспомнив о Следопыте. И охрипнув.

Все шло хорошо, но Леголас охрип основательно, я стер пальцы, а всю растительность вокруг кабака мы выпололи в

радиусе полета леголасовой стрелы. Одна Афадель была весела и варила компотик в товарных количествах.

— Каждый день новые лица! — говорила она. — Это так познавательно.

— И не только лица, — шепотом добавлял Леголас. Молоко с медом ему не помогало. Карьера лектора явно не задалась. А я говорил, что надо вести рассказ пианиссимо! Да и Лавр Наркисс стал поглядывать косо.

Платили мы, конечно, хорошо, да и публику привлекали… Особенно Афадель. Но через неделю он Эру всемогущим стал заклинать нас идти своей дорогой. И дал на эту дорогу продуктов. Даже с нашей прожорливостью их должно было хватить обратно до Лихолесья.

— Куда пойдем? Домой или в Шир?

— В Шир! — хором ответили мы. Домой не хотелось, хотя мамины пирожки…

У Наркисса были не хуже, но и он что-то нас разлюбил. Очень быстро.

Так что мы пошли. Тем более что мы уже были экономически подготовлены к встрече с ширцами. Два кувшина компотика волок Леголас как самый безгласный в нашей команде. Лавр сделал вид, что не заметил исчезновения кувшинов.

В Шир мы пришли к вечеру. И первым делом начали искать гостиницу. Ее не оказалось, зато нашелся трактир, но нам не по размеру.

— Я что, на четвереньках должна заходить? — вознегодовала Афадель и потребовала вынести еду под навес на улицу.

Что ж, легенды не обманули. Хоббиты были Афадели по пояс. Но еда у них оказалась отличная, тут уж мы отвели душу. Даже учитывая разницу в размерах, мы все ранво объелись. Даже Леголас, который вообще ест мало. Местная кухня его покорила. Наевшись, мы подумали было, что вопрос с ночлегом решим так же легко. Но не тут-то было.

— Вы же, эльфы, любите на травке ночевать, — простодушно сказал трактирщик. — Чтоб звезды и все такое. На наших перинах вы и спать не сможете.

На слове перины Афадель застонала.

— Идите вон к Бэггинсу, — предложил трактирщик и быстро захлопнул дверь. — Он и Гэндальфа знает.

Мы тоже знали Гэндальфа, поэтому сильно сомневались, что его местные знакомые будут нам рады. Но делать было нечего, ночевать на травке не хотелось, тем более накрапывал дождь.

Мы, конечно, не сахарные, но мокрый Леголас, например, похож на водяную крысу. А я на бобра. А Афадель… нет, я этого

не говорил.

Дом присоветованного нам Бэггинса выглядел перспективно. Он был достаточно большим.

Поэтому мы постучали, причем Леголас — кувшином. Из-за двери опасливо спросили, не гномы ли мы. И мы хором заверили, что нет.

Тогда круглая зеленая дверь приоткрылась, и мы увидели один глаз.

— Эльфы! — воскликнул обладатель глаза. — Целых три!

И попытался захлопнуть дверь, но я успел вставить в щель ногу.

— Не найдется ли у тебя местечка для нас троих, добрый хоббит? — спросила Афадель, наклонившись пониже. — Наш друг Гэндальф…

Тут я взвыл, потому что хоббит чуть не сломал мне ногу дверью.

— Погоди, не такой уж он нам друг, — вмешался я. — Мы бы сами не прочь от него избавиться.

— Мы от него скрываемся, — с чувством момента заметил Леголас.

Под нашими утроенными усилиями дверь медленно подавалась, пока мы не ввалились внутрь. И быстро закрыли за собой дверь и подперли спинами чтобы гостеприимный хозяин не вздумал ее открыть в ближайшие двенадцать часов.

В качестве благодарности за радушный прием мы угостили хозяина остатками из кувшина, а я подарил ему жилет. Жилет был великоват, потому что делался на Наркисса, но я быстро подогнал его по фигуре.

Как бы то ни было, а ночлег мы отработали. Леголас даже помыл посуду, хотя хоббит очень просил этого не делать. Спать нас уложили на полу, зато у хоббита были очень уютные перины и одеяла, жаль только, короткие. Зато много. И мы уснули под барабанящий в окна дождь.

Я заметил, что даже Афадель не рассматривает нашего гостеприимного хозяина как добычу. А это о многом говорило. Но может, она найдет себе хоббита завтра? С этой мыслью я и уснул.

Проснувшись и плотно позавтракав, мы выразили желание поближе познакомиться с местными. Потому что, объяснил я, о Шире очень мало известно у нас в Лихолесье, и мы хотели этот пробел восполнить.

На бедного хоббита было жалко смотреть. Но вежливость не позволила ему вытолкать нас и прямо сказать, куда идти. Он лишь указал дорогу к ярмарочной площади и вежливо добавил, что чай ровно в пять. Я прихватил с собой жилетки, Леголас

взвалил на плечо оставшийся кувшин, и мы пошли.

Афадель осматривалась по сторонам и шепнула мне, что молодые хоббиты очень ничего, но больно уж мелкие.

— Мал золотник, да дорог, — сказал я.

— Мал клоп, да вонюч, — добавил Леголас, вспомнив гостиницу.

На ярмарке были представлены товары местных производителей: мед, сало, сено, яблоки, отруби, леденцы на палочке.

— Ну и что из этого ты собиралась обменивать? — ехидно спросил я.

Аафдель явно расстроилась.

— Думаю, мы сможем обменять жилетку на шматок сала.

— Почему именно сала? — удивился Леголаса.

— Тетиву смазывать, — ответил я. — А что останется — съедим.

За полчаса мы обменяли две жилетки, одну — на трех петушков на палочке, вторую — на кожаные туфельки для Афадели. Афадель упорно знакомилась с местным населением, невзирая на сопротивление. Троих увели жены, двоих мамы. Мы им посочувствовали: у нас самих такие же.

— Ты бы хоть на корточки приседала, — посоветовал я, — а то они твоего декольте не видят.

Афадель вместо этого присела на скамеечку, согнав оттуда зазевавшегося хоббита. Так ее прелести были гораздо виднее. Но в целом было заметно, что мы не произвели фурора, будто они тут эльфов каждый день видят.

Леголас усиленно вертел головой, словно что-то почуяв.

— А не видали ли вы тут Следопыта? — спросил он первого попавшегося торговца отрубями.

— Бродягу, что ли? — спросил тот. — Вон у речки отдыхает.

И мы поперлись на речку. Освежиться, как выразился Леголас. Чутье его не обмануло: на зеленом бережку, подальше от коровьих лепешек, стоял шалашик, из которого поднимался синий дымок.

— Следопыт! — радостно закричал Леголас, и только чувство ответственности не дало ему отшвырнуть кувшин. Да, это оказался Следопыт, выглядевший в меру удивленным и обрадованным. Афадель мрачно посмотрела на сияющее лицо Леголаса и предложила мне пойти искупаться.

Я понял, что кувшин нам не достанется, и последовал за Афаделью, раздеваясь на ходу и отшвыривая остатки жилеток. На солнце они немного скукожилсиь.

Вода в речке была прекрасна, вокруг расстилался

пасторальный пейзаж, романтично крякали утки, на плесе играла рыба, наверное, к дождю. Афадель мрачно плавала взад и вперед, ей явно не хватало умбарских пиратов. Я представил, как сюда вползает галера, отталкиваясь веслами от берегов, и мне стало весело. Я нырнул и вынырнул в камышах.

В камышах что-то шевелилось и играло мохнатыми пятками. "А вдруг бобер?" — подумал я, подобрался ближе и пощекотал пятку травинкой. Ожидаемого удара бобровым хвостом в лоб не последовало. Камыши зашевелились активнее, и у меня перед носом появилась хорошенькое личико в кудряшках, прикрытых кокетливым чепчиком в кружавчиках.

— Ты кто? — спросил я, чтобы завязать разговор.

— А ты не видишь? — сказала она и пошевелила мохнатыми пальчиками. — Я Пеларгония Брэндибак. Но друзья зовут меня просто Геранькой.

— А я Хвандир, — представился я. — В переводе на всеобщий — Грибной.

— Я люблю грибы, — и она посмотрела на меня с явным интересом.

— А что ты тут делаешь? — спросил я, начиная понимать Афадель.

— Купаюсь, — кокетливо ответила она.

Я подумал, что мог бы понять это и сам: на ней были только купальный чепчик и шерсть — мягкая, шелковистая, как у норки. Мне стало интересно, какова она на ощупь, и я вовремя вспомнил мудреное умбарское слово "футфетиш". И решил проверить, совпадает ли визуальное ощущение с тактильным, как говаривал король наш Трандуил. Геранька хихикала под моими чуткими эльфийскими пальцами, но не возражала. Судя по всему, грибы она действительно любила. Лишь бы мухоморы не попробовала.

— Это судьба, — сказала она. — Говорят, прадедушка Тук взял себе жену из эльфов.

Я мысленно присвистнул, представив Афадель в хоббичьей норе, и решил, что старый Тук любил фраппировать публику. А если можно хоббиту, почему нельзя мне? И увлекся.

Душу грело то, что таким успехом Афадель не пользовалась. Во всем виновата разница в росте, решил я: попробуй разгляди ее декольте, если ты ростом эльфу по пояс, как хоббиты!

После заката похолодало, и Геранька внезапно вспомнила, что у нее не доена корова. А я внезапно услышал какие-то звуки. Кажется, Афадель меня звала, но плеск реки, гогот гусей и отдаленное мычание недоеной коровы заглушали ее призывы.

— Кажется, мне пора. — сказал я. — Не люблю сцен расставаний.

— Мне тоже, — сказала она. — Заходи еще.

— Возьми на память, — спохватился я и вынул из уха серьгу. С рубинчиком.

Геранька визгнула, чмокнула меня в нос и живо ушуршала по камышам к своей корове.

Я же восстал из камышей — красивый и в тине — и нос к носу столкнулся с разъяренной Афаделью.

— Я думала, ты утонул, — сказала она с некоторым разочарованием.

— Не дождетесь, — злорадно ответил я. Афадель посмотрела на засос у меня на шее, на отсутствующую серьгу и пошлепала к шалашу. Я потер шею и потащился следом.

В шалаше тоже было все хорошо, одна Афадель сидела мрачнее тучи и кидала камушки в гусей.

Все молчали. Жужжали комары. Красиво заходило солнце, высыпали первые звезды.

— Кто бы мог подумать! — воскликнула наконец Афадель.

— Да! — поддержал ее Леголас.

— Безобразие! — согласился Следопыт.

— Что естественно, то не безобразно, — огрызнулся я любимыми словами Афадели.

— Да что ж это такое! — возмутилась она. — Сижу в компании двух взрослых эльфов и дунадана и хоть бы один протянул руку помощи!

— Да! — поддержал я. Но руку не протянул, я себе не враг.

Афадель плюнула в костер и спросила, что на ужин.

— Гусь, — ответил Следопыт. — Тебе ножку или крылышко?